Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО Ульяновский государственный технический университет
ГОУ ВПО Ульяновский государственный университет

Институт международных отношений
Факультет иностранных языков и профессиональной коммуникации
Кафедра лингвострановедения и коммуникации

А.В.Пузырёв

Пролегомены к эстетике языка и оценка содержательной основы массовых песен

Учебное пособие к курсам
«Социальная психология», «Теория и практика массовой информации»,
«Психология массовой коммуникации», «Психология журналистики»

Ульяновск
2010

УДК 81′38 : 18/075
ББК 81.05 + 87.8в я7

П 88

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор А. А. Гагаев
кандидат психологических наук, доцент Л. И. Панкова

Пузырёв, А. В.

П 88 Пролегомены к эстетике языка и оценка содержательной основы массовых песен: учебное пособие к курсам «Социальная психология», «Теория и практика массовой информации», «Психология массовой коммуникации», «Психология журналистики» / А.В.Пузырёв. – Ульяновск: УлГТУ, 2010. – 123 с.

ISBN 978-5-9795-0551-0

УДК 81′38 : 18/075
ББК 81.05 + 87.8в я7

© Пузырёв А.В., 2010
ISBN 978-5-9795-0551-0
© Оформление УлГТУ, 2010

Об учебном пособии А.В.Пузырёва

«Пролегомены к эстетике языка и оценка
содержательной основы массовых песен»

Эстетика языка – неразработанная часть эстетики. Этот раздел в эстетиках – и теоретических, и прикладных – просто отсутствует. Более того, без языкового компонента анализа категорий эстетики – представления о них оказываются ложными.

Объект исследования: язык в схеме: мышление – язык – психофизиология – речь – коммуникация в отношении объективности и субъективности рефлексии человека об эстетической форме Космоса.

Предмет исследования: эстетика языковых уровней – меризмов – фонем – морфем – лексем – семантика и синтаксис предложения и текста.

Гипотеза: эстетическое в языке есть отношение совместимости (вместе истинны АВСДЕ и при подстановке α, γ, на этой основе отношения выводимости и следования), моделирующее систему: *красоты – жизни – истины – пола* (женское первично относительно мужского в эволюции) – *здоровья* в эволюции и истории.

Методологические основания исследования.

Философское основание исследования – теория и методология субстратного подхода в науке А.А.Гагаева; теория и методология субстратного подхода в лингвистике А.В.Пузырёва.

Теоретические основания исследования: теория языка Ф.де Соссюра, теория структуры языка Э. Бенвениста, историческая грамматика, сравнительная грамматика, теория эстетики Платона (целостность), Аристотеля (мимезис, катарсис и нарратив, истина, добродетели); теория художественной истины и мимезиса, критики В.Г. Белинского, теория прекрасного как разнообразия в этнокультурном языке, в понятии А.С. Пушкина, в теории семиотики, в теории эстетики И.Г.Гердера (архетипичность эстетик), теория В. фон Гумбольдта (языковые основания мышления вообще), теория стиля И.Гете, теория лингвистической относительности Э.Сепира и Б.Уорфа, теория психофизиологии И.М.Сеченова, И.П.Павлова, В.М.Бехтерева, А.А.Ухтомского, К.Лоренца, теория субъязыков Ю.М.Скребнева.

Методика исследования: классификационная схема теории и методологии субстратного подхода, в которой *всеобщему* соответствует генетический аспект, *общему* – логический, *конкретно-абстрактному* – динамический, *особенному* – функциональный, *единичному* – уникальный, которые рассматриваются в уровнях: мышления, языка, психофизиологии, речи, коммуникации.

Методологические принципы исследования.

1. Эссенциальный и субстратный принцип в лингвистике (нередуцируемость языков).

2. Принцип моделирования языковых явлений в пятичленном классификационном фрагменте: *всеобщее – общее – конкретно-абстрактное – особенное – единичное*.

3. Принцип объективности-укоренённости языка в природных и жизненных процессах, в коммуникации, в месторазвитиях.

4. Принцип антиномичности лингвистических явлений вообще (язык – речь и т.п.).

5. Принцип единства психофизиологии: зрительно-двигательного и зрительно-понимающего, слухово-двигательного и слухово-понимающего, понимающего центров в системе связи а) психофизиологической дуги, рефлексы и б) дуги сознания, в которой мышление – центральное событие, репрезентируемое языком и речью, сенсорные процессы – память, моторное возбуждение – развитие смысла в предложениях и образы движения.

6. Принцип единства: оценки, мысли, чувства, ощущения, интуиции, истины – добра – прекрасного в естественных языковых структурах всех его, языка, пяти уровней (меризмы, фонемы, морфемы, лексемы, предложения и текст как этнокультурный текст).

7. Соотнесение эстетических форм с законами развития языка в месторазвитии. Прогресс и регресс языковой динамики народа.

8. Принцип спецификации эстетической формы языка в конкретном эстетико-рыночном явлении – массовой коммерческой песне.

Метод исследования.

1. Исходный эстетический принцип: единство в языковой конструкции совместимости (субстанции прекрасного) – жизни – истины – пола (женщина – мужчина) – здоровья.

2. Основная аналитическая система: а) структура языка: меризмы, фонемы, морфемы, лексемы, предложения и текст как этнокультурные феномены; б) аналитическая система: *всеобщее* – генезис языковых и эстетических форм, ***мышление***; ***язык*** – *общее* – логическая конструкция эстетических форм; ***психофизиология*** – *конкретно-абстрактное* – динамика эстетических форм, их форма и содержание, истина, добро – зло, катексис; ***речь*** – *особенное* – функции, ***коммуникация*** – *единичное* – уникальность и повторение; в) сохранение, неуничтожимость языковых сущностей, но исчезновение явлений: *общее* существует до вещей, в вещах и после вещей.

3. Вторичные аналитические системы: а) историческая грамматика, б) сравнительная грамматика, в) теория лингвистической относительности языков Э.Сепира, Б.Уорфа; г) определение языком семантики идеологий и идеологией – семантики эстетических категорий в языке.

4. Субстанциональный синтетический принцип: 1) языковая личность; 2) языковое сознание, языковая картина мира в русском язык; 3) модель психофизической проблемы (идентиэтет, параллелизм, взаимообмен, редукция, психофизическая причинность); 4) мысль – предложение – рефлективный акт – высказывание – акт коммуникации; 5) выражение в языковых структурах эстетических категорий и эстетической реакции.

5. Адстратный принцип: моделирование перфекционной системы потребностей и интересов в эстетике языка или – некрофильной эстетики и некрофильной системы потребностей и интересов. Критика с позиций биофильной эстетики эстетики некрофильной.

Концепция автора.

I. Эстетика языка имеет объектом – ***язык, мышление, психофизиологию, речь*** и ***коммуникацию***, но не относится только к художественным текстам.

II. Субстанцию эстетического в языке образуют: а) логико-семантическое и синтаксическое отношение совместимости высказываний, содержательная форма; б) формируемое в нём отношение красоты (прекрасного), что лингвистически и есть отношение совместимости – моделировка в нём Жизни (разнообразия) – Истины (мимезис, рост разнообразия и преодоление необходимостей) – женского и мужского начал продолжения расы и этноса, семьи – Здоровья расы, этноса в языковом аспекте (развитие семантики языка).

III. Эстетика языка моделируется в уровнях: ***мышления, языка, психофизиологии, речи, коммуникации*** (*всеобщее, общее, конкретно-абстрактное, особенное, единичное и уникальное*, бывающее один раз).

IV. Мышление понимается как рефлексия – феноменологическая, атрибутивная, функциональная, структурная, субстратная. Эстетическое мышление в языке – а) мышление в значимостях и значениях, по которым один язык отличается от другого, б) нарастание открытия нового и полноты знания. Если нет открытия нового – нет мышления, отсутствие мышления, хотя имеет место как раз повторимость операций мышления. Где идёт повторение – там мышления не наблюдается. Вводится понятие псевдомышления: коннотативное конструирование, которое допустимо в искусстве, но не науке, но и в искусстве оно должно иметь референцией художественную истину.

Формой отсутствия мышления является стадное мышление – *как все*, в том числе в форме абсолютизации своей субъективности – самовыражения. И, следует добавить, моделирование своей биографии. О. Уайльд полагает, что если художник самовыражается и пишет свою биографию – он не имеет художественной фантазии и бесплоден. Так же полагали и А.Скрябин, Т.С.Элиот, Э.Т.А.Гофман. Стадное мышление заключается в настаивании на своей уникальности (А.А.Меняйлов).

Возможно квазимышление: заинтересованное знание, реализуя которое достигают деградации человека, осуществляя хреодные варианты жизни.

Понимание – схватывание целостности, переход из кода языка в код мышления (девербализация), схватывание значимостей этнокультурного языка, которые отсутствуют в других языках.

V. В языке реализуются две эстетики: а) биофильная: Красота (совместимость), Жизнь, Истина, Пол и женщина, мужчина, Здоровье; б) некрофильная: безобра́зность (несовместимость), некрофилия и преступление против человечности, военные преступления, языковые преступления, ложь и

заблуждение, утрата женско-мужской идентичности в гендере, болезнь психофизиологическая, психическая, социальная. Вполне возможны языковые преступления – языковые манипуляции, которые вводят в: а) заблуждение; б) в соблазн, в) в грех и преступления.

В Конституции РФ в гл. 1, ст. 3 утверждается, что субъект государственного суверенитета в многонациональной стране – многонациональный народ. Но по критериям ООН и ЮНЕСКО мононарод и моногосударство те, где численность одного народа составляет 2/3 – 66%, а в РФ численность русских – славян – 82%. Таковы и Китай, Израиль, Испания, Таджикистан, Украина, Казахстан.

Прирост населения в СССР составлял 2%, рост – 24 млн. человек в год без учета присоединяемых территорий, а прирост населения в ЕС был – 0, 5-1%, а сейчас имеет место вымирание как русского народа, так и западных народов в модели рынка и демократии!

Некрофильная эстетика в языке предполагает: смысл слов тот, который я хочу (эгоизм), форма – моральна, а смысл – мой интерес, я могу не считаться ни с кем, кроме себя, использую введение в заблуждение с целью использования другого человека в своих целях.

На обе эстетики влияют правополушарная и левополушарная формы мышления (образность – логика). То есть в эстетике предложения, афоризма должна наблюдаться логика, которой соответствуют образы; логика может вызывать образы, полагание; и образы вызывают логики, предполагание в сущности. Их взаимоопределение порождает общую структуру эстетики языка:

1) Отношение совместимости в семантико-синтаксической конструкции при доминировании или семантики, как в русском языке, или синтаксиса, как в романо-германских языках.

2) Изображение формами языка субстанции *прекрасного – безобразного, возвышенного – низменного, целостности – разорванности, драматического – трагического – комического, характерного – аккультурационного*. Это предопределение смысла этих категорий языком в идеологии, о чём и пишут Ф. де Соссюр, Э. Бенвенист, но это предопределение не следует абсолютизировать.

3) Выражение формами языка идеологических смыслов указанных категорий в расово-этнических культурах и глобальном обществе.

4) Эстетические требования к языку. Согласно А.В. Пузырёву, они таковы:

а) точность логическая и образная;

б) единство изобразительности, выразительности в личной форме моделирования всеобщности (не самовыражение, не биографии);

в) правильность (законы языка и истина, моральность);

г) разнообразие фактов в нарративе и интриге развития событий;

д) эстетичность (отношение совместимости, идентификации – идентичности, телеологии, цикличности развития смысла, меры перформативности

высказываний, реализуя схему: Прекрасное – Жизнь – Истина – Женщина – Здоровье.

5) Адекватность структуры языка – речи русскому литературному языку, русскому языковому сознанию, систем русского КПЛ.

Заимствования в языке, как показывает Э. Бенвенист, всегда исключают развитие того, что заимствовано, и делают то, в чём осуществлено заимствование, – не способным к развитию. В современном российском образовании и культуре – английский язык доминирует над русским, вызывая разрушение языкового и речевого мышления школьника, свёртывая его креативность. Советская система образования предполагала образование на основе сложного русского литературного языка. Адекватность языка и речи русскому языку предполагает пять субстратно-структурных уровней эстетических форм.

1) Уровень меризмов – классообразующих этнорасовых признаков фонем в месторазвитиях, формах жизни, – это то, что в сущностях различает семьи языков и языки по их генезису и сущности. Меризмы моделируют уровни проникновения мышления в сущность вещей в месторазвитии.

2) Уровень фонем: звуковой символизм эпического и поэтического текста в родах – эросе, лирике, мифе, эпике, драме – трагедии – комедии.

3) Уровень морфем (приставки, корни, суффиксы, окончания). Морфемы моделируют в русском языке форму общего в её структуре бытии в языке.

4) Эстетика лексем. Моделирование: утверждений – отрицаний – развития – синтеза – образного дополнения абстрактной мысли.

Русский язык обладает твёрдостью немецкого, живостью французского, великолепием испанского, нежностью итальянского и лаконичностью и логичностью древнегреческого и латинского (М.В. Ломоносов), конкретностью восточных языков.

5) Эстетика предложений и текста. Это эстетика семантики, которая доминирует над синтаксисом в свободном порядке слов. Эстетика семантики – основана на принципе методологического коллективизма и уникализма; форма методологического индивидуализма заимствуется из романо-германских языков и для русского языка есть форма не развития, а деградации. Русский язык оптимизирует семантики, которые сосредотачиваются на субъекте высказываний и на предикате высказываний.

В целом автор создал глубокое исследование, блестящую эстетику языка и речи, поняв её как обнимающую всю форму жизни в единстве *истины – красоты – добра – зла* в языковых формах, в традиции мировой и русской эстетики и лингвистики (Ф.де Соссюр, Э.Бенвенист, Ж.М.Гюйо, П.Кропоткин, В.Г.Белинский, А.С.Пушкин, А.А Потебня).

Работа не только теоретична, но содержит и глубокий прикладной анализ, представляет собой программу глубоких эстетически-языковых исследований феноменов культуры в целом.

Автором выполнена великолепная и абсолютно оригинальная работа – создана впервые теоретическая эстетика языка, представленная в форме про-

стого и ясного учебного пособия, написанного живым и образным языком, которая и рекомендуется к публикации.

Зав.кафедрой гуманитарных дисциплин
Мордовского госуниверситета,
доктор философских наук, профессор *А.А. Гагаев*

Предисловие автора

Вступительные замечания к методическому пособию

В ходе прохождения учебных курсов «Социальная психология», «Психология массовой коммуникации», «Теория и практика массовой информации» перед будущими выпускниками различных специальностей высших учебных заведений нами ставится задача получить знания, умения и навыки, предусмотренные соответствующими государственными стандартами. Государственными стандартами различных специальностей от студентов требуется стать специалистами «в вопросах национальной безопасности» (специалист в области международных отношений), «строительства безопасного мира, информационного обеспечения внутренней и внешней политики; формирования общественного мнения внутри страны и за рубежом» (специалист по связям с общественностью), понимать «социальную обусловленность языка» (лингвист, преподаватель; лингвист, переводчик; лингвист, специалист по межкультурному общению). Решение поставленных госстандартом задач немыслимо без формирования соответствующих знаний, умений и навыков в области квалифицированной экспертной оценки текстов (в нашем материале – художественных текстов).

Поскольку автор методического пособия преимущественно работает со студентами-лингвистами, постольку перед ним встала задача сформировать у студентов умения и навыки анализа таких текстов, которые бы, с одной стороны, обладали характерными особенностями художественного текста, а с другой стороны – были бы на слуху, привычными для студента(-тки). Именно поэтому для анализа студентам и предлагаются тексты (по преимуществу современных) массовых песен.

Полагаем, что квалифицированный анализ текста массовой песни невозможен без выработки соответствующего методологически выверенного подхода, вне сочетания требований общенаучной, общелингвистической и специальной методологии. Наиболее общие принципы этих трёх видов методологии исследования излагаются в первой главе настоящего пособия.

Во второй главе пособия излагаются принципы общелингвистической методологии подхода к анализу эстетических явлений языка.

В третьей главе рассматриваются основания определения содержательной основы массовых песен, вводится и обосновывается понятие о трёх возможных типах содержательной основы художественного текста, приводятся примерные разборы конкретных текстов массовых песен.

Автор пособия далёк от мысли, что его пособие носит полностью завершённый характер и потому надеется на доброжелательные отзывы и замечания своих коллег, а также от всех людей, любящих думать.

* Пролегóмены – рассуждения, имеющие дать предварительные сведения о предмете; введение в изучение чего-либо.

Глава I. Общетеоретические аспекты рассмотрения проблем эстетики языка

Было бы несправедливым и не соответствующим истине сказать, что эстетическим аспектам языка в научной литературе внимания не обращается, – литература по этому вопросу насчитывает не одну сотню, а то и тысячу наименований (см., например, наиболее заметные: *Д.Н.Овсянико-Куликовский* 1914, 1989; *О.М.Брик* 1917; *А.Белый* 1934; *В.Гофман* 1936; *А.Н.Гвоздев* 1955; *В.В.Виноградов* 1959, 1971; А.*И.Ефимов* 1957; *Л.В.Щерба* 1957; *Л.И.Тимофеев* 1958, 1987; *Г.А.Шенгели* 1960; *Е.Д.Поливанов* 1963; *Слово и образ* 1964; *Д.Н.Шмелёв* 1964; *А.П.Квятковский* 1966; *А.В.Чичерин* 1968; *Л.С.Выготский* 1968; *Н.В.Черемисина* 1970, 1976, 1981; *Ю.М.Лотман* 1972; *Д.Д.Благой* 1973; *Б.П.Гончаров* 1973; *А.А.Леонтьев* 1973; *Б.А.Ларин* 1974; *П.Г.Пустовойт* 1974; *Ю.К.Стехин* 1974; *Ю.М.Скребнев* 1975; *В.М.Жирмунский* 1975, 1977; *Л.Ф.Тарасов* 1976; *Т.И.Сильман* 1977; *В.А.Кухаренко* 1978, 1988; *В.В.Николаева* 1979; *В.П.Григорьев* 1979; *В.В.Одинцов* 1980; *Р.А.Будагов* 1980, 1984; *Н.А.Купина* 1980, 1983; *К.А.Долинин* 1985; *Б.М.Эйхенбаум* 1986; *Г.В.Степанов* 1988; *Л.А.Новиков* 1988, 2001; *Л.Г.Бабенко* и др. 2000; *А.А.Гагаев и П.А.Гагаев* 2002; *В.П.Белянин* 2006 и мн. др.). К сожалению, нигде не найти ответа на простой и естественный вопрос: а каким ветром веет данный художественный текст – призывом жить или умереть? желанием продлить жизнь читателю или эту жизнь сократить? Лингвистический, психологический, психолингвистический инструментарий по данному вопросу нам неизвестен.

Квалифицированный анализ текста массовой песни (и об этом уже говорилось в предисловии к методическому пособию) невозможен без выработки соответствующего методологически выверенного подхода, вне сочетания требований общенаучной, общелингвистической и специальной методологии.

Рассмотрению философских и методологических аспектов эстетики языка посвящены первый и второй параграфы данной главы.

§ 1. Философские аспекты эстетики языка

1.1. Определение эстетики вообще и эстетики языка в частности

Под эстетикой обычно понимается философская дисциплина, изучающая выразительные формы, соответствующие представлениям о прекрасном, безобра́зном, возвышенном, низменном и т.д. Эстетика – это наука, изучаю-

щая искусство как одну из форм идеологии, законы развития искусства, его идейное содержание, художественные формы и общественную роль (см.: *Словарь иностранных слов* 1984: 593; *Краткий словарь по эстетике* 1983: 200-203 и др.).

Известный специалист в области эстетики д. филол. н. Ю.Б.Борев определяет её так: «*Эстетика – наука об исторически обусловленной сущности общечеловеческих ценностей, их создании, восприятии, оценке и освоении*. Это философская наука о наиболее общих принципах освоения мира по законам красоты в процессе деятельности человека, и прежде всего в искусстве, где оформляются, закрепляются и достигают высшего совершенства результаты такого освоения мира» (*Ю.Б.Борев* 1981: 5).

Очень интересное определение эстетики предлагает д. филос. н. В.В.Бычков: Эстетика – «это *наука о неутилитарном созерцательном или творческом отношении человека к действительности, изучающая специфический опыт её освоения (глубинного контакта с ней), в процессе (и в результате которого) человек ощущает, чувствует, переживает в состояниях духовно-чувственной эйфории, восторга, неописуемой радости, катарсиса, духовного наслаждения и т.п. полную гармонию своего Я с Универсумом, свою органическую причастность к Универсуму в единстве его духовно-материальных основ, свою сущностную нераздельность с ним, а часто и конкретнее – с его духовной Первопричиной, для верующих – с Богом*» (*В.В.Бычков* 2002: 11).

Любопытно, однако, что в основательных по своему характеру трудах по эстетике (см.: Ю.Б.Борев 1981; В.В.Бычков 2002 и др.) специальные разделы, касающиеся эстетики собственно языковых феноменов, практически отсутствуют.

Так имеются ли основания говорить об эстетике языка вообще и русского языка в частности? Конечно, да.

Эстетика, читаем в словаре С.И.Ожегова, – это слово, которое может выступать в трёх значениях: 1) философское учение об искусстве как особом виде общественной идеологии, посвящённое исследованию идейной сущности и форм прекрасного в художественном творчестве, в природе и в жизни; 2) система чьих-нибудь взглядов на искусство; 3) красота, художественность в оформлении, организации чего-нибудь (*С.И.Ожегов* 1984: 791).

Нет сомнений, что есть все основания говорить о красоте и безобра́зном, о художественности (и антихудожественности) в организации и употреблении языка вообще и русского языка в частности.

Чаще всего понятие эстетики языка относится только к художественной литературе. Полагаем, что в таком случае область эстетических явлений необоснованно сужается. Эстетические явления характеризуют все разновидности литературного языка, а не только языка художественного, поэтического. Сошлёмся на авторитетное суждение Р.А.Будагова: «Широко распространённое мнение, согласно которому лишь в языке писателей допустимо "ис-

кать эстетику", тогда как литературный язык ничего общего с ней не имеет, следует признать мнением несостоятельным» (*Р.А.Будагов* 1984: 259).

Но что такое красивый язык или красивая речь?

1.2. Красота и красивость языка

Довольно часто обязательным признаком красоты и художественности языка считается употребление метафор, сравнений и тому подобных украшений. Вот, например, отрывок из повести Н.М.Карамзина «Бедная Лиза»:

«Лиза стояла подле матери и не смела взглянуть на неё. Читатель легко может вообразить себе, что она чувствовала в сию минуту.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эраст, обняв её в последний раз, в последний раз прижав к своему сердцу, сказал:

"Прости, Лиза!.." Какая трогательная картина! Утренняя заря, как алое море, разливалась по восточному небу. Эраст стоял под ветвями высокого дуба, держа в объятиях своих бледную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь с ним, прощалась с душою своею. Вся Натура пребывала в молчании».

Красиво это? – А.С.Пушкин так не считал. Осуждая не столько Карамзина, сколько его незадачливых последователей, он писал: «Эти люди никогда не скажут дружба – не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и т.д.»

Л.Н.Толстой тоже иронизировал над теми, кто испытывал слабость к «изысканным» эпитетам: «Бирюзовые и бриллиантовые глаза, золотые и серебряные волосы, коралловые губы, золотое солнце, серебряная луна, яхонтовое море, бирюзовое небо и т.д. встречаются часто. Я никогда не видал губ кораллового цвета, но видал кирпичного: – глаз бирюзового, но видал цвета распущенной синьки и писчей бумаги» (Л.Н.Толстой; цит. по: *Русские писатели о языке* 1954: 289).

Известный советский переводчик Н.Н.Ушаков в своей книге «Мастерская» составил даже словарь «запрещённых красивостей» 900-х годов:

«Звёзды (ясные, прекрасные). Луна золотая, лучи, зори, огни. Мечта, грёза, сказка (чудная), сны (сказочные) – чары, май, юный чародей, ласки весенние, задумчиво-чудные, нега сладкая, сладостный, золотой, золотистый, алый, румяный.

Соловей, роза («увяла роза, разбит бокал»), ландыш, подснежник, астры, черемуха («черемух венчальный наряд»), сирень («тихо дрожали сирени») – вот типичный словарь Хофанова (1862 — 1911). У К.Р. (Константина Романова) еще и фиалка («наряжается фиалка для него в кокошник синий»), благовонный, ароматный, душистый (*душистый будуар*), но это уже переход к Игорю Северянину.

Море, волны, ветер, мгла («мгла осеннего дня»), чёлн, маяк, корабль (у Некрасова был «пароход»).

Алмаз, кристалл, изумрудный, фимиам, факел, алтарь, оргия, пир, безумие, «безумные взоры» (у Апухтина – «ночи безумные», у Надсона – «безумные слезы»).

Страдания. Муки (конечно же тайные), слёзы.

Песня, звуки, созвучия, рояль, струны разбитые, беззвучный, немая тишина.

Я говорю о привычных красивостях – не столько об отдельных «красивых» словах, сколько о *трафаретных соединениях слов*» (*Н.Н.Ушаков* 1983: 297-298).

Поневоле приходим к выводу, что изысканность речи, её «украшенность» – ещё не признак красоты и эстетичности. В чём же тогда красота языка и речи? Прежде чем ответить на этот вопрос, нам следует определить некоторые философские понятия.

1.3. О соотношении понятий *Красота – Истина – Жизнь – Женщина – Здоровье*

Во-первых, следует установить условное равенство, логическую совместимость понятий *Красота* и *Жизнь*. Эти слова: красотá и жизнь – многозначны. В лексическом значении существительного *красота* явно присутствует субъективный компонент, идущий от восприятия человеком жизненных явлений: *красота* – это 1) совокупность качеств, доставляющих наслаждение взору, слуху; всё красивое, прекрасное; 2) о чём-нибудь приятном, доставляющем удовольствие, удовлетворение (прост.). Но человек воспринимающий – по определению живое существо. Поэтому умение оценить красоту – атрибут человека.

В лексическом значении слова *жизнь* имеется не только лексико-семантический вариант (далее – ЛСВ) 'совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования и движения материи, возникшая на определённой ступени её развития', а также 'физиологическое существование человека, животного', но также такие ЛСВ, как 'деятельность общества и человека в тех или иных её проявлениях' и 'оживление, проявление деятельности, энергии' (мы пока не рассматриваем такой ЛСВ, как 'реальная действительность'; см.: *С.И.Ожегов* 1984: 167, 260). Но что такое оживление, проявление деятельности, энергии? В системном плане – это повышение качества и количества системных связей внутреннего и внешнего характера. Умение увидеть гармонию системных связей внутреннего и внешнего характера – и есть умение оценить Красоту Жизни. Красота оказывается атрибутом Жизни с большой буквы.

Следует оговорить различение прописных и строчных написаний в словах Жизнь и жизнь, Красота и красота, Истина и истина, Женщина и женщина, Здоровье и здоровье. Строчное написание имеет в виду конкретные проявления того принципа, который как раз и обозначается прописной буквой.

Жизнь с большой буквы – это жизнь достойного человека. Образцами – носителями Жизни – можно считать Сократа, Льва Толстого, Пушкина, Игоря Талькова... Именно Жизни требовал от последующих поколений России Николай Майоров в одном из своих последних стихотворений:

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
и ждём приказа нового. И пусть
не думают, что мёртвые не слышат,
когда о них потомки говорят.

Красота – это такой атрибут Жизни, который доставляет наслаждение и удовольствие взору, слуху. Красота – это и есть наиболее гармоничное проявление Жизни.

В тех случаях, когда нечто красивое демонстрирует не Жизнь, а жизнь с маленькой буквы, всё очарование красоты и жизни исчезает. Именно об этом писал А.С.Пушкин в своём стихотворении «Прелестнице» (*А.С.Пушкин* 1949 т. 1: 336):

К чему нескромным сим убором,
Умильным голосом и взором
Младое сердце распалять
И тихим, сладостным укором
К победе лёгкой вызывать?
К чему обманчивая нежность,
Стыдливости притворный вид,
Движений томная небрежность
И трепет уст и жар ланит?
Напрасны хитрые старанья:
В порочном сердце жизни нет…

К *девицам лёгкого поведения* (как их стыдливо называли при тоталитарном социалистическом режиме), ныне заполонившим демократический Интернет, теле- и радиоэфир, гениальный русский поэт относился с нескрываемым презрением:

Неси другим наёмны узы,
Своей любви постыдный торг,
Корысти хладные лобзанья
И принужденные желанья,
И златом купленный восторг!

Иными словами, двадцатилетний Пушкин оценивал таких девиц как девиц недостойных...

Во-вторых, вслед за признанием логической совместимости понятий Красота и Жизнь, следует признать логическую совместимость понятий Жизнь и Истина.

Мы уже говорили, что лексическое значение слова *жизнь* включает в себя ЛСВ 'реальная действительность'. Но истина – это и есть 1) то, что су-

ществует в действительности, отражает действительность, правда; 2) утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом (*С.И.Ожегов* 1984: 221). Отсюда следует вывод, что в целом ряде случаев понятия Жизнь и Истина являются абсолютными синонимами.

Но что являет собою жизнь, что (или кто) её продолжает? Не надо долго думать, для того чтобы понять, что Жизнь движется Женщиной. Любопытно то, что Женщина как принцип продолжения и порождения Жизни одновременно являет собой Красоту и Истину.

Вряд ли сто́ит доказывать, что Женщина олицетворяет собой Красоту. Достаточно перелистать поэтические хрестоматии, чтобы убедиться в нехитрой истине, что женской красоте в них посвящено намного больше текстов, чем мужской.

Но Женщина одновременно есть и сама Жизнь. Женский пол первичен по отношению к мужскому (более подробно психофизиологические аспекты проблемы см.: *Дж.Бразерс* 1993: 20-29). Медики обнаружили, что в первые дни и недели любой ребёнок начинает развиваться как девочка. Пол ребёнка начинает определяться только через 2 недели. Если у мужского зародыша крысы удалить яички, крыса не развивается в стерильную особь мужского пола. Она превращается в женскую особь. Если же у крысы в зародышевом состоянии удалить яичники, она всё равно будет развиваться как особь женского пола – бесплодная, но именно женская особь. Известно также, что большинство выкидышей – мужские зародыши. Иными словами, мужской зародыш в период половой дифференцировки весьма уязвим, а живучесть женского начала и позволяет говорить о его первичности. Более высокая смертность мужчин, их менее продолжительный срок жизни позволяет говорить о хрупкости мужского организма и о мифологичности представления о том, кто в обществе на самом деле является «сильным полом».

И если современные теологи вполне серьёзно обсуждают вопрос, не является ли Бог существом женского пола, то у такой постановки вопроса есть и серьёзные психофизиологические основания. Кроме того, известно, что во многих религиях Бог представлен в образе Матери.

Но если уж мы заговорили об эзотерических аспектах проблемы, то нельзя не упомянуть любопытнейшего отрывка из «Священной книги Тота», известной по комментариям серьёзного специалиста в этой области В.Шмакова: «Основная сущность мужчины – это стремление, усилие, тяготение; сила, влекущая Волю к Премудрости, есть Любовь; поэтому Воля и Любовь – тождественны: Любовь есть сила Воли, а Воля есть сила Любви, а потому сущность Активной Силы есть Любовь. Основная сущность женщины – это пребывание в себе самой, это внутреннее самоутверждение, именно этими качествами обладает Вечная Истина, Премудрость, София.

«Женщина, которая должна размозжить голову змию, – есть Премудрость». Елифас Леви.

Активность или Любовь стремится к Премудрости и, достигая её, она облекается Ею. Пассивность или Премудрость стремится к Любви и, достигая Её, она облекается Ею.

Сущность мужчины есть Любовь, облик его есть Премудрость. Сущность женщины есть Премудрость, облик её есть Любовь. …

Мужское сознание женщины даёт лишь зародыши идей, но только оно даёт эти зародыши, т.е. даёт первоначальное движение и первую субстанцию, одним словом, интеллектуальное семя. Мужское сознание женщины оплодотворяет женский мозг мужчины. Таким образом, сознание женщины по отношению мозга мужчины есть то же, что phallus мужчины к cteis'у женщины, и у женщины сознание по отношению cteis'а есть то же, что у мужчины phallus по отношению мозга» (*Священная книга Тота* 1916: 369-370).

Это рассуждение нам представляется весьма любопытным по нескольким основаниям. Во-первых, человеческая воля в нём приравнивается любви. Очевидно, здесь говорится об одухотворённой воле человека, которая не может не быть озарена отсветом основного Закона всего существующего мира. Во-вторых, суждение о сущности мужчины как о носителе Любви для нас весьма неожиданно перекликается с суждением весьма авторитетного С.Н.Лазарева о том, что мужчины ближе к Богу, нежели женщины, в три раза (поскольку те по специфике своего пола в большей степени заземлены). Но в момент Любви её носитель становится открытым и беззащитным, что, вероятно, вполне соотносится и с более высокой смертностью представителей мужского пола. В-третьих, женщины оплодотворяют нас, мужчин, интеллектуально. И это, думается, самое большое наше мужское самооправдание в извечном стремлении к Мудрости, к Истине, к Женщине, к Красоте.

Именно о Женщине как принципе Истины, Красоты, Жизни писал замечательный русский поэт В.Д.Фёдоров (*В.Д.Фёдоров* 1970: 18):

Если б
Богом я был,
То и знал бы,
Что творил
Женщину!

Если б
Скульптором стал,
Высек бы
Из белых скал
Женщину!

Если б
Краски мне дались,
Рисовала б
Моя кисть
Женщину!

Но
Не бывшую со мной
И не ставшую женой
Женщину!

Только при таком понимании Женщины – как принципа, как сущности, воплощающей Жизнь, Истину, Красоту, – последние строки приведённого стихотворения приобретают законченный смысл:

Но
Не бывшую со мной
И не ставшую женой
Женщину!

Итак, можно говорить об условном равенстве понятий Жизнь – Истина – Красота – Женщина. Условное равенство этих понятий может быть подтверждено и сочетаемостью этих существительных с одними и теми же глаголами, т.е. языковыми данными:

познать жизнь (женщину, истину, красоту),
увидеть жизнь (женщину, истину, красоту),
влюбиться в жизнь (женщину, истину, красоту),
любоваться жизнью (женщиной, истиной, красотой),
овладеть женщиной (истиной),
ему открылась жизнь (женщина, истина, красота),
преклоняться перед жизнью (женщиной, истиной, красотой),
оценить жизнь (женщину, истину, красоту) и т.д.

Если исходить из языковых данных, то понятие Здоровье не может находиться в том же ряду, что и понятия Жизнь – Истина – Красота – Женщина. Оно вторично по отношению к ним: *здоровьем* можно *любоваться*, перед ним можно даже *преклоняться*, но его нельзя *увидеть, оценить, познать*, им нельзя *овладеть, здоровье* не *открывается*…

Получается так, что языковые данные (сочетаемость слов) издавна указывают на то, что современная медицинская наука стала осознавать относительно недавно: бóльшая часть человеческих заболеваний по своему происхождению являются производными от состояния человеческой психики, т.е. являются психосоматическими (см.: *Ф.Александер* 2002; *С.А.Кулаков* 2003; *А.Менегетти* 2002; *Психосоматика* 1999 и мн.др.).

Что является более перспективным для обретения здоровья? Оздоровительные процедуры (или, тем более, различные лекарства-таблетки) или устремлённость к Жизни, Истине, Женщине, Красоте? Языковые данные и новейшие достижения психосоматической медицины в ответе на поставленный вопрос не противоречат, а совпадают в своих позициях.

Предварительный вывод из наших рассуждений таков: выработка истинных эстетических критериев не может не сказаться на улучшении челове-

ческого здоровья. В тех же случаях, когда человек руководствуется эстетическими принципами, далёкими от Жизни, Истины, Женщины, Красоты, он своё здоровье теряет. Состояние здоровья, в силу своей вторичности и производности (относительно Жизни, Истины, Женщины и Красоты), оказывается вторичным и производным от эстетических вкусов человека.

Возможен и другой вывод предварительного плана. При решении вопросов научного и метанаучного характера очень плодотворной оказывается практика обращения к логике родного (в нашем случае – русского) языка. Все настоящие открытия могут быть сделаны лишь на базе родного космопсихологоса (об этом понятии см.: *Г.Д.Гачев* 1988: 58 и др.)

Известное стихотворение прекрасного русского поэта В.Д.Фёдорова «По главной сути…» замечательно тем, что формула *КРАСОТА = ЖЕНЩИНА = ИСТИНА = ЖИЗНЬ = ЗДОРОВЬЕ* в нём представлена практически полностью:

По главной сути
Жизнь проста:
Её уста…
Его уста…

Она проста
По доброй сути,
Пусть только грудь
Прильнёт ко груди.

Весь смысл её
И мудр и прост,
Как стебелька
Весенний рост.

А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
В куще облаков?

То всё ошибки,
Всё накладки
И заблуждения
Веков.

А жизни суть,
Она проста:
Её уста…
Его уста…

Концепт *ИСТИНА* здесь представлен сочетаниями слов «по главной сути», «весь смысл её и мудр и прост».

Концепт *ЖЕНЩИНА* проступает в словах «её уста», «солдатки».

Концепт *КРАСОТА* репрезентируется высоким стилем речи: «уста», «ко груди».

Концепт *ЖИЗНЬ* присутствует в виде как прямых, так и переносных номинаций: «жизнь», «как стебелька весенний рост».

Концепт *ЗДОРОВЬЕ* приглушённо проявляет себя уже в первых строках:

По главной сути
Жизнь проста:
Её уста…
Его уста…

Любовь и есть высшее проявление здоровья, а поэт здесь говорит именно о Любви. В значительно бóльшей степени тема *ЗДОРОВЬЯ* представлена далее – в своём антиподе, в теме отрицания боли, ранений, смерти. Тема *болезни* (антоним *здоровья*), *смерти* в этом стихотворении выступает как антитема, как своего рода антитезис, снимаемый последующим развёртыванием текста:

А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
В куще облаков?

То всё ошибки,
Всё накладки
И заблуждения
Веков.

Поэзия в своих лучших проявлениях выступает как непосредственное созерцание истины, и приведённое стихотворение В.Д.Фёдорова – наилучшее тому свидетельство.

§ 2. Методологические аспекты эстетики языка

Как известно, умение пользоваться методом, уважительное отношение к использованию методов исследования жизни – один из существенных параметров, отличающих умного человека от глупого.

Уместно в указанном плане вспомнить слова А.П.Чехова: «Важно не то, что у него есть определённые взгляды, убеждения, мировоззрение – всё это в данную минуту есть у каждого человека, – но важно, что он обладает методом; для аналитика, будь он учёный или критик, метод составляет половину

таланта» (письмо А. Плещееву от 6.03.1888г.). Быть талантливым, по А.П.Чехову, – значит пользоваться методом мышления.

По мнению акад. И.П.Павлова, умного (= культурного в мыслях, умеющего думать методично) человека характеризуют:

1) сосредоточенность мысли на предмете (стремление мысли на том вопросе, который намечен для разрешения, держаться дни, недели, месяцы, годы);

2) степень привязанности к фактам, к действительности, основывающейся на шлифовке метода познания («Мы знаем, что судьба всей нашей работы зависит от правильной методики»);

3) абсолютная свобода мысли, доходящая до смелости отвергнуть общепринятые истины («сметь отвергнуть то, что установлено в науке как непреложное»);

4) привязанность и беспристрастие к своей идее («Привязанность у нас есть, много таких лиц, которые стоят на определённой идее. Но абсолютного безпристрастия, его нет. Мы глухи к возражениям не только со стороны иначе думающих, но и со стороны действительности»);

5) детальность мысли, детальная оценка подробностей условий («Как эта черта в русском уме? – Очень плохо. Мы оперируем насквозь общими положениями, мы не хотим знаться ни с мерой, ни с числом. Мы всё достоинство полагаем в том, чтобы гнать до предела, не считаясь ни с какими условиями. Это наша основная черта»);

6) стремление к простоте («Простота и ясность – это идеал познания»);

7) стремление к абсолютной гарантии, что найденное – истина («Люди часто проводят всю жизнь в кабинете, отыскивая истину. Но это стремление распадаётся на два акта. Во-первых, стремление к приобретению новых истин, любопытство, любознательность. А другое – это стремление постоянно убеждаться и наслаждаться тем, что то, что ты приобрёл, есть действительно истина, а не мираж. Одно без другого теряет смысл»);

8) смирение перед истиной («Так как достижение истины сопряжено с большим трудом и муками, то понятно, что человек в конце концов постоянно живёт в покорности истине, научается глубокому смирению, ибо он знает, чтó стоит истина. Так ли у нас? У нас этого нет, у нас наоборот» – см.: *И.П.Павлов* 1991: 7).

Нетрудно убедиться, что вторым по счёту в перечне И.П.Павлова свойством умного (культурного в мыслях) человека является наличие определённого метода познания. В этом смысле и выдающийся писатель, и не менее выдающийся учёный говорят об одном и том же – о наличии метода познания реальности как неотъемлемом качестве культуры мышления.

«В науке нельзя обойтись без методики, без посредников, – говорил И.П.Павлов, – и ум всегда разбирается в этой методике, чтоб она не исказила действительности. Мы знаем, что судьба всей нашей работы зависит от правильной методики» (*И.П.Павлов* 1991: 7).

Для того чтобы в вопросах эстетики языка разбираться квалифицированно, в соответствии с перечисленными признаками умного человека, нам и требуется использование методологии.

2.1. Понятие об универсальной схеме научного исследования

Универсальная схема научного исследования, о которой идёт речь, имеет своим автором ныне живущего современного российского философа А.А.Гагаева (см.: *А.А.Гагаев* 1991; 2005; *А.В.Пузырёв* 1995; 2002 и др.). Предложенный А.А.Гагаевым вариант общей теории систем выступает в виде очень строгой методологии с жёсткой последовательностью конкретных шагов исследователя.

Значение универсальной схемы научного исследования для нашей работы заключается в том, что её использование позволяет выработать целостно-системное отношение к такому сложному явлению, как эстетика языка.

2.2. Пять ступеней сущности предмета (в том числе языка). Уровни мышления, языка, психофизиологии, речи и общения. Науки, их изучающие

Используемая нами методология А.А.Гагаева – обладая универсальностью применения (к настоящему моменту по ней защищено пять докторских диссертаций в разных областях научного знания) – изначально обладает высокой абстрактностью. Пользуясь ею, исследователь обязуется выделять в собственном предмете пять одновременно сосуществующих предметов (исходный предмет; развитой предмет в собственном смысле слова; необходимость предмета; то, во что он превращается; будущий предмет).

В терминах логики это выглядит как разграничение пяти степеней отвлечённости-конкретности (*всеобщее, общее, конкретно-абстрактное, особенное, единичное*).

В понятиях онтологии такое разграничение выступает как различение пяти ступеней сущности предмета – его *бытия, сущности, необходимости, явления* и *действительности.*

Все указанные пять граней выглядят как разграничение 5-ти моментов: 1) исходных причин и условий какого-либо явления; 2) внутреннего закона развития данного явления; 3) внутренней причинности, обусловленности, необходимости данного явления; 3) материального факта как проявления указанного закона; 4) интерпретации, восприятия данного материального факта.

По отношению к языку сказанное означает то, что при системно-целостном отношении к языковым феноменам мы должны различать пять

уровней погружения в язык, мы должны различать уровни *мышления, языка, психофизиологии, речи* и *общения.*

Уровень мышления

Под мышлением понимается познавательная по функции психическая деятельность человека, в результате которой достигается новое знание. Русское языковое мышление, например, входит в исходные причины и условия существования русского языка, т.е. служит основанием современного русского языка. Проблемами мышления занимаются такие науки, как логика, психология, антропология, культурология, концепции современного естествознания, история (в том числе история человечества, история отечества), археология, политология, история религий и т.д.

Иными словами, студенту-лингвисту для того, чтобы чувствовать себя профессионально подготовленным в области языковых оснований, следует иметь достаточно обширные представления в области перечисленных наук.

Уровень языка

Язык – это система языковых знаков и правил их использования. Данная система служит важнейшим средством человеческого общения, одним из важнейших способов выражения самосознания личности, одним из способов хранения информации и передачи её от поколения к поколению.

Важно помнить, что язык увидеть, услышать и потрогать нельзя, поскольку он как сущность скрывается под поверхностью речевых явлений.

При изучении этой стороны языка, т.е. самой его сущности, самой его основы, требуется знание следующих наук: языкознание (различные модели языка), логика, математика, статистика, информатика и т.д.

Почему при изучении языка необходимо знание логики? Мы уже говорили о том, что сущность непосредственно наблюдать невозможно, о ней мы можем только предполагать. Поскольку свои предположения мы должны выстроить в логически правильном виде, потому нам и требуется знание простейших логических операций, знание логики.

Почему при изучении языка необходимо знание математики и информатики? Благодаря информатике мы получаем знание о построении различного рода алгоритмов, о тех или иных моделях искусственного интеллекта. В то же время мы знаем, что некая умопостигаемая сущность проявляет всегда себя в тех или иных статистически выраженных процессах. Вот почему настоящий лингвист не может обойтись без знания основ математики и статистики.

Уровень психофизиологии

Язык превращается в речь посредством совокупности психофизиологических процессов. При изучении этой стороны языка студенту-филологу следует иметь представление о строении речевого аппарата, об особенностях нервной системы человека, о функциональной асимметрии головного мозга и т.д., т.е. иметь достаточно знаний в области анатомии и психофизиологии, зоологии, биологии, теории высшей нервной деятельности и т.д.

Уровень речи

Речь – это то, во что превращается язык, это то, в чём он материализуется. Речь – это та реальность, которая обладает материальными признаками, это то, что предстает, по К.Марксу, «в виде движущихся слоёв воздуха».

При изучении этой стороны языка студенту-филологу следует иметь представление об особенностях строения речевого аппарата, о звуковой стороне речи, о речевом и неречевом существовании языка, о языке мимики и жестов, о материально выраженном и материально не выраженном языке и его единицах.

Уровень общения

Внутри общения мы обязаны различать коммуникацию, квазикоммуникацию и псевдокоммуникацию (здесь мы не говорим о коммуникативных неудачах, о «барьерах» в коммуникации, что составляет отдельный предмет обсуждения).

Коммуникация – это взаимодействие людей с помощью знаковых средств языка, но не любое такое взаимодействие. Это взаимодействие, вызванное потребностями совместной деятельности и направленное на значимое изменение в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнёра.

Следует отличать коммуникацию от квази- и псевдокоммуникации.

В случаях *псевдокоммуникации* партнёр выступает не субъектом, а объектом использования знаковых средств языка, примером чего может служить гипноз. Для гипноза, как известно, характерна трансовая логика, или способность переносить логические несоответствия. Например, загипнотизированному индивидууму внушают, что его друг Джо сидит слева от него на стуле, в то время как тот в реальности сидит справа от него. Загипнотизированный индивидуум будет самым реалистическим образом разговаривать со своей «галлюцинацией». Интересна деталь о количестве людей, склонных входить или не входить в псевдокоммуникацию. У примерно 30% здоровых лиц и стационарных больных отмечается высокий уровень гипнабельности, в то время как у 10-25% способность входить в состояние гипноза весьма ограниченна (см.: *Психотерапевтическая энциклопедия* 2003: 126). При общении гипнотизёра с пациентом информационного обмена не происходит, а направление информации носит однонаправленный характер, что, строго говоря, и позволяет отделять псевдокоммуникацию от коммуникации в собственном смысле слова.

Яркой иллюстрацией *квазикоммуникации* является диалог двух пензенских старушек, записанный студентами в магазине «Дон»: «Ну, как дела»? – «Да плохо...» – «Ну, и слава богу!..» Начинающая и заканчивающая диалог старушка настолько не слышит ту, о состоянии дел которой спрашивает, что допускает формулу ободрения «слава богу». Это любопытно, но вторая старушка никакого несоответствия так и не заметила. Очевидно, что квазиобщение в действительности имеет место значительно большее, нежели это замечают рядовые носители языка и даже лингвисты.

При изучении этой стороны языка студенту-филологу следует иметь представление о закономерностях и об особенностях общения людей друг с другом, о культурных стереотипах общения, об ограничениях усвоения воспринимаемой информации. Иными словами, ему нужны сведения из области психолингвистики, теории коммуникации, социолингвистики, теории мимики и жестов и т.д.

В лингвистической литературе часто пишут о коммуникативной функции языка. Полагаем, что здесь необходимо следующее уточнение. О коммуникативной функции языка можно говорить только тогда, когда мы рассматриваем его с позиции человека, пользующегося данным языком. Если же взять язык сам по себе, в его целостно-системной организованности, то тогда станет ясно, что общение и, в частности, коммуникация – это действительность языка, это его актуально наличное бытие, это сама его жизнь, но не функция.

Вряд ли можно сказать, что функция человека – быть живым. Так и по отношению к языку. Языки делятся на живые и мёртвые не по тому, есть ли на них речь, речевые памятники, а по тому, общаются ли на них люди. Тезис о коммуникативной функции языка поэтому должен восприниматься с определёнными оговорками.

Попутно заметим, что логика рассуждений делает возможным вычертить ряд понятий, соответствующих элементарной единице мышления, языка, психофизиологии, речи и коммуникации. В качестве таких элементарных единиц, сохраняющих все свойства целого, выступят:

– **мысль** (психологический аспект, уровень мышления),

– **предложение** (уровень языка),

– **рефлекторный акт** (уровень психофизиологии),

– **высказывание** (уровень речи),

– **акт общения** (уровень общения – более подробно см.: *А.В.Пузырёв* 2002; 2007).

2.3. Пять аспектов универсальной схемы научного исследования. Пять основных аспектов изучения эстетики языка (генетический, логический, динамический, функциональный, личностный аспекты)

Каждый из указанных пяти предметов, каждая из пяти граней выбранного предмета – согласно требованиям выбранной нами методологии – рассматривается не менее чем в пяти целевых подсистемах, соответствующих генетическому, логическому, динамическому, функциональному и уникально-неповторимому аспектам (целевые подсистемы – далее ЦП – «Всеобщее», «Общее», «Конкретно-абстрактное», «Особенное», «Единичное»):

всеобщее (где решаются вопросы генезиса, происхождения – вопросы «Почему? Откуда? По какой причине?»);

общее (где решаются вопросы логики построения – вопросы «Какова модель? Каковы исходные понятия?»);

конкретно-абстрактное (где рассматриваются динамические, процессуальные, деятельностные аспекты проблемы – вопросы «Как? Каким образом?»);

особенное (где рассматриваются функциональные, целевые аспекты проблемы – вопросы «Зачем? С какой целью?»);

единичное (где рассматриваются уникально-неповторимые аспекты проблемы – вопросы «Кто является исполнителем? Кто носитель?»).

А для чего нам надо знать о 5-ти целевых подсистемах в изучении языка? Что это даст нам при изучении языка? Какие науки надо знать?

Ответ:

Знание о том, что язык – явление многоаспектное, даёт нам свободу в размышлениях и чёткое представление о том, какие разделы науки нам требуется знать, чтобы оказаться квалифицированным специалистом в области языка.

Целевая подсистема «всеобщее»

– предполагает рассмотрение генетического аспекта, плана происхождения того или иного языкового факта на всех 5-ти ступенях его сущности.

Для того, чтобы чувствовать себя профессионально подготовленным в области генетических аспектов языка, следует иметь достаточно обширные представления в области теорий происхождения языка, истории литературного языка, исторической грамматики, санскрита, старославянского языка, онтопсихолингвистики и других наук, рассматривающих (фило- и онто-) генетический аспект языковых явлений.

Целевая подсистема «общее»

– предусматривает учёт логико-структурного аспекта рассмотрения языковых фактов на всех 5-ти ступенях их сущности.

Студенту-лингвисту для того, чтобы чувствовать себя профессионально подготовленным в области логико-структурных аспектов языка, следует иметь достаточно обширные представления в области теорий мышления и человеческой психики, в области логики, теории фонетики, лексикологии, морфемики и словообразования, синтаксиса, в области теорий звучащей речи, а также в области различных теорий коммуникации.

Целевая подсистема «конкретно-абстрактное»

– имеет в виду учёт деятельностного, динамического, процессуального аспекта рассмотрения языковых фактов на всех 5-ти ступенях их сущности.

Студенту-лингвисту для того, чтобы чувствовать себя профессионально подготовленным в области деятельностных аспектов языка на всех 5-ти ступенях его сущности, предстоит познакомиться с психологией мышления и

речи, с данными психолингвистики, с требованиями статистики и теорией человеческого воздействия и восприятия.

Целевая подсистема «особенное»

– предусматривает учёт функционального (в том числе целевого) аспекта рассмотрения языковых фактов на всех 5-ти ступенях их сущности.

Студенту-лингвисту для того, чтобы чувствовать себя профессионально подготовленным в области функциональных аспектов языка, следует иметь достаточно обширные представления в области стилистики, прагматики, социолингвистики, риторики, теории речевого влияния и воздействия.

Целевая подсистема «единичное»

– предполагает учёт идиостилевого (личностного) аспекта рассмотрения языковых фактов на всех 5-ти ступенях их сущности.

Студенту-лингвисту для того, чтобы чувствовать себя профессионально подготовленным в области идиостилевых аспектов языка, следует иметь достаточно обширные представления об особенностях авторских стилей мышления, языка, психофизиологии, речи и коммуникации, об уникально-неповторимых характеристиках того или иного авторского стиля, следует научиться различать внутри идиолекта неспецифические, относительно и абсолютно специфические языковые единицы.

Общий вывод, вытекающий из приведённых соображений, вполне согласуется с первым правилом Рене Декарта «для руководства ума», ср.: «Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих» (*Р. Декарт* 1936: 49).

2.4. Общие выводы, вытекающие из универсальной схемы научного исследования

Во-первых, универсальная схема делает очевидными некоторые общие места. Очевидной становится связь любого закона и его носителя (2-ая и 5-ая целевые подсистемы): никакой закон Вселенной не имеет силы, пока не находит своего носителя. В этом смысле мир начнёт улучшаться только тогда, когда улучшаться начнем мы сами. Мысль сама по себе не новая, но здесь она выступает со всей очевидностью.

Во-вторых, в мире вообще и в языке в частности следует различать действие всего лишь двух кардинальных законов развития: закон саморазвития и самоорганизации, с одной стороны, а с другой стороны – закон стагнации и саморазрушения. Закон саморазвития и самоорганизации системы проявляется в её усложнении, в усложнении её внутренних и внешних связей, в то время как при действии закона стагнации и саморазрушения системные связи внутреннего и внешнего характера становятся проще.

Указанным законам изменения систем (законам самоорганизации и разрушения) соответствуют, например, законы физики. В физике существует понятие энтропии. По мнению известного австрийского физика Л.Больцмана, энтропия – мера беспорядка в системе: минимум энтропии наблюдается в совершенным образом организованных системах, а максимальная энтропия соответствует полному хаосу. Всякая система, состоящая из очень большого числа частиц, будет переходить от состояний менее вероятных к состояниям более вероятным, осуществляющимся большим числом способов. Все виды энергии стремятся к превращению в тепловую, а она равномерно распределяется по пространству (состояние максимума энтропии). Согласно второму закону термодинамики, «при самопроизвольных процессах в системах, имеющих постоянную энергию, энтропия всегда возрастает» (нем.физик Р.Клаузис).

По отношению к проблемам психологии жизни, например, максимум энтропии выглядит как полное отсутствие осознавания собственной жизни и подчинение, согласно позднему Фрейду, силе Танатоса (неосознаваемому стремлению к смерти), тогда как минимум энтропии наблюдается в случаях повышенного внимания человека к психологическим законам своей жизни и в случаях повышения уровня собственной психологической организации.

По отношению к проблемам существования языка максимум энтропии выглядит как полное разрушение норм, как пренебрежение литературными нормами, тогда как понимание и знание литературных норм, осознанное к ним отношение характеризует минимум энтропии, т.е. сохранение и развитие языка.

По отношению к языку подобное мнение высказывалось ранее ещё Е.Д.Поливановым. «Развитие литературного языка заключается отчасти в том, что он всё меньше развивается», – говорил этот замечательный учёный. Чем больше накапливается культурных ценностей, созданных на литературном языке, и чем выше культурный уровень носителей литературного языка (а он должен возрастать с ходом истории), тем больше люди дорожат языком как своим культурным достоянием, тем с большей ревностью усваивают нормы, принятые в языке, – и изменения в организацию речи будут проникать всё медленнее. Данное обстоятельство и констатирует «закон Поливанова» (см., напр.: *М.В.Панов* 1979; *Современный русский язык* 1981 и др.). В этом смысле, смысле «закона Поливанова», различные «новаторства» в области русской орфографии, министерский отказ от авторитетных изданий (например, Д.Э.Розенталя) и последовавший из него призыв считать существительное «кофе» существительным среднего рода, считать правильным *позво́нишь* вместо *позвони́шь,* постоянные изменения правил библиографического описания на уровне принятия всё новых и новых госстандартов – всё это мероприятия правительственных чиновников по сокращению налогооблагаемой базы (за счёт сокращения количества налогоплательщиков в России).

В-третьих, очевидным становится вывод, согласно которому случайностей не бывает. Ведь что мы полагаем случайным? – Случайным мы чаще всего считаем какой-либо уникально-неповторимый факт (в используемой схеме случайному соответствует категория единичного). Благодаря таблице очевидно, что в любом единичном (в нашем уникально неповторимом восприятии) всегда пересекаются особенное (материальный факт), конкретно-абстрактное (необходимость его материализации), общее (внутренний закон становления и развития данного явления) и всеобщее (та совокупность условий и причин, которая привела к реализации данного закона в конкретном факте). Действительность предмета – это одновременное и неповторимое проявление его явления, необходимости, сущности и бытия в конкретной точке времени и пространства (это уникальность нашей интерпретации, нашего восприятия реальности). Логика вынуждает нас сделать очень важный вывод: «Действительность такова, какой мы её видим».

Один и тот же придорожный камень на уровне единичного может предстать скалой, которая вот-вот раздавит тебя (в восприятии муравья), или мелким камушком, не стоящим внимания (в восприятии человека), или даже пылью (в восприятии великана). И если отрастить себе сознание великана – это не устранит камней на дороге, это не избавит от житейских трудностей, но позволит воспринимать эти камни, эти трудности как указатели к лучшей жизни. Правда, здесь нужна смелость взглянуть на события с не совсем привычной точки зрения.

В-четвёртых, не менее очевидным становится вывод о том, что если явление (материальное тело) уничтожимо, то сущность (внутренний закон развития данного явления) неуничтожима в принципе. С одной стороны, одна и та же сущность может воплощаться в разных телах, с другой – одно и то же тело может воплощать различные (подчас противоположные) законы развития. При целенаправленных размышлениях над выводами, вытекающими из обсуждаемой универсальной схемы, вполне реальной становится возможность видеть сущность человека, происходящих с ним событий без владения какими-либо экстрасенсорными способностями.

В-пятых, ясным и понятным становится то обстоятельство, что у каждого события есть свой смысл (4-я целевая подсистема), и когда этот смысл становится понятным, неприятное событие, если оно имело место, теряет или ослабляет свои негативные для данного человека последствия. В этом плане, если человек понимает истинный смысл своего, например, заболевания, данное заболевание в нём теряет свои движущие силы. Если мы поймём истинный смысл разрушения в современных СМИ литературных норм, то это разрушительное влияние нас коснуться не сможет или будет минимальным.

Глава II. Конкретно-научные аспекты рассмотрения проблем эстетики языка

§ 1. Понятие о пяти ступенях сущности эстетики языка

1.1. Понятие об эстетике мышления. Два противоположных типа эстетики мышления

Под эстетикой мышления мы понимаем эстетику перехода от незнания к знанию, от знания неполного к знанию более полному.

Полагаем необходимым заметить, что мы различаем такие понятия, как мышление в собственном смысле этого слова, квазимышление и псевдомышление, а также отсутствие мышления.

Многозначность понятия *мышление*

Мы отдаём себе отчёт в том, что слово *мышление* многозначно.

Более абстрактный, по сравнению с языком, характер мышления проявляется хотя бы в существовании переводов одного и того же содержания с одного языкового кода на другой. В онтологическом плане мышление предстаёт как *бытие* языка, т.е. реальность, существующая объективно, вне и независимо от сознания человека, объективная реальность как совокупность исходных внутренних условий проявлений языковой личности. Независимость мышления от сознания проявляется, в частности, в том, что определёнными мыслительными способностями обладают все высшие животные (ср. интересный пример в этом плане в: *К.Саган* 1986: 124 и др.), хотя сознание – в том смысле, котором это понятие используется далее, – у этих животных скорее всего отсутствует.

Говоря об уровне мышления, лингвист обязан разграничивать мышление вообще, мышление языковое и метаязыковое («языковедное» – по выражению И.А.Бодуэна де Куртене: *И.А.Бодуэн де Куртене* 1968 т. 2: 288). Если не забывать, что общение бывает вербальным и невербальным, кодифицированным и некодифицированным (разговорным), что речь может быть словесной и бессловесной (проявленной, например, в жесте и мимике), кодифицированной и разговорной, что язык может быть вербальным и невербальным («язык жестов»), нельзя не придти к логически вытекающему следствию, что мышление может быть вербальным и невербальным (т.е. языковым – в обычном принятом смысле – и неязыковым), что мышление, обслуживающее кодифицированное общение и противопоставляемое ему общение разговорное, – являет собой различные виды мышления. Обозначенная многоаспектность мышления не должна игнорироваться и в лингвистических сочинениях.

Из сказанного следуют два принципиально важных вывода: Во-первых, признание уровня мышления одной из ступеней сущности языковых явлений

влечёт за собой признание необходимости более тесной увязки лингвистического исследования с поисками, ведущимися в смежных науках, где изучаются психологические и психофизиологические аспекты мыслительной деятельности. Несомненно, что лингвистические знания должны проецироваться на данные смежных наук о работе небезызвестного «чёрного ящика», а лингвистическое исследование, не учитывающее психологических и психофизиологических аспектов, не может – в рамках принятого нами варианта общей теории систем – квалифицироваться как системное.

Мнение о том, что для всякого явления языка должен быть найден его психологический источник, что классификация языковых средств должна исходить из их психических субстратов, – это мнение в мировой и отечественной лингвистике высказывалось неоднократно (см., напр.: *Лингвистический энциклопедический словарь* 1990: 405-406). Новым моментом наших рассуждений является то, что уровень мышления (уровень бытия языковых единиц) вводится в лингвистическое исследование в качестве обязательного и относительно самостоятельного.

Во-вторых, не менее важным следствием для лингвистов оказывается утверждение пентахотомичного (в соответствии с пятью ступенями сущности) принципа исследования в системных (или претендующих на системность) лингвистических работах. В памяти многих лингвистов живы воспоминания об искрометной дискуссии – нужно ли учитывать известную дихотомию «язык – речь». Для системного же подхода к лингвистическим реалиям данной дихотомии оказывается более чем недостаточно: она включается в состав более широкой парадигмы, или «пентахотомии» – «мышление, язык, психофизиология, речь, общение». Утверждение пентахотомичного принципа в системных исследованиях требует видеть в предмете изучения пять ступеней его сущности: уровни бытия, сущности, необходимости, явления и действительности (уровни всеобщего, общего, конкретно-абстрактного, особенного и единичного).

Предлагаемая пентахотомия (мышление – язык – психофизиология – речь – общение) противоречит представлениям, согласно которым «предметом лингвистики является материал, только средства речевого общения, а не само речевое общение, не высказывания по существу и не отношения между ними (диалогические)» (*М.М.Бахтин* 1979: 297). По приведённому суждению, предметом лингвистики вроде бы должны быть сущность и явление языка, но не его действительность – мнение, с которым (при всём уважении к высказавшему его автору) согласиться вряд ли возможно, ибо другая реакция означала бы согласие с делением наук не по их предметам, а по степени их абстрактности – конкретности (здесь мы отстаиваем точку зрения, согласно которой предмет любой науки – если это наука – может быть представлен на уровнях бытия, сущности, необходимости, явления и действительности или на уровнях всеобщего, общего, конкретно-абстрактного, особенного и единичного).

Уважаемый нами М.М.Бахтин фактически предлагает лингвистам заниматься языками только мёртвыми, не живыми, ибо общение – это и есть сама жизнь языка. Заявленное нами родство понятий Жизнь – Истина – Красота – Женщина согласиться с мнением М.М.Бахтина возможности не даёт, поскольку согласие с ним означало бы отказ от заявленного нами родства.

Виды мышления и понимание

Вряд ли необходимо специально напоминать, что в психологии различаются такие виды мышления, как словесно-логическое, образное, практически действенное.

В рамках настоящих рассуждений более важным представляется обозначить различие таких понятий, как *мышление* в собственном смысле этого слова, *квазимышление* и *псевдомышление*, а также *отсутствие мышления*.

Основной дихотомией является здесь пара понятий *мышление* в собственном смысле этого слова и *отсутствие мышления*.

Под *мышлением* в собственном смысле этого слова нами понимается, как уже говорилось, познавательная по функции психическая деятельность человека, в результате которой достигается новое знание (ср.: *О.К.Тихомиров* 1970: 257). Отсутствие такой познавательной по функции деятельности квалифицируется нами как *отсутствие мышления*.

В каком-то смысле можно поставить знак равенства между *отсутствием мышления* и *псевдомышлением.* Общее между этими понятиями то, что они связаны с поведением человека, ориентированного на поведение автомата. Но самое интересное в том, что такое поведение характеризует бóльшую часть человеческого сообщества.

Об этом очень хорошо говорил Георгий Иванович Гурджиев. Он утверждал, что человек – это механическая кукла, которую как бы дергает за нитку всякое внешнее событие. Человек – жертва своих переменчивых страхов и желаний; таким образом, он постоянно меняется и никогда не бывает долгое время одним и тем же. Человек представляет собой такой запутанный клубок импульсов и реакций, что следует признать его индивидуальность несуществующей: «... все люди, которых вы видите, все люди, которых вы знаете, все люди, *которых вы могли бы узнать,* являются машинами, самыми настоящими машинами, которые приводятся в действие только силой внешних влияний... Машинами они рождаются и машинами умирают...» (цит. по: *Э.Вандерхилл* 1998: 168).

Г.И.Гурджиев в образной форме выразил то, что сегодня признаётся во многих психологических учениях как факт (см.: *Е.Л.Доценко* 1997), – он обозначил наличие множественности персоналий, субличностей в структуре человеческой личности (а в западной психотерапии даже выделяется особый класс заболеваний – множественной персональности синдром; см.: *Современный философский словарь* 1998: 504 и др.).

«...Каждую минуту, каждый миг человек говорит или думает: "я". И всякий раз его "я" – иное. Только что оно было мыслью, а теперь стало желани-

ем, ощущением, другой мыслью и т.д., до бесконечности... Имя человеку легион.

Чередование этих "я", их постоянная и явная борьба за первенство, контролируется случайными внешними воздействиями. Тепло, солнечный свет, ясная погода немедленно вызывают целый ряд этих "я". Холод, туман, дождь вызывают другой ряд "я", другие ассоциации, другие чувства, другие действия. В человеке ничто не способно контролировать смену этих *я* и, главным образом, потому что человек не замечает или не знает об их переменчивости: он всегда живет в своем последнем "я". Некоторые "я", конечно, сильнее других. Но это не их собственная сознательная сила; они создаются силой обстоятельств или посредством внешних механических стимулов. Образование, подражание, чтение, гипноз религий, каст и традиций или обманчивый блеск новых лозунгов создают очень сильные *я* в человеческой личности, которые управляют целым рядом других, более слабых *я*. ... Все *я*, составляющие человеческую личность, имеют одно и то же происхождение. ...Они являются продуктом внешних воздействий, приводятся в движение и контролируются новыми внешними воздействиями» (цит. по: *Э.Вандерхилл* 1998: 169).

Экспериментально доказано, что сосуществуя в рамках одного тела, альте́ры (различные субличности одной и той же личности) не только демонстрируют абсолютно разные реакции на те или иные эмоционально нагруженные слова, но также имеют различные электроэнцефалограммы (*Современный философский словарь* 1998: 506). По мнению специалистов, такого рода результатов невозможно добиться умышленно.

Практически о том же, о различии людей – носителей *мышления* в собственном смысле этого слова – и людей, носителей *псевдомышления*, выразительно пишет А.А.Меняйлов, предлагая отличать счастливых обладателей критического мышления от людей толпы, «стада». По мнению А.А.Меняйлова, существует достаточно простой интроспективный способ определить, является человек человеком толпы («стада») или критически мыслящим субъектом.

«Парадоксально: человек с выраженным личностным началом в себе проявление различных слоев стадности распознаёт, стадный же – не замечает, тем демонстрируя полное отсутствие критического мышления» (*А.А.Меняйлов* 2003: 51).

Иными словами, когда некий человек искренне думает или даже утверждает, что он – уникально неповторимая, ни на кого не похожая личность, на самом деле он является стопроцентно стадным существом, не осознающим своей стадности. В этом смысле – лозунг «обеспечить права отдельной, уникально неповторимой личности» является на деле способом повышения у людей стадности.

Есть и другой, достаточно объективный показатель стадности/критичности мышления в человеческом социуме. Качество интеллекта прямо пропорционально силе жизни, и чем интеллектуальней общество, тем

больше людей в нём рождается. В тех же случаях, когда смертность превышает рождаемость, следует констатировать снижение интеллектуальных сил в обществе.

Любому понятно, что восточный владыка, имея гарем, обеспечивал значительное превышение рождаемости над смертностью, но он, по определению, и был умнее какого-нибудь дехканина, имевшего только одну жену. Здесь говорится не об отдельных случаях и не об исключениях, а о правиле больших чисел.

Логика истории недвузначна. Известно, что в 30-х годах XX века прирост населения в СССР составлял примерно 2% в год, а общая численность увеличилась примерно на 24 млн. человек, причём без учёта присоединённых территорий.

В развитых капиталистических странах, грабивших (как сейчас, так и тогда) колониальные и зависимые страны, этот прирост составлял всего 0,5-1,5% (см.: *Р.К.Баландин, С.С.Миронов* 2006: 6).

Сейчас население России стремительно сокращается. Вероятней всего, эти цифры объективно свидетельствуют о соответствующем качестве мыслительных процессов тогда, в СССР, и сегодня, в России. Судя по сегодняшней высокой убыли населения, мысль о стремительном сокращении интеллектуальных качеств демократически воспитываемого населения станет скоро очень общим местом… Хотя много ли действительно мыслящих людей останется?

В то же самое время полный знак равенства между *отсутствием мышления* и *псевдомышлением* ставить нельзя. *Отсутствие мышления* – это нижний порог *псевдомышления*, это отключение мышления. Носитель *псевдомышления* не может не решать (и подчас успешно) интеллектуальных задач самого практического характера, что и не позволяет нам считать названные понятия абсолютными синонимами.

Логика суждений требует признать наличие и *квазимышления,* будто бы мышления. С квазимышлением мы имеем дело тогда, когда человек безупречно выстраивает логическую цепочку рассуждений, при этом не совпадающую с реальностью.

Процитируем крайне содержательную «Психологическую герменевтику» А.А.Брудного: «Главный кораблестроитель британского флота сэр Уильям Уайт, который "открыл эру кораблей волнующей красоты и мощи", докладывал о постройке гигантских линкоров типа "Маджестик". Адмирал Бересфорд всё выслушал, "посмотрел морским глазом" и сказал:

– Мы будем тонуть на этих кораблях, а сэр Уильям будет объяснять, почему мы потонули.

В первом же бою "Маджестик" получил пробоины, опрокинулся и затонул.

Бересфорд понимал. Уайт объяснял. Разница весьма велика. Бересфорд чувствовал, что "Маджестик" опрокинется. Он не умел объяснить, почему. Но он знал!» (*А.А.Брудный* 1998: 8)

Можем сделать вывод промежуточного характера, что мышление в собственном смысле этого слова приводит к пониманию реальности, а квазимышление сводится к возможности её объяснить, истолковать. Разница существенная.

Но что есть понимание? Можно дать ему вполне законченное определение. Предварительно можно признать, что понимание есть результат мышления в собственном смысле этого слова. «Понимание соединяет в единый узел познание и общение, понимание позволяет проникнуть в скрытое, прорицать будущее, предупреждать опасность» (*А.А.Брудный* 1998: 6).

Понимание как фундаментальная функция разума есть схватывание целостности фактов и фрагментов действительности. Оно невозможно без интуитивного механизма примысливания-достраивания новых фактов к наличноно существующим, но недостаточным и приведения «старых» и новых фактов к целостности (см.: *Н.С.Автономова* 1991: 104-108). Заметим, что знание фактов не всегда сопровождается схватыванием их целостности, поэтому знание и понимание – у разных субъектов – находятся друг с другом в самых разных пропорциях.

Понимание – это своего рода культура духа, ср. слова писателя Юрия Васильевича Бондарева на встрече с читателями в концертной студии Останкино 25 января 1978 года: «Вообще, кончить институт – это ещё не значит быть культурным человеком. Можно кончить три института – и быть человеком тёмным. Я имею в виду не культуру механических знаний, а внутреннее состояние, душевную наполненность, уважение к ближнему своему, что, кстати, приходит к человеку вместе с книгами, осмысливающими жизнь, ищущими смысл жизни» (*Ю.В.Бондарев* 1979: 302).

К слову сказать, методология А.А.Гагаева, положенная в основу настоящего исследования, импонирует нам хотя бы потому, что позволяет схватывать целостность предмета, явлений языка и не только языка.

В лингвистическом плане понимание – это результат девербализации, т.е. перехода из кода национального языка в код мысли, код памяти знаний, это результат перекодирования языковых знаков в единицы универсально-предметного кода нашего мышления. «Полное понимание невозможно без опоры на зрительные образы, являющиеся дешифратом значений ряда словесных единиц» (*И.Н.Горелов* 1987: 168). Многое здесь зависит от наличия у субъекта восприятия установки на понимание, «антиципационных программ» (т.е. схем предвосхищения того, что может быть), необходимых опорных знаний, позволяющих понимать данный текст, и т.д. (более подробно см.: *И.Н.Горелов* 1987: 136-215). «Слушающий, – пишет Н.И.Жинкин, – совершает двойную работу: он слышит передаваемый ему текст и вместе с тем производит его смысловое сжатие. То же делает и говорящий в обратной операции – он произносит текст и в то же время развёртывает сжатый задуманный замысел. Это значит, что диалог человека реализуется в двух языках – внешнем и внутреннем» (*Н.И.Жинкин* 1982: 143-144). Внешний язык партнёрам по коммуникации служит для взаимопонимания, внутренний – для поиска и об-

работки информации, т.е. для мышления (*Н.И.Жинкин* 1982: 147), и это лишний раз подтверждает справедливость одного из методологических оснований настоящей книги, по которому на уровне общения (действительности языка) мышление, язык, психофизиология и речь выступают в их единстве.

Понятие об эстетике мышления. Два противоположных типа эстетики мышления

Очевидно, что можно говорить об эстетике мышления. Мысль, оформленная в соответствии с требованиями красоты и законченности её выражения, вполне может быть признана эстетичной.

В то же самое время следует признать, что – в соответствии с требованиями логики – до́лжно различать два противоположных типа эстетики мышления. Эти два типа эстетики связаны с ответом на вопрос: что́ именно считать прекрасным: мысль человеческую, направленную на познание Жизни, Истины, Женщины, Красоты, или мысль, уводящую от познания Жизни, Истины, Женщины, Красоты? Условно обозначим эти два типа эстетики мышления как эстетику жизнеутверждающую, эстетику биофилическую, и эстетику жизнеразрушающую, некрофилическую (сама постановка вопроса об оппозиции биофилии и некрофилии восходит к трудам З.Фрейда и Э.Фромма; о 30-ти параметрах отличий биофилов от некрофилов см.: *А.В.Пузырёв* 2006).

Закономерно возникает вопрос: задаёт ли эстетика нормы искусству? мышлению творца-художника? По мнению Ю.Б.Борева, «эстетика – не таможенник художественной мысли. Рецептура – удел медицины, а не эстетики», хотя, одновременно, эстетика и нормативна, поскольку она обобщает законы самого искусства: «Игнорирование эстетических норм помешает художнику осуществить свой замысел и, более того, может даже вывести его за пределы подлинного творчества» (*Ю.Б.Борев* 1981: 9).

Далее Ю.Б.Борев утверждает, что исторические законы искусства не абсолютны (*Ю.Б.Борев* 1981: 9). Соглашаясь с этим, в общем-то, очевидным тезисом, позволим себе заметить, что одновременно необходима безусловно объективная классификация эстетических феноменов, от исторического времени не зависящая. Такой абсолютно объективной оппозицией в искусстве, тем более в искусстве вербальном, может и должна служить оппозиция биофилии/некрофилии в искусстве.

Чаще всего об эстетических качествах мышления можно говорить тогда, когда мы имеем дело с речевым жанром афоризма.

Выступая на IX Международной научной конференции «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» (Ульяновск, май 2009 г.), А.А.Гагаев высказался афористично: «Где есть Любовь – там нет секса, где есть секс – там нет Любви».

На первый взгляд, фраза звучит глупо, напоминая чем-то некогда нашумевшую фразу «В Советском Союзе секса нет». К сожалению, глубина формулы А.А.Гагаева сегодня может быть воспринята далеко не всеми, но порядочные люди её понимают с полуслова. Попробуем объясниться.

Где есть секс – там имеются половые отношения, связанные с проявлением и удовлетворением полового влечения. Это, если говорить языком некоторых специалистов, отношения, связанные с удовлетворением желаний Низа, с функционированием нижних чакр у человека. Низ в этих отношениях доминирует над Верхом.

Где есть Любовь – там половые отношения пронизаны Светом, там Верх доминирует над Низом, там душа и дух доминируют над телом, там люди сливаются в единое целое и обретают свою целостность от природы...

Именно поэтому и глубоко истинна формула А.А.Гагаева: «Где есть Любовь – там нет секса, где есть секс – там нет Любви». Эта формула отвечает критериям эстетики Жизни, критериям биофилической эстетики.

В своё время средства массовой информации осмеяли фразу школьной учительницы, которая высказалась во время телевизионного моста с Америкой: «В Советском Союзе секса нет!» Над этой фразой долго смеялись (в том числе и автор этих строк). Помнится, эта учительница даже публично извинялась и говорила о том, что её неправильно поняли. Сейчас, по прошествии сексуальной революции, становится до боли понятно, что эта учительница была права: в Советском Союзе секса действительно не было – в стране господствовал культ ЛЮБВИ. Секс, вообще-то, у каких-то групп населения был, но в средствах массовой информации ему места не предоставлялось…

Именно о такой Любви писал С.А.Есенин:

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зёрна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах мёда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котёнок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи –

К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

Обратим внимание на вторую строфу:

С алым соком ягоды на коже…

Лирический герой как бы остаётся в прошлом: он его видит (*алым*), он его вспоминает на вкус (*соком*), он его осязает (*на коже*), он одновременно видит и помнит вкус *ягоды на коже* (если совсем точно, то двух *ягод на коже*), он помнит свои яркие чувства (*нежная, красивая*), он хранит в памяти светлый образ любимой (*На закат ты розовый похожа И, как снег, лучиста и светла*). Он помнит звучание речи (*Имя тонкое растаяло, как звук*), хранит в памяти запах любимой (*Но остался в складках смятой шали Запах мёда от невинных рук*), он помнит её полностью. Психофизиолог бы сказал, что здесь задействованы все модальности восприятия, все субмодальности.

Потому так трагично и звучит последняя строфа: это прощание с очень светлым и дорогим, с тем, что уже никогда не повторится. С тем, что никогда не уйдёт из памяти…

Есть ли что-то в любви поэта от памяти тела? – Безусловно, да, и очень много. Но память тела здесь спрятана, закамуфлирована, а на первый план выходит горечь разлуки и безвозвратной потери, т.е. сугубо внутренние движения души…

Каково соотношение биофилической эстетики мышления и эстетики некрофилической на современном этапе?

Некрофилическая эстетика мышления в искусстве вообще – на протяжении XX-го века – вытесняет биофилическую. Вот как об этом пишет д.филос.н. В.В.Бычков в своём «Вместо Заключения» к учебнику «Эстетика»: «Мы рассмотрели две главные тенденции эстетического сознания, эстетического опыта, эстетической мысли – классическую и неклассическую (*нонклассику*), – которые сегодня могут быть с достаточно большой уверенностью поняты и как два последовательных этапа этого движения. Классика в XX в. вроде бы пришла к своему логическому завершению, исчерпав питавшие её духовно-культурные ресурсы. Напротив, её антитеза по своим ценностным параметрам нонклассика (неклассическая эстетика) в течение всего столетия активно вытесняла классическое наследие и достигла в его второй половине своего апогея в плане кардинальной трансформации основных универсалий традиционной культуры (здесь нас интересовала в основном её художественно-эстетическая сфера) или последовательного отказа от них» (*В.В.Бычков* 2002: 516).

В качестве иллюстрации такого рода *нонклассики* В.В.Бычков приводит, цитируем, «киновариации на темы описаний де Сада, например, гнуснейшей

эротико-садистской сцены из ″Жюстины″, где отец девицы Розали, всячески надругавшись над ней со своими дружками и подругами, вскрывает ей скальпелем низ живота и с наслаждением потрошит свою ещё живую жертву» (*В.В.Бычков* 2002: 477).

«Жестокость в искусстве, начиная с произведений де Сада, но особенно в арт-практиках XX в., – пишет В.В.Бычков, – сознательно или бессознательно является одной из крайних форм выражения какого-то глобального протеста, бунта творческой личности против общества, культуры, цивилизации, против самой жизни, наконец, с которыми эта личность не может или не желает по каким-то причинам найти внутренний контакт» (*В.В.Бычков* 2002: 478-479). В данном суждении известного специалиста по эстетике, как нам представляется, сквозит некое понимание, своего рода скрытое оправдание *нонклассиков*, тем более что, с точки зрения специалистов в области социальной психологии, нонконформизм на самом деле означает зависимость от социума бóльшую, чем это представляется обычно. *Нонклассический протест* на деле служит разрушению социума, сокращению продолжительности в нём жизни. Результат прозрачен: общеизвестно, что во Франции французов становится не больше, а меньше, такая же ситуация в Германии с немцами, в Великобритании с англичанами. Подобную ситуацию мы наблюдаем и в Российской Федерации.

В силу сказанного термины *неклассическая эстетика* и *постнеклассическая эстетика* нам представляются слишком эвфемистичными, маскирующими своей внутренней формой истинное содержание. Более точными являются термины *антиэстетика* или *эстетика некрофилическая* (эстетика разрушительного характера). Второе из предлагаемых обозначений: *эстетика некрофилическая* – представляется нам более точным и универсальным, поскольку, как справедливо пишет Ю.Б.Борев, «предметом эстетики …является весь мир, рассматриваемый с точки зрения значимости, ценности его явлений для человечества» (*Ю.Б.Борев* 1981: 5).

Продолжая разговор о двух типах эстетики мышления (биофилии и некрофилии), мы обязаны предположить возможность суждений, иллюстрирующих искажение истины, демонстрирующих двойной стандарт поведения. Такие суждения, если продолжить логику рассуждений, следует считать проявлением некрофилической эстетики мышления.

Проявлением некрофилической эстетики мышления мы обязаны считать различного рода языковые преступления (см.: *Энциклопедия для детей* 1999: 691; *Ю.А.Золотарёва* 2006; 2008 и др.). В некоторых случаях, из-за большой спешки принятия решений, образцы некрофилической эстетики мышления наблюдаются в государственных документах.

Так, например, в гл. 1, ст. 3 «Конституции Российской Федерации» можно прочесть: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ».

Приведём по этому поводу комментарий В.А.Истархова: «Сейчас в России более 82 % русских. <…> И постоянно в СМИ рассказывают басни о

том, что Россия – многонациональное государство. Это <…> ложь. Сегодня Россия – мононациональное государство по всем критериям, в том числе и по критериям ООН и ЮНЕСКО. В этих международных организациях мононациональным государством считается государство, где государствообразующий народ составляет более двух третей (66 %) населения» (В.А.Истархов 2001: 362-363).

Иными словами, по отношению к России наблюдается двойной стандарт: то, что нормально для Таджикистана, Украины, Казахстана, Израиля, Испании и мн.др. стран, для России в основном государственном документе как норма принят подход, противоположный подходу ООН и ЮНЕСКО. Очень вероятно, что двойной стандарт, обозначенный основным государственным документом страны, приводящий к тому, что у русского народа нет своей государственности, и является одной из основных причин того, что представителей русского народа в органах государственного управления практически нет, а сам русский народ в результате этого вымирает…

Проявлением некрофилической эстетики мышления мы обязаны признать также любые высказывания, воспевающие разрушение морали, нравственности, семейных, национальных и государственных ценностей. Конкретный анализ такого (и противоположного) характера высказываний приводится в III-ей главе настоящего пособия.

Понятие о лево- и правополушарной эстетике мышления

В связи с разграничением функций мышления левого и правого полушарий коры головного мозга мы должны различать лево- и правополушарную эстетику мышления. Левополушарная эстетика мышления, по логике рассуждений, должна оценивать те или иные феномены человеческой мысли с точки зрения их логической выверенности, с точки зрения логики доказательств. Правополушарная эстетика мышления, в этом смысле, должна заниматься оценкой яркости образов, их воздействующей силой на слушателя и читателя, подчас неосознаваемыми аспектами мысли.

Возьмём самый что ни на есть обычный афоризм, например: *Добрачные интимные отношения разрушают будущее семьи* (А.Владимиров).

С точки зрения левополушарной эстетики мышления мы обязаны проверить, насколько обоснован данный афоризм логически и психологически.

Логическое обоснование данного афоризма. Почти всеми молодыми людьми как семейная ценность признаётся такое качество, как верность супруга(и). Но добрачные отношения являются фактически нарушением верности будущему супругу(е). Как возможно требовать верности от супруга(и), если ты его не смог(ла) дождаться, если ты ему сам(а) не соблюдал(а) верности?

Психологическое обоснование данного афоризма. Добрачные интимные отношения отнюдь не всегда завершаются браком. В результате таких отношений у девушки формируется психологическая доминанта: «Если партнёр чем-то не устраивает, с ним надо расстаться». Вступив в брак с очередным партнёром, (молодая) женщина обнаружит, что у её партнёра имеются недо-

пустимые, с её точки зрения, недостатки, и, в силу действия своей психологической доминанты, расстанется с ним. Так растут дети без отцов (по статистике, больше половины современных браков распадается), а добрачные отношения разрушают будущие сéмьи.

С точки зрения правополушарной эстетики мышления мы обязаны проверить, насколько возможно подтвердить приведённый афоризм яркими житейскими примерами и образами.

Обоснование афоризма жизненными примерами. В ходе проведения диспута между студентами и студентками в Пензенском педуниверситете один из студентов заявил, что ему всё равно, девушкой или женщиной будет его жена. Причём заявил это татарин по национальности – подчеркнём это обстоятельство, поскольку у татар семейные ценности не утратили своей силы. Преподаватель задал ему несколько вопросов, и возник диалог следующего характера:

– Вы допускаете, что однажды в семейной жизни возникнет конфликт, и жена *наедет* на Вас, ну, например, за то, что Вы ***не так*** поглядели на её подругу?

– Да, допускаю.

– Может ли случиться так, что она сделает это так сильно, что Вы с горя пойдёте и выпьете?

– Может.

– И вот в таком виде, когда Вы придёте домой, сможете ли Вы сорваться и сказать: *Да я у* ***тебя самóй*** *не первый!!!*

– Ну, вообще-то, такое возможно…

Если уж человек, публично заявивший о своём безразличии к тому, девушкой или женщиной будет его жена, признаёт, что однажды он создаст из этого конфликт, то что же говорить о других? Вот почему верна житейская максима «гуляют с одними, а женятся на других».

Обоснование афоризма яркими образами. Есть пословица в русском языке: «Кому бублик, а кому дырка от бублика». Сегодня радио- и телеэфир заполонили дырки от бублика, кичащиеся тем, что они – именно дырки от бублика. Информационное давление приобрело такую силу, что девушки-«бублики» уже начинают сомневаться в том, правильно ли они себя ведут, когда сохраняют себя. А надо ли сомневаться? Надо ли из бублика превращаться в дырку от бублика? Ведь кому бублик, а кому – дырка от бублика, и каждый станет тем, кем он хочет стать на самом деле, и получит то, чего на самом деле хочет…

Вспомним «Мистерию Буфф» В.Маяковского:

Француз (*ковыряя в зубах*)
Чего кипятитесь?
Обещали и делим поровну:
одному – бублик, другому – дырка от бублика.
Это и есть демократическая республика.

Мы приходим к выводу, что афоризм А.Владимирова достоверен с точки зрения как лево-, так и правополушарной эстетики мышления, и потому он означает движение к *Жизни – Истине – Красоте – Женщине* и *Здоровью*, т.е. демонстрирует биофилическую эстетику мышления.

В качестве образца биофилической эстетики мышления (ассоциативно связанного с выше приведённым афоризмом) приведём стихотворение В.Д.Фёдорова (*В.Д.Фёдоров* 1970: 332):

Угар любви
Мне мил и близок,
Но как смешон
Тот сердцеед,
Что составляет
Длинный список
Своих «любвей»,
Своих побед.

Марина,
Нина,
Саша,
Маша.
Меж тем
При встречах,
Как у птиц,
Была с ним
Всё одна и та же,
Размноженная
На сто лиц.

Мне радость
Выпала иная,
Мне жребий
Выдался иной:
Меняясь,
Но не изменяя,
Сто женщин
Видел я в одной.

1.2. Понятие об эстетике языка. Два противоположных типа языковой и языковедческой эстетики

Понятие об эстетике языка

Под эстетикой языка следует понимать выразительные формы языка, соответствующие представлениям о прекрасном, безобра́зном, возвышенном, низменном и т.д. Эстетика языка – это эстетические качества языка как одной из форм идеологии, это эстетические формы языка в неразрывной связи с их идейной направленностью, с общественной ролью этих форм. Это первичный момент эстетики языка.

Под эстетикой языка можно понимать и раздел (или направление) языкознания, изучающий выразительные формы языка, соответствующие представлениям о прекрасном, безобра́зном, возвышенном, низменном и т.д. Эстетика языка – это дисциплина, изучающая язык как одну из форм идеологии, законы развития языка, его идейную направленность, его художественные формы и общественную роль этих форм. Это вторичный, производный от первого аспект эстетики языка.

В связи с различением первичного и вторичного аспектов эстетики языка можно говорить о языковой и «языковедной» (по И.А.Бодуэну де Куртене), метаязыковой эстетике языка.

Понятие о двух противоположных типах языковой и языковедческой эстетики

Точно так же, как существует два противоположных типа мышления (биофилический и некрофилический), точно так же следует признать, что – в соответствии с требованиями логики – до́лжно различать два противоположных типа языковой и метаязыковой, языковедческой («языковедной») эстетики. Эти два типа эстетики связаны с ответом на вопрос: какой именно язык считать прекрасным – подчинённый познанию *Жизни, Истины, Женщины, Красоты* или уводящий от познания *Жизни, Истины, Женщины, Красоты*?

Очевидно, что точный, правильный, понятный максимальному количеству людей язык, максимально соответствующий ситуации использования, следует воспринимать как язык биофилический, принадлежащий биофилу, тогда как чрезмерно усложнённый, неправильный, теряющий (или ещё хуже – маскирующий неприглядную) связь с конкретной ситуацией язык следует квалифицировать как язык некрофилический, язык некрофилов.

Вторичным, производным по своему характеру от языковой эстетики является разграничение двух противоположных типов языковедческой эстетики.

Языковедческая, метаязыковая эстетика биофилического характера проявляет себя:

1) в выборе объекта исследования (например, в исследовании языка поэтов и писателей с ярко выраженным стремлением к *Жизни, Истине, Женщине, Красоте*),

2) в предмете исследования (например, в стремлении рассмотреть свой объект с самых различных сторон, обеспечить непротиворечивость своей точки зрения с позиций смежных научных дисциплин);

3) в предельно уважительном отношении к научным предшественникам в области рассматриваемого вопроса,

4) в языке исследования (например, в ясном, точном, логичном, не допускающем инотолкований, предельно понятном научном стиле изложения) и т.д.

Языковедческая, метаязыковая эстетика некрофилического характера проявляет себя:

1) в выборе объекта исследования (например, в стремлении исследовать творчество поэтов-пессимистов, замыкающихся на своей самоценности и собственных переживаниях),

2) в предмете исследования (например, в стремлении рассмотреть свой объект с какой-то одной стороны, замкнуться в рамках одной научной дисциплины, объявляя все остальные подходы нелингвистичными);

3) в явном или неявном объявлении своей точки зрения единственно верной, в забвении научных предшественников в области рассматриваемого вопроса,

4) в языке исследования (например, в запутанном, приблизительном, нелогичном, допускающем различные толкования, предельно наукообразном стиле изложения) и т.д.

Правильность, точность и эстетичность функциональных стилей языка

Эстетичность языка – одно из неотъемлемых его качеств – должна быть рассмотрена в ряду таких требований к нему, как точность и правильность. Детализируем это положение на примере функциональных стилей языка.

Речь признается хорошей, если она удовлетворяет трём наиболее общим критериям: правильности, точности, эстетичности. Несомненно, что в пределах каждого стиля существует своя система норм, своя степень их строгости и свободы, а также свои критерии правильности, точности и эстетичности (см.: *Н.А.Плёнкин* 1978: 60-67; *Стилистика*… 1982: 43).

Официально-деловой стиль. Его правильность заключается в следовании лучшим образцам, в соблюдении стандарта. Его точность – в использовании принятой в нём лексики и фразеологии в прямом, собственно номинативном значении, а его эстетика (красота) – в строгости, оптимальной достаточности, подчёркнутой объективности.

Научный стиль. Его правильность проявляется в последовательности и логичности изложения. Его точность – это предельное соответствие формы выражения (языковой, символической, графической и т.д.) содержанию научного сочинения. Заметим попутно, что достижению точности в значительной мере способствует использование терминологии, а также системы понятий данной: отрасли знаний. В эстетические достоинства этого стиля

входят его ясность, простота (неметафоричность) при глубине и исчерпанности содержания.

Вообще, поиски истины всегда связаны с критериями красоты. Процитируем А.К.Сухотина: «...В новом здании Московского университета есть аудитория, где теоретики физической мысли оттачивают в дискуссиях положения своей науки. По традиции, наиболее почётные гости прямо на стене аудитории оставляют автографы с записью особо важного, с их точки зрения, изречения. П.Дирак, который не раз бывал в Советском Союзе, более того, являлся иностранным членом-корреспондентом Академии наук СССР, написал такие слова: «Физический закон должен быть математически изящным» (*А.К.Сухотин* 1983: 136). Красота доказательства или изложения идеи, концепции, теории весьма высоко ценится и в такой «сухой» науке, как математика.

Публицистический стиль. Критерии правильности, точности и красоты здесь подчинены общей задаче – привлечь на сторону пишущего (говорящего) массового собеседника. Его правильность выражается в подборе самых нужных, доходчивых и выразительных средств. Его точность проявляется в создании доступных для быстрого восприятия образов и формулировок, нередко становящихся крылатыми, общеупотребительными. Его эстетичность заключается в свежести и эмоциональности выражения, в умении автора минимумом языковых (в устной речи и кинетических, жестикуляционных) средств передать максимум эмоционального заряда и. ведущую мысль своего выступления.

Обиходно-разговорный стиль. Его правильность – соответствие не письменным, а устным, то есть с поправкой на разговорность, нормам языка. Здесь допускаются некоторые вольности: «Литературная монологическая речь не дает отступлений от нормы или дает их крайне мало. Диалогическая же разговорная речь, наоборот, соткана из всяких изменений нормы» (*Л.В.Щерба* 1957: 116). В разговорной речи простительно сказать «здрасте» вместо *здравствуйте,* употребить приблизительные, не самые точные по значению и окраске слова, пропустить отдельные слова… Всё это восполняется непосредственным контактом участников речи, живостью интонации, жестом, мимикой. Точность разговорного стиля может колебаться в значительных пределах – от точности, близкой к точности, например, научного стиля, до приближённого обозначения предмета мысли первым попавшимся словом (в случае неясности речи собеседник всегда может переспросить и получить разъяснение). Красота разговорного стиля – в непосредственности и богатстве интонаций, в «творимости» речи на глазах слушателя, в эмоциональности, в мотивированности отступлений от книжного стандарта. Владеть хорошим разговорным стилем не менее трудно и важно, чем книжными стилями (*Стилистика*… 1982: 42-43).

Художественный стиль. Его правильность, с одной стороны, заключается в соответствии литературным нормам, а с другой – в уместном и эстетически оправданном нарушении этих норм, в соответствии не норме, а некоей

внутренней мере. Поэтический язык строится во многом на выведении вещей из привычного автоматизма восприятия, потому требование внутренней меры для мастера слова становится важнее требований соблюдать литературные нормы. Процитируем известного литературоведа В.Б.Шкловского:

«Её сестра звалась Татьяна...
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим, –

писал Пушкин. Для современников Пушкина привычным поэтическим языком был приподнятый стиль Державина, а стиль Пушкина, по своей (тогдашней) тривиальности, являлся для них неожиданно трудным. Вспомним ужас современников Пушкина по поводу того, что выражения его так площадны. Пушкин употреблял просторечие как особый прием остановки внимания, именно так, как употребляли вообще русские слова в своей обычно французской речи его современники (см. примеры у Толстого, «Война и мир»)» (*В.Б.Шкловский* 1990: 71).

Очень высоки в художественном стиле требования к точности. В своей книге «Писатель и его работа» Г.М.Ленобль, говоря о «муках слова», приводит письмо Н.А.Некрасова Льву Толстому: «Мне жаль моей мысли, так бедно я её поймал словом. Изорвать хочется – чувствую тоскливость, которую Вы, верно, знаете – хочется сказать, и не сказывается. Что Вы в этом случае делаете? Бросаете работу или нудите и пытаете себя? Бывало, я был к себе неумолим и просиживал ночи за пятью строками. Из того времени я вынес убеждение, что нет такой мысли, которую человек не мог бы себя заставить выразить ясно и убедительно для другого и всегда досадую, когда встречаю фразу "нет слов выразить" и т.д. Вздор! Слово всегда есть, да ум наш ленив…» (*Г.М.Ленобль* 1966: 17-18)

Что касается эстетических качеств художественного стиля, то, по мнению некоторых теоретиков (см., напр.: *Стилистика*…1982: 274), «эстетическая функция, эстетика слова здесь выступает на первый план, оттесняя на второй план функцию коммуникативную». Представление теоретиков художественной речи о том, что главное в ней – её художественность, противоречит практике выдающихся мастеров слова, например Льва Николаевича Толстого. Он настоятельно требовал «не писать, пока не можете не писать»: «Художественное хочется, но не начинаю, потому что нет такого, чтобы приспичило, такого, что не могу не писать, так же как жениться только тогда, когда не могу не жениться» (*Л.Н.Толстой* 1985 т. 22: 282). Для настоящего художника слова, вероятней всего, важнее не ***художественная*** *мысль*, а всё-таки ***мысль*** *художественная*.

Таково и мнение В.Г.Белинского в пятой статье о сочинениях Александра Пушкина: «Каждое поэтическое произведение есть плод могучей мысли, овладевшей поэтом. Если б мы допустили, что эта мысль есть только результат деятельности его рассудка, мы убили бы этим не только искусство, но и самую возможность искусства. В самом деле, что мудрёного было бы

сделаться поэтом, и кто бы не в состоянии был сделаться поэтом по нужде, по выгоде или по прихоти, если б для этого стоило только придумать какую-нибудь мысль, да и втискать её в придуманную же форму?.. Искусство не допускает к себе отвлечённых философских, а тем менее рассудочных идей: оно допускает только идеи поэтические, а поэтическая идея – это не силлогизм, не догмат, не правило, это – живая страсть, это – пафос...» (*В.Г.Белинский* 1981: 249)

Экспертная оценка содержательной основы художественного текста (*художественной* ***мысли*** *автора*) составляет предмет третьей главы нашего пособия.

Выразительные и эстетические качества русского литературного языка. Понятие о языковых «ярусах»

Высшего своего совершенства речь достигает в литературном языке, т.е. в том языке, который изучается в школе и вузах, на котором печатаются книги и журналы и говорят образованные люди.

Основное требование к литературному языку – требование ясности, общепринятости. Чтобы отвечать этому требованию, литературный язык нуждается в устойчивых лексических, грамматических, орфоэпических и других нормах, обязательных для всех говорящих и пишущих.

Зададим вопрос: а какой язык выразительней? – Язык, на котором говоришь «как хочешь», или язык, ограниченный довольно жёсткими нормами? Вряд ли у слушателей обнаружится единое мнение.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего выяснить, что понимается под «выразительностью» речи. Как нам кажется, характеристика этого качества речи должна быть функциональной: выразительная речь – это, вероятно, такая речь, которая помогает нам добиться поставленной цели, это речь, которая ярко и образно выражает какую-то мысль или чувство человека.

Представим себе человека, не знакомого с литературными нормами, привыкшего выражаться без всяких этических ограничений. Представим, что таким образом он высказал в милиции просьбу наклеить новую фотографию на паспорт. Или попросил в редакции газеты прислать корреспондента в то учреждение, где работает. Поможет ли такому человеку его «выразительная», никакими этическими соображениями не ограниченная речь?

Если у слушателей до обсуждения с ними этого вопроса более выразительной иногда считается речь, не стеснённая никакими ограничениями, то советское государство давно и безоговорочно решало этот вопрос в пользу литературной речи: обязательное начальное, восьмилетнее, среднее... – вот ступени, по которым поднималось наше народное образование. К сожалению, сейчас о заботе демократического правительства в этом вопросе говорить весьма безосновательно: достаточно упомянуть хотя бы, что в структуре высшего образования русский (государственный!) язык давно уступил пальму первенства английскому.

Литературный язык создавался в течение столетий путем отбора из сокровищниц общенационального языка всего лучшего. «Начиная с Пушкина, – писал А.М.Горький, – наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот "великий прекрасный язык", служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого» (*М.Горький* 1961: 412).

О богатстве и выразительности русского литературного языка с восхищением и гордостью говорили многие выдающиеся писатели и поэты.

А.С.Пушкин: «Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка» (примечания к «Евгению Онегину»).

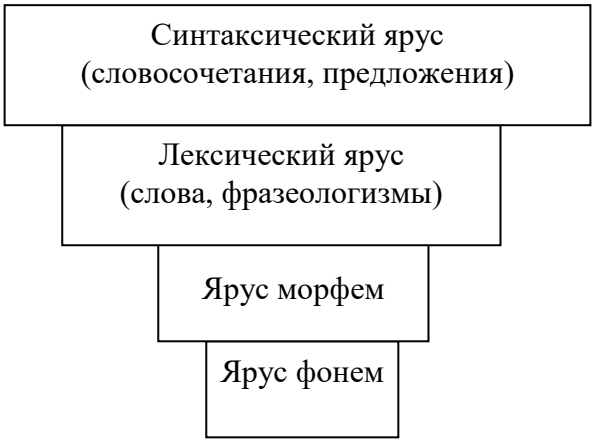
Н.В.Гоголь: «Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; всё зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное названье еще драгоценней самой вещи» (Предметы для лирического поэта в нынешнее время).

И.С.Тургенев: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» (Русский язык).

Почти во всех высказываниях о русском языке встречаются такие определения, как живой, богатый, сильный, свободный, гибкий, красивый и прекрасный. Поскольку эстетика – наука о прекрасном, а русский язык, как отмечают выдающиеся писатели и мыслители, – прекрасен, постольку у нас есть все основания говорить об эстетике русского литературного языка.

Но прежде чем говорить о проявлениях прекрасного в языке, нужно вспомнить устройство самого языка.

Язык можно сравнить с четырёхэтажным домом. Нижний этаж – это фонемы (звуки), второй этаж – части слова (приставки, корни, суффиксы, окончания), третий – слова, четвёртый – предложения.

Самое интересное в том, что стены этого дома далеко не вертикальны: если на первом, нижнем этаже (ярусе) ученые выделяют чуть больше 40 единиц (фонем), то на втором этаже – единиц уже не одна тысяча (приставок, корней, суффиксов и окончаний). На третьем по порядку ярусе счёт языко-

вых единиц (слов) уже идёт на сотни тысяч, а то и на миллионы. На четвёртом этаже число единиц (предложений) принципиально безгранично. И чем в большей степени расходятся в стороны лучи ярусов, чем больше количественная разница между единицами нижних и верхних этажей, тем бóльшими выразительными и эстетическими возможностями характеризуется конкретный язык.

По своему устройству язык правильней сравнивать с четырёхъярусной пирамидой, перевёрнутой вершиной вниз (что и отражено на схеме; при рассмотрении эстетики языковых ярусов нами используется: *В.В.Николаева* 1979).

Эстетика языковых ярусов

Эстетика фонетики русского языка

Нижний, первый ярус языка – это звуки. Есть ли в них какая-нибудь выразительность?

Спросите своих слушателей: какого цвета звук *а*? звук *и*? *о*? Почему-то их ответы будут довольно однородными: чаще всего звук *а* будет восприниматься как звук красного цвета, *и* – синего с голубым, *о* – жёлтого цвета с оранжевым оттенком.

Спросите их: хороший или плохой звук *ф*? – Они ответят, что плохой. Активный или пассивный звук *р*? – Они ответят, что активный. Грубый или нежный звук *л'* (мягкий)? – Ответят, что нежный. Весёлый или грустный звук *с*? – Скажут, что грустный.

Может быть, не все результаты ответов ваших слушателей окажутся «стопроцентными», но то, что «правильных» будет значительно больше половины, уже неоднократно доказывалось. В книге А.П.Журавлева «Звук и смысл» (М., 1981) приводится даже стихотворение студента Калининградского университета с «правильными» цветовыми расшифровками гласных:

Я вижу яркий свет, когда кричат,
Я слышу крик, свет яркий созерцая.
Все звуки светятся, и все цвета звучат.
И ныне я их тайны раскрываю.
А – красная рубаха палача,
А – ахает толпа, на казнь взирая.
Ы – чёрный бык, мычащий по ночам.
О – осень: крона клёна золотая.
Е – это свежесть молодого лета,
Зелёный переплёт Есенина и Фета.
И – птичий свист над синею рекой.
У – это грустный свет зелёно-синих
Очей её, глубоких, как пучина.
У – это гулкий цвет волны морской.

Звуковой символизм (именно так называется это явление) стал изучаться современными методами сравнительно недавно. Мы говорим *холодное мол-*

чание, горячий взгляд, чёрные слова, малиновый звон, твёрдые и мягкие согласные – и не замечаем, что во всех этих примерах имеем дело с синестезией, т.е. свойством человеческого мозга воспринимать ощущения разных типов как однородные. Звуковой символизм – это частный случай синестезии (см. работы А.П.Журавлёва; из последних работ на эту тему см. об этом: *Л.П.Прокофьева* 2007). На то, что он – не выдумка учёных, указывает возможность цветомузыкальных устройств, сопровождающих звуки музыки вспышками разных цветов.

Звуковой символизм определяет иногда жизнь слов в языке: так, например, совсем исчезли имена Фёкла, Марфа, Глафира, Федот, Фома, Фотий, Феофан, Феодулия... С другой стороны, несмотря на некогда существовавшую простонародную окраску, нередкими являются имена Ирина, Ксения, Татьяна.

Слова «женщина» и «мужчина» ничего плохого не обозначают, но заметьте, что в разговорной речи, особенно в обращении, воспитанные люди стараются избегать этих слов. Довольно часто мы обходимся вообще без обращения – с помощью формул вежливости типа *будьте любезны, будьте добры, пожалуйста* и т.п. Если у слова «мужчина» ещё есть вполне приемлемая лексическая замена *молодой человек*, то у слова *женщина* таких подходящих замен нет. «Шипящее» звучание, считают некоторые ученые, и стало причиной того, что эти слова не используются в обращении.

Спросите у слушателей, какой цветок опасней – *лютик* или *сныть*? И сопоставьте их ответы с тем, что цветок *лютик* получил свое название за едкий, ядовитый, «лютый» сок, а второе растение съедобно и ещё не так давно писалось как *снядь* (ср.: снедь, еда). Почему же слушатели так несправедливы? – Не влияет ли на их оценку звуковая форма слов? Примеров такого типа можно привести много.

Но не только в звуковом символизме скрыты выразительные возможности звуков. Вспомним эпизод из «Двенадцати стульев», когда старый, незадачливый ловелас Воробьянинов («Киса»), компаньон Остапа Бендера, пытается грубо ухаживать за молоденькой, скромной Лизой.

Узнав об этом, муж Лизы, настигнув на Сивцевом Вражке Кису, «ударил его в ухо, сказав при этом детским голосом: "Так будет со всеми, кто покусится..."» Как справедливо заметила Вера Инбер, «при всей серьёзности самого глагола звучание этой глагольной формы не может не вызвать улыбки... И как хорошо это слово характеризует того, кто его произнёс» (*В.М.Инбер* 1958: 532).

Таким образом, даже при беглом взгляде на нижний, звуковой уровень языке обнаруживается, что уже на этом уровне заключены значительные эстетические возможности.

Эстетика морфемики русского языка

Второй «этаж» языка – морфемный. Языковыми элементами здесь служат приставки, корни, суффиксы, окончания. Есть ли здесь какие-нибудь вы-

разительные возможности? В стихотворении В.Маяковского «Бродвей» читаем:

А лампы
как станут
ночь копать,
ну, я доложу вам –
пламечко!
Налево посмотришь –
мамочка мать!
Направо –
мать моя мамочка!
Есть что поглядеть московской братве.
И за́ день
в конец не дойдут.
Это Нью-Йорк.
Это Бродвей.
Гау ду ю ду!
Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но
кепчонку
не сдёрну с виска.
У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока.

Почему поэт говорит *кепчонку*, а не *кепку*? Сказались требования рифмы? Но это слово находится не в конце, а в начале строки. Сказались требования ритма? Но и это не проблема для настоящего поэта. Зададим этот вопрос слушателям. Обсуждая его с ними, придём к выводу, что уменьшительно-пренебрежительная форма *кепчонка* далеко не случайна: поэт ею подчёркивал, что в пользу *буржуев* советские люди не могли поступиться даже самим малым:

У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока.

Разную окраску и привлекательность для женщин имеют слова, обозначающие профессию. Спросите своих слушательниц, как звучит лучше: *продавец* или *продавщица*? *учитель* или *учительница*? *доктор* или *докторша*? *секретарь* или *секретарша*? Двух мнений у слушательниц быть не может – первые варианты названий по профессии выглядят явно предпочтительней.

В своей кандидатской диссертации Е.Ф.Данилина пришла к выводу, что «к именам Александр, Иван, Петр, Евдокия, Мария и др. ... содержится от 150 до 200 с лишним разговорно-обиходных слов-имен:

Александр – Александрушка, Алексанечка, Алексанка, Алексаночка, Алексанушка, Алексаня, Алексаша, Алексашенька, Алексашка, Алексенька, Алексечка, Алексюха, Алексюша, Алекся, Аленька, Алечка, Альчик, Аля, Аська, Лёкса, Лексана, Лексанечка, Лексанка, Лексанок, Лексаночка, Лексанушка, Лексанчик, Сана, Санай, Сандруля, Санёк, Санёчек, Саник, Санко, Саночка, Сантяй, Санча, Санчик, Санька, Саньша, Санюрка, Санюрочка, Санюта, Санютка, Санютушка, Санюха, Санюша, Санютка, Саняка, Саняха и многие другие (всего свыше 170 слов и вариантов)...

Мария – Манёка, Манёха, Манёчек, Манечка, Манча, Манчик, Манюра, Манюронька, Манюрочка, Манюрюшка, Манюша, Манюшка, Манюшка, Манява, Манявка, Манявочка, Маняка, Маняна, Маняха, Маняша, Маняшенька, Мара, Марок, Марочек, Марочка, Маруся, Мася, Маха, Маша, Машастик, Машенька, Машуня, Машура, Машустик, Муська, Мусьча, Муся, Русенька, Руся и др. (всего 217 производных!)» (*Е.Ф.Данилина* 1970: 3-4).

Если учесть, что каждое из названных неофициальных имен отличается по своей стилистической окраске от всех остальных, нельзя не признать, что суффиксы в русском языке являются чрезвычайно выразительным средством.

Но выразительны не только суффиксы. Приведём отрывок из рассказа Н.Г.Чернышевского: «В споре о богатстве русского и французского языков мнения разошлись. Убедительнейшим аргументом в пользу превосходства первого оказалась приставочные глаголы.

– Мне кажется, что очень легко доказать богатство и превосходство русского языка перед французским.

– Как? Что? Докажите? – закричало ему несколько голосов.

– Да, вот, господа! Про меня можно сказать, что я заплешивел. Этот глагол выражает начало, основание к дальнейшему следствию. Про Ивана Ивановича (он указал на своего приятеля) должно сказать, что он пооплешивел – этот глагол, как вы сами понимаете, выражает, что Иван Иванович не совсем ещё плешив, но порядочно подвинулся к своей цели. Пётр Петрович (это был мнимый знаток русского языка и главный спорщик), конечно, не обидится и не станет спорить, если я скажу про него, что он оплешивел, так как этот глагол означает почти конченное событие. Про Сергея Ильича я имею полное право сказать, что он переплешивел, т.е. вдался в излишество по части волос, а если бы здесь был Трофим Петрович, которого вы все знаете, то он, наверное, согласился бы со мною, без всякого возражения, что он уже отплешивел, т.е. исполнил всё по этой части и более ничего уже сделать не может. Извольте перевести все эти глаголы на французский язык, и тогда я соглашусь, что он богаче русского. Все расхохотались и согласились с мнением магистра» (цит. по: *Современный русский язык* 1982: 150-151).

О выразительности приставочных глаголов в русском языке писал и В.Г.Белинский: «В русском языке иногда для выражения разнообразных от-

тенков одного и того же действия существует до десяти и больше глаголов одного корня, но разных видов» (В.Г.Белинский; цит. по: *Русские писатели о языке* 1954: 145).

В поэтической речи могут оказаться выразительными не только приставки и суффиксы, но даже окончания. Для иллюстрации приведем стихотворение И.Л.Сельвинского «К вопросу о русской речи»:

Я говорю: «пошёл», «бродил»,
А ты: «пошла», «бродила».
И вдруг как будто веяньем крыл
Меня осенило!

С тех пор прийти в себя не могу...
Всё правильно, конечно,
Но этим «ла» ты на каждом шагу
Подчёркивала: «Я – женщина!»

Мы, помню, вместе шли тогда
До самого вокзала,
И ты без малейшей краски стыда
Опять: «пошла», «сказала».

Идёшь, с наивностью чистоты
По-женски всё спрягая.
И показалось мне, что ты –
Как статуя – нагая.

Ты лепетала. Рядом шла.
Смеялась и дышала.
А я... я слышал только: «ла»,
«Аяла», «ала», «яла»...

И я влюбился в глаголы твои,
А с ними в косы, плечи!
Как вы поймёте без любви
Всю прелесть русской речи?

Как видим, и на втором, морфемном ярусе языка присутствует своя оценочность, своя выразительность, своя эстетика.

Эстетика лексики русского языка

Ещё бóльшими эстетическими ресурсами обладает русский язык на третьем по счёту, лексическом «этаже», т.е. на уровне слов.

«Главный характер нашего языка, – писал А.И.Герцен, – состоит в чрезвычайной легкости, с которой всё выражается на нём – отвлечённые мысли, внутренние лирические чувствования, «жизни мышья беготня», крик негодования, искрящаяся шалость и потрясающая страсть» (*А.И.Герцен* 1956: 16).

Чем занимаются на рыбалке? Где растут подберёзовики и подосиновики? Где располагается пансионат «Приморский»? Каким образом растёт вьюнок? Как сделана долблёнка? – Трудно ли ответить на эти вопросы русскому человеку? Конечно, нет: ответы на них заключены в самих словах, запечатлевших какой-то важный отличительный признак у называемого предмета, явлений, качества.

Благодаря наблюдательности наших предков многие русские слова сами в себе содержат оценку и точный портрет: *примиренец, проходимец, рогач, рубака, съякшался, упадочный, сновидец* и т.д.

«Многие русские слова, – заметил К.Г.Паустовский, – сами по себе излучают поэзию, подобно тому как драгоценные камни излучают таинственный блеск» (*К.Г.Паустовский* 1977: 61).

О выразительности, например, географических названий хорошо писала Вера Инбер: «Каким отличным средством обновить, пополнить, обогатить свой словарный запас является путешествие, особенно если есть возможность совершить его на машине.

Какие узнаешь в пути неожиданные, диковинные, прихотливые названия деревень, рек, речонок и речушек...

Порой в этих обозначениях прослеживаются извилистые корни слов, уходящие в глубины языка. Порой это не только исторические справки, но и характеристики, выраженные с предельной краткостью.

Разве недостаточно выразительно рассказывают о себе реки: Вопь, Вопец, Мжа и Мжуть?

Разве не заставляют нас улыбаться речки Бутылки и Лисички?

Сколько предположений вызывают деревни Бесенята и Витязи!

Между Оршей и Невелем запомнились нам местечко Городок, по которому пробегает тоненькая, скромно-нарядная речка по имени Горожанка.

Однажды за нашей машиной долго следовали: Заозерье, Заречье, Замостье, Залужье. Слова, пахнущие то пресной водицей, то осокой, то листвой, то хвоей.

По пути из Москвы в Ленинград, на Валдае, нас встретили деревни: Миронежье, Миронеги и Миронушка.

Мы и по сей день вспоминаем о ней, как о живом существе: "Как живет-поживает Миронушка?", "Как бы снова повидать Миронушку"» (*В.М.Инбер* 1958: 543-544).

Но дело не только во внутренней форме (происхождении, этимологии) русских слов. В былине об Илье Муромце есть такие слова:

– Слово, оно что яблочко: с одного-то боку зелёное, так с другого румяное, ты умей его, девица, повёртывать...

Если в эти слова вдуматься, то здесь говорится о том, что слово может оказаться и зелёным, и румяным. Главное в умении владеть им, показать нужную сторону: слово многозначно.

Многозначное слово в умелых руках может многое. Выступая по делу Лукашевича, известный в середине XIX в. судебный адвокат Ф.Н.Плевако за-

явил: «Большая доля вашего внимания отдана интересному показанию свидетельницы Тюрен. Её показание интересно тем, что к каждому её слову можно относиться без всякого доверия». Столь же мастерское обращение со словом было свойственно и С.А.Андреевскому, уволенному в 1878 г. в отставку за отказ выступить обвинителям по делу Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф.Ф.Трепова. В выступлении С.А.Андреевского по делу Мироновича находим: «...Неожиданным союзником обвинения выступил проф. Сорокин. Экспертизу его называли блестящей: прилагательное эти я готов принять только в одном смысле – экспертиза эта, как всё блестящее, мешала смотреть и видеть».

«Задача ораторов заключалась в том, – пишет Н.Г.Михайловская, – чтобы низвести эти эпитеты с уровня высокого пафоса на противоположный уровень, на уровень обыденной действительности. И каждый из названных ораторов по-своему разрешает эту задачу: …С.А.Андреевский употребляет то же слово ("блестящее") в его прямом значения; Ф.Н.Плевако раскрывает понятие "интересное" как "лживое"» (*Н.Г.Михайловская* 1972: 64).

Выразительными свойствами обладает не только слова, но и употребляющиеся в роли одного слова устойчивые словосочетания, или фразеологизмы. Они придают языку национальный колорит и своеобразие, в них отражается история народа и его культуры. За многими фразеологизмами стоят яркие картины: *кот наплакал, высуня язык, намылить голову, отделать под орех, задать баню, попасть впросак, положить зубы на полку*...

Не менее яркой частью фразеологии являются пословицы, золотой запас любого языка. Пословица – своего рода произведение искусства, глубокое содержание которого воплотилось в отточенной, отшлифованной форме. Можно ли сказать лучше? –

Без труда не вынешь рыбку из пруда.
По одежке встречают, по уму провожают.
По одежке протягивай ножки.
Дружка на дружку, а все – на Петрушку.
В праздник – Груша, а в будень – клуша.
Параша-то ваша, да рубашка на ней наша.
Бородка Минина, а совесть глиняна.
Волков бояться – в лес не ходить.

Некоторые из приведённых пословиц сейчас не употребляются, но они не утратили своей свежести до сих пор: единство ёмкого содержания и его образного выражения делает пословицы украшением любого языка.

Таким же неоценимым богатством русского языка являются загадки. Загадка – это поэтическое и замысловатое описание чего-либо для того, чтобы испытать сообразительность человека и, одновременно с этим, раскрыть глаза на красоту и богатство предметов вещественного мира. Ограничимся всего лишь одной (выделение в загадке наше – *А.П.*):

Гром*ко стучит,*
Звонко кричит,

А что говорит –
Никому не понять
И мудрецам не узнать.
(Гром)

Отгадка на эту загадку зашифрована в самой загадке, в первом её слове. Как видим, и на лексическом уровне языка обнаруживаются значительные эстетические возможности.

Эстетика синтаксиса русского языка

На четвертом, верхнем «этаже» языка господствует синтаксис, т.е. правила соединения слов в предложения. Появляется ли у слов какая-нибудь выразительность в результате их сочетания? Зависит ли слово от окружающего контекста? – Конечно, да.

Еще А.С.Пушкин заметил: язык «неистощим в соединении слов». И сам оставил немало блестящих тому свидетельств. Помните сон Татьяны?

...Онегин тихо увлекает
Татьяну в угол и слагает
Её на шаткую скамью
И клонит голову свою
К ней на плечо; вдруг Ольга входит,
За нею Ленский; свет блеснул;
Онегин руку замахнул,
И дико он очами бродит...

Спросим своих слушателей: какой вариант был бы для них предпочтительней – *очами водит* или *очами бродит*? Многие скажут, что первый вариант вроде бы лучше. Но, вдумавшись, поймут превосходство пушкинского варианта: глаголом «бродит» отражены и недовольство Онегина, и его гнев, и беспорядочное от неожиданности шараханье глаз, и ужас Татьяны перед происходящим. Ведь далее следует:

...И дико он очами бродит,
И незваных гостей бранит;
Татьяна чуть жива лежит.

Страх вызывает сама звуковая форма глагола – «бродит» (начальное «бр»). В другом, не пушкинском контексте такое сочетание слов («очами бродит») было бы невозможно или ошибочно. Автор пособия отдаёт себе отчёт в том, что в данном случае речь в бóльшей степени идёт о лексической сочетаемости слов (т.е. о явлении синтагматической лексикологии) – но здесь важно подчеркнуть «неистощимость в соединении слов».

По законам русского языка главная информация – при обычном порядке слов – располагается в конце предложения. В этом свойстве языка тоже заключаются значительные выразительные, и, следовательно, эстетические возможности. Сопоставим несколько предложений:

Завтра утром Игорь поедет в Москву.
Игорь поедет в Москву завтра утром.
В Москву завтра утром поедет Игорь.
В Москву завтра утром Игорь поедет.

Во всех четырёх случаях говорится об одном и том же, во всех четырёх предложениях содержится одна и та же «вещественная» информация. Но цель, задача, которую ставит перед собой говорящий, здесь каждый раз другая. В первом предложении говорится либо о факте в целом, без выделения каких-либо отдельных моментов, либо, при более сильном ударении на последнем слове, о том, куда именно едет Игорь (*в Москву*). В других предложениях выделяются иные моменты: когда поедет Игорь (*завтра утром*, а не в другой день), кто поедет в Москву (*Игорь*, а не кто-либо другой), каким образом Игорь будет добираться до Москвы (*поедет*, а не полетит).

Таким образом, мы приходим к выводу, что эстетическими возможностями обладает каждый «этаж» языка:

и фонетический (символическая окрашенность звуков и эффекты их сочетаемости),

и морфемный (выразительность используемых приставок, суффиксов и окончаний),

и лексический (этимология слов, их многозначность и стилистическая окрашенность),

и синтаксический (выразительность различных моделей соединения слов в предложения).

1.3. Понятие об эстетике психофизиологических процессов, материализующих язык

Вопрос об эстетике психофизиологических процессов, материализующих язык в процессе перехода, воплощения его в речь, насколько нам известно, в лингвистике ещё не ставился, поэтому здесь ограничимся самыми общими соображениями.

О красоте психофизиологических процессов следует говорить тогда, когда тот или иной текст, содержащий глубокую по своему содержанию мысль, рождается как бы экспромтом, по наитию, в процессе озарения. В таких случаях обычно говорят ***о приходе вдохновения*** (психологический аспект эстетики психофизиологических процессов, материализующих язык).

Характерными особенностями вдохновения являются его *внезапность, непроизвольность, безличный характер его проявления* (*А.Г.Васадзе* 1978).

Внезапность вдохновения

В своих заметках «Как пишутся у нас романы» видный русский писатель и философ Владимир Фёдорович Одóевский (1803 – 1866) писал: «Романисту-поэту предмет романа является нежданно, сомнамбулически…» (*В.Ф.Одоевский* 1982: 48)

Внезапность характеризует вдохновение не только писателя и поэта, но и учёного. Известный писатель и литературовед Ян Парандовский пишет: «Здесь нет разницы между писателем и философом, художником и учёным. Вместо того чтобы повторять избитую историю о яблоке Ньютона, стоит привести гораздо менее известный, но, может быть, гораздо более поучительный пример из жизни великого математика Анри Пуанкаре. В течение многих месяцев он тщетно искал определённую формулу, неустанно думал о ней и занялся чем-то другим. Прошло много времени, и вдруг однажды утром он, будто подброшенный пружиной, быстро встал из-за стола, подошёл к бюро и сразу же написал эту формулу не задумываясь, словно списал её с доски» (*Я.Парандовский* 1982: 104-105).

Непроизвольность вдохновения

Другим качеством вдохновения поэты и писатели именуют непроизвольность данного творческого состояния. Сошлёмся на Фребеса (цит. по кн.: *А.Г.Васадзе* 1978: 44): «Вначале переживается какое-то сходное с инстинктом состояние. Затем внезапно, в какой-то момент устремляешься вперёд, будто в полубессознательном состоянии, и не имеешь никакого понятия, что тобой движет, что в тебе происходит. Произвольное вмешательство здесь не помогает…»

О том, что стихи подчас приходят как бы сами собой, свидетельствует и А.С.Пушкин (*А.С.Пушкин* 1949 т. 3: 264-265):

Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит – то яркий свет лиёт,
То тлеет медленно – а я пред ним читаю,
Иль думы долгие в душе моей питаю.

И забываю мир – и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем –
И тут ко мне идёт незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.

Безличный характер вдохновения

Третьим существенным признаком вдохновения писатели и поэты называют безличный характер его проявления. Ян Парандовский в связи с этим пишет: «В силу неизвестных нам причин наступает кризис, внезапный конец

долгой подсознательной работы, в своей напористости часто похожий на действие стихийных сил природы и такой же, как и они, безличный. Гайдн, когда у него возникла мелодия, долженствовавшая в "Сотворении мира" выразить рождение света, воскликнул, ослеплённый её блеском: "Это не от меня, это свыше!"» (*Я.Парандовский* 1982: 104)

Процитируем проницательного теоретика психологии творчества А.Г.Васадзе: «По словам А.С.Пушкина, "вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта". В своей беседе с Эккерманом Гёте говорит, что "выдумки" должны приходить к поэту "как свободные божьи дети" и что они "приходят и уходят" без всякого участия воли поэта. Ламартин открыто приписывал свои мысли какому-то чуждому ему существу, которое думает за него, пользуясь его мозгом как вместилищем своих мыслей. Ему принадлежит известное высказывание: "Не я сам думаю, а мои мысли думают за меня". Действию неведомой силы часто приписывал своё творчество и Даргомыжский, по словам которого, во время работы над "Каменным гостем" будто писал не он, а "какая-то сила неведомая"» (*А.Г.Васадзе* 1978: 42-43).

В то же самое время будет отклонением от истины, если мы не заметим у поэтов и писателей высказываний и другого характера – о необходимости ежедневного труда.

Вот признание Анри Стендаля: «Я не начинал писать до 1806 года, пока не почувствовал в себе гениальности. Если бы в 1795 году я мог поделиться моими литературными планами с каким-нибудь благоразумным человеком и тот мне посоветовал бы: "Пиши ежедневно по два часа, гениален ты или нет", я тогда не потратил бы десяти лет жизни на глупое ожидание каких-то там вдохновений» (цит. по: *Я.Парандовский* 1982: 107). Флобер же вообще считал вдохновение уловкой для мошенников и ядом для творческой мысли: «Всё вдохновение, – утверждал он, – состоит в том, чтобы ежедневно в один и тот же час садиться за работу» (цит. по: *Я.Парандовский* 1982: 108). Подобные рассуждения чрезвычайно распространены: «Вдохновение "посещает" художника в результате его огромного труда. "Вдохновение – это награда за каторжный труд" (Репин), а Чайковский говорил, что вдохновение не приходит к ленивым» (*В.С.Кузин* 1982: 194).

Интересный эпизод в мастерской Валентина Александровича Серова описывает его ученик и друг Николай Павлович Ульянов, позднее ставший членом-корреспондентом АХ СССР: «Заметив однажды сидящего без дела у мольберта ученика, он (В.А.Серов. – *А.П.*) спросил:

– Что так, нет охоты?

– Ничего не выходит. Смотреть противно, – говорит ученик.

– А вы всё-таки попробуйте. Сначала будет плохо, появится злость… Ведь злость помогает! Глядишь – потом и интерес, вроде аппетита. А там… да ну же, ну! Попробуйте через неохоту. Нечего ждать вдохновения – сами идите к нему» (*Н.П.Ульянов* 1952: 66).

Психофизиологический коррелят вдохновения

Вероятней всего, психофизиологическим коррелятом вдохновения является состояние «потокового сознания».

Специальные эксперименты д.пс.н., проф. В.В.Козлова, в которых приняли участие 42 оператора в возрасте от 24 до 45 лет, показали следующее (более подробно см.: *В.В.Козлов* 2009: 33-36):

1) «Физиологическая цена» экспериментальной деятельности у операторов, находившихся в состоянии «потока» и показавших значимо лучшие результаты, была значительно меньше, чем у других.

2) Операторы, находившиеся в состоянии «потока», отличались от всех остальных гораздо бóльшей величиной выделяемого углекислого газа.

3) У этих операторов наблюдалось снижение напряжения углекислого газа в крови, о чём свидетельствовало значимое уменьшение РЕТ CO_2 – с 41±2 до 30±3 мм рт. столба).

4) Более детальный анализ параметров внешнего дыхания показал наличие явных признаков повышения эффективности газообмена в лёгких: об этом свидетельствовало увеличение альвеолярной вентиляции, снижение вентиляции мёртвого пространства, увеличение коэффициента использования кислорода.

5) Характер дыхания этих «потоковых» операторов имел признаки «связного дыхания» (беспрерывного дыхания между вдохом и выдохом, выдохом и вдохом; эта практика используется во многих духовных традициях для вызывания изменённых состояний сознания, а также в современной психотерапии и интегративной психологии).

6) Как вполне обоснованно утверждает В.В.Козлов, состояние творчества, состояние «потока сознания» имеет весьма большое сходство с неглубокими медитативными состояниями.

Поскольку самоактуализация может реализоваться во многих сферах человеческой активности, но сама феноменология эвристических состояний сознания имеет общие черты независимо от сферы приложения, постольку перечисленные эффекты, вероятней всего, свойственны не только операторам, но и писателям, поэтам, композиторам, вообще людям творчества, находящимся в состоянии «потокового сознания».

Имеются основания полагать, что продолжение исследований в этой области, детализация и подтверждение указанных феноменов может потребовать коренного пересмотра фундаментальных положений психофизиологии труда (*В.В.Козлов* 2009: 40).

1.4. Понятие об эстетике речи как репрезентации эстетики языка

Понятие об эстетике речи

Эстетика речи – это 1) выразительные формы речи, соответствующие представлениям о прекрасном, безобра́зном, возвышенном, низменном и т.д. Эстетика речи – это эстетические качества речи как одной из форм воплощения идеологии, это эстетические формы речи в неразрывной связи с их содержательной направленностью; 2) раздел (или направление) языкознания, изучающий выразительные формы речи, соответствующие представлениям о прекрасном, безобра́зном, возвышенном, низменном и т.д.

Эстетика языка в аспекте стилистических требований к речи

Исследованием выразительных средств и возможностей литературного языка занимается лингвистическая наука стилистика.

Три основания стилистики

Как наука, стилистика базируется на трёх внешне противоречивых положениях.

Первое основание стилистики можно сформулировать следующим образом: одна и та же мысль может быть воплощена бесконечным множеством вариантов. Представим, что нужно выразить одобрение чьим-то словам:

С Вашим мнением нельзя не согласиться.
С Вашим мнением трудно не согласиться.
Вы прекрасно осведомлены.
Вы говорите правду.
Вы, как всегда, правы!
Это речь не мальчика, но мужа.
Да.
Совершенно верно.
Это ты правильно заметил.
Конечно.
Естественно.
Хорошо.
Это правда!
И правда!
Устами младенца глаголет истина.
Как ты до этого додумался?
Ты прав.
Ты, как всегда, прав.
Молодец!
Умница!
Слушай, ты прямо (просто) гений!
Гений в трусиках.
Ясное дело!
Молоток!

Ну ты даёшь!

Здесь приведено всего лишь 25 возможных предложений на заданную тему. А если некоторые слова в них заменить? переставить местами? произнести с различной интонацией? Количество возможных вариаций при таких изменениях, безусловно, вырастет, причем никогда нельзя будет отыскать последний вариант: всегда найдётся ещё один, ранее не зафиксированный.

Второе основание стилистики как бы противоречит первому: в каждом конкретном случае уместными оказываются очень немногие варианты.

В самом деле, может ли ученик сказать учителю: «Слушай, ты прямо гений!» Может ли учитель оказать ученику: «Ясно дело!» Может ли неправильно перешедший мостовую гражданин заявить задержавшему его милиционеру: «Устами младенца глаголет истина»? Конечно, все эти варианты для перечисленных ситуаций неприемлемы.

Социальные психологи считают, что мы, люди, постоянно играем различные роли: социальные (руководитель и подчинённый, продавец и покупатель, рабочий-колхозник и т.д.), семейные (дедушка и внук, родители и дети, братья и сёстры), возрастные (старший – младший), официальные и неофициальные, стихийные и т.д.. Со стилистической точки зрения, в этом смысле, высшая культура речи заключается в соответствии нашей речи той роли, которую мы в данный момент играем.

Но вот взяли интервью у С.В.Образцова, руководителя известного Театра кукол («Литературная газета», 14 октября 1981 г.).

– Мы знаем от психологов, что человек играет в жизни множество ролей: начальника и подчиненного, семьянина, пассажира, покупателя. И говорим часто соответственно тому, в какой роли сейчас выступаем.

– Это как раз дурно, что человек так приспосабливается. Но не думаю, что это относится ко всем. Я могу представить, что человек на профсоюзном собрании говорит одно, положим, о нравственной чистоте, а выйдя за дверь, рассказывает похабный анекдот. Что ж, просто это дрянной человек – он меняет свои формулы, свои взгляды, свой язык.

На наш взгляд, в ответе глубоко уважаемого нами С.В.Образцова произошла невольная подмена понятий: психологи и стилисты утверждают необходимость варьирования в форме наших высказываний, но отнюдь не в содержательной стороне речи, против чего совершенно справедливо протестует С.В.Образцов. Заметим, что вряд ли сам Сергей Владимирович абсолютно одинаково говорил с артистами, со своими детьми и внуками, с продавцами и т.д.

Как мы относимся к людям, которые путают свои «роли» и исполняют их в другом речевом «режиме»? Например, к человеку, идущему по улице (роль прохожего) и громко читающему стихи, не обращающему при этом никакого внимания на окружающих? Например, к женщинам, едущим в автобусе (роль пассажира) и так активно обсуждающим свои личные дела, что посвящёнными оказываются все пассажиры? Или, предположим, к своим родственникам, которые, занимая высокое общественное положение, невольно

распространяют свои «командирские» замашки на родных и знакомых? В оценках подобных ситуаций у наших слушателей будут расхождения, но большинство согласится: к людям, забывшим или перепутавшим свои социально-психологические роли, мы относимся далеко не одобрительно. Точно так же мы относимся и к их речевым действиям, к их высказываниям.

Третье основание стилистики мы бы сформулировали как такой призыв: «Ошибайтесь, допускайте в речи различные и многочисленные ошибки... – но так, чтобы эти ошибки были мотивированы, чтобы они были продиктованы самой ситуацией, чтобы они служили средством достижения речевой выразительности». Одно и то же ошибочно построенное предложение может встретиться и у двоечника, и у гениального писателя. У одного оно укажет на элементарную неграмотность и неумение пользоваться языком, у другого, будучи помещено в специально созданный для него контекст, оно проявит языковое мастерство и чутьё ко всем оттенкам звучащей речи. Мы уже приводили пример:

...Онегин руку замахнул,
И дико он очами бродит...

В другом, не пушкинском контексте предложение «он очами бродит» окажется неуместным и обнаружит отсутствие языкового чутья у говорящего или пишущего.

Оппозиция прекрасного и безобра́зного в речи

Что считать прекрасным в речи, а что – безобра́зным? Можно ли говорить об объективных параметрах прекрасного и безобра́зного в речи?

Собственно речевыми параметрами прекрасного и безобра́зного следует считать, вероятней всего, различного рода соответствия/несоответствия речи, речевых высказываний выбранному жанру.

В тех случаях, когда речь человека, её стилистическая окрашенность соответствует жанру (или эстетически мотивированно отступает от жанровых требований), в таких случаях, скорее всего, следует говорить о прекрасной речи.

Те же случаи, когда речь и её стилистическая окраска «выламывается» из требований речевого жанра, вероятней всего, следует квалифицировать как факты безобра́зной речи.

В этом смысле, инвективная речь, по определению выходящая за рамки литературного языка, не может быть квалифицирована как безобра́зная, если она мотивирована речевой ситуацией (распития алкоголя далеко не в общественном месте, в сугубо мужской компании, где рядом не может быть никого из посторонних). Если же она звучит в общественном месте, в семье (где присутствуют кроме мужчин женщины и дети), тогда есть все основания признать её безобра́зной.

Понятие о смысловой защите текста

Следует признать, что любой текст (а в особенности художественный) обладает своего рода защитой, защитой смысловой. Наивысшей степенью смысловой защиты обладают тексты стихотворные, тем более – песенные.

Средствами смысловой защиты выступают имя автора, стихотворный ритм, рифма, звукопись, мелодия текста.

Вот как пишет о таком средстве смысловой защиты текста, как звукопись, В.Б.Шкловский: «Восприятия стихотворения обыкновенно тоже сводятся к восприятию его звукового праобраза. Всем известно, как глухо мы воспринимаем содержание самых, казалось бы, понятных стихов; на этой почве иногда происходят очень показательные случаи. Например, в одном из изданий Пушкина было напечатано вместо «Завещан был тенистый вход» – «Завещан брег тенистых вод» (причиной была неразборчивость рукописи), получилась полная бессмыслица, но она спокойно, неузнанная и непризнанная, переходила из издания в издание и была найдена только исследователем рукописей. Причина та, что в этом отрывке при искажении смысла не был искажён звук» (*В.Б.Шкловский* 1990: 54).

Не меньшую степень защиты обеспечивают и такие средства, как имя автора, стихотворный ритм, рифма, мелодия текста (см., напр., соответствующий параграф в содержательной монографии: *Ю.А.Сорокин* 1985: 71-79).

1.5. Понятие об эстетике общения как действительности эстетики языка

Понятие об эстетике общения

Эстетика общения – это 1) выразительные формы общения, соответствующие представлениям о прекрасном, безобра́зном, возвышенном, низменном и т.д. Эстетика общения – это эстетические качества общения как стечения в одной точке времени и пространстве мышления, языка, психофизиологических процессов и речи говорящих в неразрывной связи с их содержательной (в том числе актуализационной/манипулятивной) направленностью; 2) раздел (или направление) языкознания, изучающий выразительные формы общения, соответствующие представлениям о прекрасном, безобра́зном, возвышенном, низменном и т.д. в человеческом общении.

Оппозиция прекрасного и безобра́зного в общении

С одной стороны, очень трудно говорить об оппозиции *прекрасного* и *безобра́зного* в общении: как мы обозначили около 15-ти лет назад, уровень общения – царство субъективности: в процессе коммуникации каждый прав, а правд на Земле столько, сколько живущих на ней людей (*А.В.Пузырёв* 1995).

С другой стороны, об оппозиции *прекрасного* и *безобра́зного* в общении говорить методологически просто: если системные связи внутреннего и внешнего характера в результате общения теряются, становятся проще, то следует говорить о действии закона стагнации и саморазрушения в общении; если же внутренние и внешние связи человека в результате общения становятся прочнее, усложняют свою структуру, то здесь проявляется закон саморазвития и самоорганизации этого человека.

Так, сведе́ние отношений между мужчинами и женщинами только к сексуальным говорит о разрушении полов и отношений между ними, а умение увидеть всю гармонию и сложность взаимодействия мужского и женского полов свидетельствует об интеллектуальном развитии и гармонии человека.

Иными словами, синонимами для *прекрасного* и *безобра́зного* в общении являются понятия *биофили́и* и *некрофили́и* (по Э.Фромму), *либидо* и *Танатоса* (по позднему З.Фрейду), *жизни* и *смерти* (в общефилософском смысле).

В силу того, что понятия *прекрасного* и *безобра́зного* имеют налёт субъективизма, для объективизации повествовании мы будем говорить о созидательных и разрушительных тенденциях, имея в виду основную оппозицию эстетики – оппозицию *прекрасного* и *безобра́зного*.

Оппозиция актуализации и манипуляции
как прекрасного и безобра́зного в общении

Манипуляциям в общении (внутриличностного, межличностного, социального характера) посвящена не одна сотня, а может быть, и тысяча работ. Значительно реже пишут об актуализации в общении, в то время как оппозиция *актуализации* и *манипуляции* в общении гомоморфна оппозиции *прекрасного* и *безобра́зного*.

Чем отличается актуализация в общении от манипуляции? При разграничении актуализационного и манипулятивного начал в общении целесообразней, полагаем, пользоваться известной работой Э.Шострома (*Э.Шостром* 2004: 37-38). Так, в частности, он предлагает схему, в которой формулирует отличительные характеристики носителей этих противоположных начал в каждом субъекте (см. табл. № 2):

Таблица № 2.

Базовые контрастные характеристики манипуляторов и актуализаторов

Манипулятор	Актуализатор
1. Обман (фальшь, плутовство).	1. Честность (откровенность, искренность, аутентичность).
2. Неосознанность (безжизненность, скука).	2. Осознанность (реактивность, живость, интерес).
3. Контроль (замкнутость, преднамеренность).	3. Свобода (спонтанность, открытость).
4. Цинизм (недоверие).	4. Доверие (вера).

С точки зрения логики (кругов Эйлера), понятия актуализации и манипуляции находятся в отношениях противоположности (контрарности), поскольку заведомо предполагают наличие некой «срединной» зоны, нейтральной по своему характеру (*В.И.Кириллов*… 1982: 37-38). По отношению к обсуждаемой дихотомии (актуализация/манипуляция) эта «срединная» зона яв-

ляет собой позицию наблюдателя, непосредственно не участвующего в процессе общения.

Вслед за Е.Л. Доценко (*Е.Л.Доценко* 1997: 51) в качестве основных могут быть выделены следующие параметры манипуляций:

1. Отношение к другому как средству достижения собственных целей.
2. Стремление получить односторонний выигрыш.
3. Скрытый характер воздействия (как факта воздействия, так и его направленности).
4. Использование (психологической) силы, игра на слабостях.
5. Побуждение, мотивационное привнесение.
6. Мастерство и сноровка в осуществлении коммуникативных действий (стремление говорящего создать у адресата иллюзию самостоятельности принятия решения).

М.В.Маравина (2007) предлагает суммировать эти параметры в виде таблицы:

Таблица 3.

№№	Параметры актуализации и манипуляции	Актуализатор	Манипулятор
1.	Отношение к другому как средству достижения собственных целей.	-/+	+
2.	Намерение получить главным образом односторонний выигрыш (различное соотношение контроля и свободы, цинизма и доверия).	-	+
3.	Скрытый характер воздействия (как факта воздействия, так и его направленности).	-/+	+
4.	Использование (психологической) силы, игра на слабостях.	-/+	+
5.	Побуждение, мотивационное привнесение (навязывание целей, ранее не предполагавшихся адресатом).	-/+	+
6.	Мастерство и сноровка в осуществлении коммуникативных действий (стремление говорящего создать у адресата иллюзию самостоятельности принятия решения).	+	+
7.	Осознанность адресантом коммуникативного воздействия.	+	+/-

Нельзя не видеть, что многие характеристики действий актуализатора и манипулятора могут совпадать, ср.: отношение к другому как средству достижения собственных целей; скрытый характер воздействия; использование

(психологической) силы, игра на слабостях; побуждение, мотивационное привнесение. В то же самое время между воздействием актуализатора и манипулятора имеется принципиальное различие. Оно заключается в наличии/отсутствии намерения получить главным образом односторонний выигрыш. Это и есть главное различие между актуализацией и манипуляцией.

При иллюстрировании явлений манипуляции и актуализации в общении, а также явлений промежуточного характера воспользуемся чрезвычайно содержательной статьёй М.В.Маравиной (*М.В.Маравина* 2007).

Первый пример.

– Две либо три тысячи! – раздумывал Патап Максимыч. – Ну это ещё туда-сюда… На этом можно помириться. А насчёт пятидесяти серебра – нет, брат, шалишь, мамонишь.

– Как вперёд загадывать? – отвечал Яким Прохорыч, – может статься, и много меньше пятидесяти тысяч положишь, а года в два миллион наживёшь.

– Уж и миллион? Не широко ль загинаешь? – перебил Патап Максимыч.

– Не один миллион, три, пять, десять наживёшь, – с жаром стал уверять Патапа Максимыча Стуколов. – Лиха беда начать, а там загребай деньги. Золота на Ветлуге, говорю тебе, видимо-невидимо. Чего уж я – человек бывалый, много видал золотых приисков – и в Сибири и на Урале, а как посмотрел я на ветлужские палестины, так и у меня с дива руки опустились… Да что тут толковать, слушай. Мы так положим, что на всё на это дело нужно сто тысяч серебром [*П.И. Мельников* 1976: 185].

1. В приведённом примере Патап Максимыч является для Стуколова и Якима Прохорыча средством достижения их цели, а именно – получения большой суммы денег.

2. Хотя в их намерение входит получение совместного выигрыша с епископом Софроном, но по отношению к крестьянину они выступают как манипуляторы, поскольку в результате их афёры Патап Максимыч ничего не получит и даже останется в убытке.

3. Полагаем, что в примере скрыт не сам факт воздействия, а его истинная направленность. Мошенники всячески показывают, что заботятся исключительно о благосостоянии своей жертвы, а на самом деле пекутся лишь о своих интересах.

4. Стуколов и Яким Прохорыч ловко сыграли на жажде наживы, которая характерна для любого торговца, коим и является Патап Максимыч.

5. Побуждение несомненно присутствует в данном отрывке. Прибыльность будущего мероприятия аферисты подтверждают тем, что, по их словам, найденное месторождение золота гораздо богаче, чем в Сибири и на Урале. Наблюдается также и мотивационное привнесение – Патап Максимыч в конце концов захотел вложить деньги в сомнительный проект, хотя в начале всячески этому сопротивлялся.

6. Стуколов и Яким Прохорыч мастерски убедили купца принять участие в их предприятии, и он полагал, что принял данное решение самостоятельно.

7. Несомненно, что описанное в данном случае воздействие проводилось адресантами совершенно осознанно.

Нет никаких сомнений, что приведённый пример является яркой иллюстрацией манипулятивного воздействия.

Второй пример.

Один юноша, не достигший еще совершеннолетия, но весьма смышлёный, рано лишился обоих родителей и жил под опекой своего дяди. Однажды юноша заметил, что у дяди очень обеспокоенный вид. Он стал расспрашивать о причинах этого. Дядя отвечал, что тревожится о том, что у него нет сына. Чтобы позаботиться о мужском потомстве, следовало бы взять в дом наложницу, но этого не хочет его супруга. Потому он и озабочен.

Юноша немного подумал, а затем сказал:

– Дядя, не печалься более. Я вижу способ добиться от тёти согласия.

– Вряд ли у тебя что-нибудь получится, – недоверчиво проговорил дядя.

На следующий день с утра юноша взял портновскую линейку и стал мерить ею землю, начиная от двери дядиного дома, и занимался этим так упорно, что тётка выглянула из дому.

– Что это ты тут делаешь? – спросила она.

– Я обмеряю участок, – хладнокровно отвечал юноша и продолжал свое занятие.

– Что? Обмеряешь участок? – воскликнула тётка. – Что это ты волнуешься о нашем добре?

На это юноша с самоуверенной миной пояснил:

– Тётушка, это же само собой разумеется. Я готовлюсь к будущему. Вы с дядей уже не молоды, а сыновей у вас нет. Поэтому, конечно, ваш дом останется мне, вот я и хочу его обмерить, потому что собираюсь впоследствии перестраивать.

Тётка, раздражённая и разгневанная, не смогла ни слова вымолвить. Она побежала в дом, разбудила мужа и начала умолять его, чтобы он как можно скорее взял наложницу [*Х. фон Зенгер* 1995: 22].

1,2. В данной притче юноша отнёсся к своей тётке как к средству достижения цели. В то же самое время эта цель не была его собственной: он помогал своему дяде. Указанные параметры позволяют говорить как о манипуляции, так и актуализации.

3. Можно утверждать, что факт воздействия, так же как и его направленность были скрыты от тётки. Здесь тоже можно говорить и о манипуляции, и актуализации.

4. Полагаем, что племянник сыграл на слабостях своей родственницы, справедливо полагая, что она будет ратовать за то, чтобы имущество (дом и участок) осталось в семье. Очевидно, племянник проявил свою психологическую силу.

5. Налицо мотивационное привнесение: тётке были навязаны цели, ранее ею не предполагавшиеся. Но и здесь в одинаковой степени можно говорить как о манипуляции, так и актуализации.

6. Несомненно, что племянник обнаружил мастерство и сноровку в осуществлении коммуникативных действий, что и позволило ему создать у адресата иллюзию самостоятельности принятия решения. Несомненно, племянник – мастер в области коммуникации: ему удалось навести тётку на мысль, что мужу нужна наложница, хотя изначально она этой мысли и противилась.

7. Юноша пошёл на манипуляцию совершенно осознанно, желая помочь дяде.

Таким образом, опираясь на ключевой параметр, можно смотреть на ситуацию с двух сторон. С одной стороны, приведённый пример иллюстрирует актуализацию, т.к. намерение юноши заключалось в получении выигрыша не для себя, а для дяди. С другой стороны, с точки зрения тётки, племянник отнёсся к адресату исключительно как к средству достижения цели и, значит, в общении с ней выступил как манипулятор.

Можно сделать предварительный вывод о том, что определение коммуникативного воздействия как манипулятивного или актуализационного в некоторых случаях зависит от того, с какой стороны данное взаимодействие мы рассматриваем.

Третий пример.

7 мая 1938 г. Дневниковая запись Л. К. Бронтмана о приёме в Кремле папанинцев:

*«**...Сталин:** Кто знал Папанина, Ширшова, Фёдорова, Кренкеля? Сколько они стоят? Американцы скажут 10 000 франков, а сам франк стоит копейку (смех). А мы скажем миллиарды. Героям таким нет цены.*

За талантов мало известных раньше, а теперь героев, которым нет цены: за Папанина, Кренкеля, Ширшова, Фёдорова. За то, чтобы мы, советские люди, не пресмыкались перед западниками, перед французами, англичанами не заискивали, чтобы мы, советские люди, усвоили новую меру в оценке людей – не по рублям, не по долларам, чтобы вы научились по-советски ценить людей по их подвигам.

А что такое подвиг? Чего он стоит? Никакой американец не ответит на это, не скажет кроме доллара, стерлинга, франка. Отвага, мужество, геройство – это миллиарды миллиардов презренных долларов, презренных фунтов стерлингов, презренных франков (бурные аплодисменты)...

***Чкалов:** За Сталина умрём!*

***Сталин:** Я считаю, что оратора перебивать не стоит...*

***Чкалов:** За Сталина умрём!*

***Сталин:** Простите меня за грубое выражение, умереть всякий дурак способен. Умереть, конечно, тяжко, но не так трудно... Я пью за людей, которые хотят жить! Жить, жить как можно дольше, а не умереть.*

Чкалов: *От имени всех героев заверяю Сталина, что будем драться за него так, что он даже сам не знает. Водопьянов, Громов, Байдуков, Юмашев, Данилин, Молоков, все герои сидящие здесь в зале, идите все сюда, идите к Сталину, будем драться за Сталина, за сталинскую эпоху!*

(Со всех сторон зала идут герои Советского Союза и становятся стеной около Сталина. Зал грохочет и неистовствует)...» (цит. по: *А.А.Меняйлов* 2005: 257-258)

1. В приведённом примере Сталин продемонстрировал отношение к другому как средству достижения целей государственного (отнюдь не узкоэгоистического) характера, и о манипулятивности его воздействия говорить в данном случае не приходится.

2. В данном случае, полагаем, весьма затруднительно говорить о получении Сталиным главным образом одностороннего выигрыша. Он делал это не в корыстных целях, а с намерением укрепить стойкость советского народа.

3. Полагаем, что Сталин скрыл факт воздействия в данном примере, и можно утверждать что скрытый характер воздействия (как факта воздействия, так и его направленности) в данном случае имеет место: скрытый характер воздействия обеспечивался речевой ситуацией – ситуацией тоста.

4. Очевидно, что в приведённой ситуации была использована психологическая сила – авторитет руководителя государства, но об игре на слабостях говорить в данном случае весьма затруднительно.

5. Несомненно, что здесь наблюдается навязывание целей, которые ранее не преследовались адресатом (призыв ***жить*** вместо того, чтобы ***умереть***). Полагаем, однако, что новая, сформулированная Сталиным цель вовсе не противоречит инстинкту жизни в каждом человеке.

6. Налицо мастерство в осуществлении коммуникативных действий: оратор создал у адресата иллюзию самостоятельности принятия решения (***жить*** за Родину и за Сталина). Полагаем, что именно благодаря подобным ситуациям во многом и сформировалась высокая боевая стойкость русских воинов во время Великой Отечественной войны: «боевая стойкость генералов была в 6,5 раз выше, чем при царе, боевая стойкость офицерства была в 8 раз выше, а стойкость солдат в 17 раз!» (*Ю.И.Мухин* 2005: 127).

7. Нет никаких сомнений, что Сталин проводил коммуникативное воздействие на адресата вполне осознанно.

Таким образом, если исходить из параметров различения актуализации и манипуляции, можно сделать вывод, что третий по счёту отрывок являет собой яркий пример актуализации.

§ 2. Понятие о пяти целевых подсистемах рассмотрения эстетики языка

Универсальная схема научного исследования предполагает своего рода «наложение» на выделенные ступени сущности предмета пяти целевых подсистем (всеобщее – общее – конкретно-абстрактное – особенное – единичное). Этим целевым подсистемам соответствуют, как уже говорилось, генетический, логический, динамический, функциональный и уникально-неповторимый аспекты.

2.1. Понятие о генетическом аспекте эстетических качеств мышления, языка, психофизиологии, речи и общения.

Общеизвестно, что в языке отражаются национальный характер, занятия, обычаи, верования народа, его культура.

Вот, например, обратимся к одушевлённым-неодушевлённым существительным. К каким из них относится слово «покойник»? Чаще всего почему-то его обычно относят к неодушевлённым. Возьмем для сравнения существительные «дуб» (неодушевлённое) и «друг» (одушевлённое) и поставим в этот ряд наше с вами слово. Просклоняем их. В именительном, родительном и дательном падежах окончания совпадают. Но что происходит в винительном? – *Вижу дуб* (неодушевлённое), друга (одушевлённое) и... покойника. Окончание этого слова – такое же, как у одушевлённого *друг*. Почему? Может быть, это связано с представлениями наших далёких предков, их мышлением? Они верили, что после смерти душа улетает из тела... Но ведь не сразу. Некоторое время она «покоится» в теле. Так и оказалось, наверно, что существительное «покойник» – одушевлённое...

Любопытно, что если сказать *Видел я этого дуба*, то существительное в этом контексте выступит как одушевлённое. Одушевлённость/неодушевлённость выражается в русском языке грамматически, с помощью окончаний винительного и родительного падежей.

Или другой пример. У М.Лермонтова читаем:

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.

В форме какого числа используется здесь существительное *пальмы*? Спросите у слушателей, у знакомых. Многие из них скажут – множественного. Как ни странно, но самый частый ответ окажется неверным. Воспользуемся методом подстановки:

Три ду́ба, три села́, три руки́, три пальмы

Ср.:

Три высоких дýба, три больших селá, три мужские рукú, три высокие пальмы

И существительное *дýба*, и существительное *селá*, и существительное *рукú*, управляясь числительным *три*, используются в родительном падеже единственного числа: в совпадающем по написанию именительном падеже множественного числа использовались бы формы *дубы, сёла, рýки*: ср.:

Высокие дубы, большие сёла, мужские рýки.

Сочетаемость прилагательных при существительных мужского и среднего рода, с одной стороны, и женского – с другой – не совпадает, ср.:

Три высоких дýба, три больших селá
три мужские рукú, три высокие пальмы

Вывод следует один: в стихотворных строках М.Ю.Лермонтова существительное *пальмы* (в словосочетании *три гордые пальмы*) используется в родительном падеже единственного числа.

Но как такое может быть? Ответ найдём в истории русского языка. Наши предки умели считать лучше, чем мы: кроме числа единственного и множественного, они выделяли двойственное число, в котором использовались существительные, сочетавшиеся с числительными *два, три, четыре*. Следы этого некогда существовавшего двойственного числа и сохранились в окончаниях существительных в некоторых формах склонения, ср.: *один стол, два (три, четыре) стола, пять столов*.

Факты языка говорят о том, что наши предки в отношении к категории количества были умнее нас, их потомков: система русского языка со временем стала проще, системные связи в ней сократились, что является одним из свидетельств её разрушения.

Менее выразительной стала и фонетическая система русского языка. Как известно, в русском литературном языке в течение длительного времени (которое измеряется веками) действовал такой закон: различительная способность гласных уменьшается, различительная способность согласных возрастает. Множество частных фонетических изменений отвечало этому общему закону (его открыл И.А.Бодуэн де Куртенэ, поэтому он называется «законом Бодуэна»).

Слова:	Произносительная норма	
	Старшая	Младшая
ливмя (льёт)	[в’м’]	[вм’]
о естестве	[с’т’в’]	[ств’]
снег	[с’н’]	[сн’]
зверство	[з’в’]	[зв’]

Все эти случаи можно обобщить так: «старшая» норма требует нейтрализации, неразличения некоторых согласных в определённых позициях, «младшая» не требует нейтрализации, т.е. позволяет согласным различаться в тех же позициях. Например, раньше было допустимо сочетание [в’м’] и недопустимо [вм’], теперь допустимы оба – в одних словах предпочтительно [в’м’], в других – [вм’] (т.е. перед [м’] стали различительны [в] – [в’]). Различительная сила согласных, в соответствии с этим законом, увеличивается. Многие другие факты говорят о том, что изменение консонантизма в этом направлении было характерно для русского языка в течение многих столетий (Современный русский язык 1981: 99-100).

В результате действия этого закона возрастает «шумность» русского языка (этому способствует и безоглядное заимствование иноязычных слов), т.е. снижаются его эстетические возможности. Из русского языка (точнее, из языка-предка) исчезли гласные, обозначавшиеся буквами ѷ, ѣ, ѧ, ѫ. К сожалению, «закон Бодуэна» действует сегодня только в разрушительной своей части. Есть некоторые основания полагать, что различительная сила согласных тоже уменьшается.

Фонетическая система русского языка теряет одну из своих согласных фонем – <ж’:>, которая реализуется в долгом звуке [ж’], например *вожжа* [вʌж’:á]. Произношение [ж’] долгого стремительно вытесняется в произношении молодого поколения другими вариантами – [ж] или [жд’], например *дрожжи* – не [дрóж’:и], а [дрóж:ы]; *дожди* – не [дʌж’:и□], а [дʌжд’и□] и т.п. (см. *Современный русский язык* 1981). Процесс потери согласной фонемы – это процесс упрощения фонетической системы русского языка, а следовательно, процесс её разрушения, процесс снижения его эстетических возможностей.

Процесс снижения эстетических возможностей затронул и графическую систему русского языка. В годы демократии стала изыматься из оборота буква ***ё***. Её использование теперь считается факультативным, т. е. необязательным. Более того, нам известны центральные лингвистические журналы, редколлегия которых просто требует от авторов отказаться от этой буквы. Напомним, что буква ***ё*** обозначает ударный звук [о] после мягкого согласного или шипящего: *сёстры* [с’ó]стры, *вёсла* [в’ó]сла, *шёлк* [шó]лк.

Интересно то, что использование буквы ***ё*** было введено в школьную практику как обязательное в самое трудное для страны время – во время Сталинградской битвы. Именно тогда, 24 декабря 1942 г., вышел Приказ Народного комиссара просвещения об обязательном употреблении буквы **ё** в школьной практике. В 1945 году был издан словарь «Употребление буквы **ё**» (см. также: *Л.А.Введенская и др*. 2005). Умные люди понимали, что использование этой буквы, в конечном счёте, повышает обороноспособность страны. Сейчас не менее умные люди в данном вопросе, к сожалению, следуют эстетическим ценностям некрофилического характера.

Обратим внимание на авторов, последовательно использующим букву **ё** в своих книгах (см. книги В.А.Истархова, А.А.Меняйлова и др.). Использование данной буквы следует рассматривать – в плане принятого в данной книге подхода – как проявление инстинкта самосохранения, как проявление стремления к Жизни и Истине.

Отказ печатать букву **ё** в художественной литературе, официальных бумагах, газетах привёл к тому, что во многих словах стали произносить на месте [о] – [э]: не *жёлчь* [жо]лчь, *жёлчный* [жо]лчный, а *желчь* [жэ]лчь, *желчный* [жэ]лчный, не *акушёр* аку[шор], а *акушер* аку[ше́р]. Необязательное написание буквы **ё** привело к переносу ударения в некоторых словах и неправильному их произношению: *заворо́женный, недооце́ненный, непревзо́йденный* вместо правильного *заворожённый, недооценённый, непревзойдённый.* Напомним ещё раз про закон Поливанова, гласящий, что развитие литературного языка заключается отчасти в том, что он всё меньше развивается. Последовательный отказ от использования буквы ***ё*** (независимо от соотношения сознательного/бессознательного психического в данном вопросе) следует рассматривать – в плане принятого в данной книге подхода – как проявление Танатоса, как проявление стремления к Смерти и Лжи.

Проявлением некрофилических (разрушительных) наклонностей у пишущего является неразличение знаков дефис («чёрточка» – «-») и тире («–»). Конечно, гораздо проще писать вместо двух графических знаков один. При этом не надо помнить, что дефис (чёрточка) ставится внутри слов и является знаком орфографическим, а тире – между членами предложения и является знаком пунктуационным. Но в конечном счёте это стремление, чаще всего неосознаваемое, к разрушению в себе языковой системы: графическая система русского языка при этом упрощается, а следовательно, разрушается.

Вспоминается случай ещё из студенческой жизни. Студентка в диктанте писала *об"яснение* вместо правильного «объяснение», *под"езд* вместо подъезд. Преподаватель Юрий Иванович Щербаков (Мелекесский пединститут) потребовал, чтобы она везде в диктанте проставила твёрдый и мягкий знаки. Девушка с гордым видом отказалась это сделать: «Я всегда так писала и буду писать!» В доверительном разговоре после этой ситуации призналась мне, что на самом деле не знает, где следует писать мягкий, а где твёрдый знаки.

В системном плане недавно раздававшиеся призывы «упростить» русскую орфографию, стремление ускорить процессы изменений в русском языке – это были призывы разрушить, призывы снизить эстетические возможности русского языка, призывы умертвить *КРАСОТУ = ЖЕНЩИНУ = ИСТИНУ = ЖИЗНЬ = ЗДОРОВЬЕ*. Впрочем, то, что смертность в стране сегодня превышает рождаемость, – факт общепризнанный…

2.2. Понятие о логико-структурном аспекте эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения

Общеизвестно, что бóльшая часть конфликтов случается из-за неправильно понятых, воспринятых слов. Именно поэтому так важно уточнять значение используемых понятий, так важно устанавливать их логико-структурные связи.

Основная идея настоящего учебного пособия базируется на противопоставлении вектора развития (повышения роли в жизни *КРАСОТЫ – ЖЕНЩИНЫ – ИСТИНЫ – ЖИЗНИ – ЗДОРОВЬЯ*) и вектора разрушения (торжества в жизни *БЕЗОБРАЗИЯ – женоподобных мужчин и мужеподобных женщин – ЛЖИ – СМЕРТИ – БОЛЕЗНИ*).

По отношению к личности вектор развития проявляется в установках, обеспечивающих усложнение системных связей личности, тогда как вектор саморазрушения проявится в упрощении её системных связей.

По отношению к той или иной организации или корпорации вектор развития проявится в усложнении системных связей этой организации с другими организациями, тогда как вектор саморазрушения – в упрощении её системных связей (что и наблюдается при её закрытии).

По отношению к нации вектор развития проявится в усложнении системных связей этой нации с другими, тогда как вектор саморазрушения – в упрощении её системных связей (что имеет место быть в результате её смешения с другими, в процессе глобализации).

По отношению к государству вектор развития проявится в усложнении системных связей этого государства с другими государствами, в активном строительстве этим государством многополярного мира, тогда как вектор саморазрушения – в упрощении его системных связей, в стирании межгосударственных границ, в утрачивании суверенитета. Следуя логике рассуждений, политика «железного занавеса» в 30-40-е годы способствовала развитию нашей страны.

В этом же смысле можно говорить о существовании двух типов эстетики – эстетики биофилической (исповедующей принципы *КРАСОТЫ – ЖЕНЩИНЫ – ИСТИНЫ – ЖИЗНИ – ЗДОРОВЬЯ*) и эстетики некрофилической (вольно или невольно настаивающей на идеях *БЕЗОБРАЗИЯ – женоподобных мужчин и эмансипированных женщин – ЛЖИ – СМЕРТИ – БОЛЕЗНИ*).

Эти два типа эстетики проходят основной оппозицией по всем пяти ступеням сущности языка, они проявляют себя в мышлении человека, в его языке, психофизиологии, в его речевых высказываниях, в его актах коммуникации.

Логический принцип простоты (последовательное проведение и обоснование всего лишь одной оппозиции – созидания и разрушения), исповедуемый в настоящем учебном пособии, неразрывно связан с эстетическими требованиями к научным исследованиям, ср.:

«Наряду со свойством симметрии в творческом поиске широко используется логический принцип простоты, также связанный с эстетическими определениями. Простота проявляется в структуре знания как требование использовать наименьшие по значению коэффициенты, показатели степеней, стремиться избегать сложных выражений (например, радикалов), громоздких записей и т.п. <…> Верно, природа неохотно расстается со своими тайнами. Однако она, как говорится, хотя и коварна, но незлонамеренна. Ибо за внешним хитросплетением событий (вот её коварство) заинтересованный разум всегда способен различить порядок, закон, регулярность. Это и рождает состояние эстетической приподнятости у человека, который смог разгадать хотя бы краешек истины, увидеть те общие причины, что из глубин материи управляют пестротой видимых глазу её проявлений. Вот почему среди показателей красоты выделяются также свойства общности, широты знания и т.п.

Но дело не просто в общности. Теория может охватывать обширный слой фактов и вместе с тем быть структурно громоздкой, сложной, включать огромное количество положений, законов или аксиом и исходных понятий. Поэтому говорят о простоте как обязательном сопровождении по-настоящему эффективной, общей теории. Простота – это и есть упомянутое ранее экономное, использующее минимум знаковых средств выражение некой совокупности знаний. Фактически дело так и обстоит, что чем глубже, значительнее событие, описываемое явление или передаваемое содержание и т. п., тем короче может быть сообщение, чтобы донести их значительность» (*А.К.Сухотин* 1983: 136-137).

Но что имел в виду немецкий философ Мартин Хайдеггер, когда говорил, что не человек владеет языком, а Язык ведёт человека по жизни? – Он, вероятней всего, имел в виду именно то, что сознательный или подсознательный выбор одного из двух типов эстетики (созидания или разрушения) во многом предопределяет течение человеческой жизни. Правда, здесь уже мы переходим к динамическому аспекту эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения.

2.3. Понятие о динамическом аспекте эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения

И мышление, и язык в собственном смысле этого слова, и психофизиологические процессы, и речь, и общение – все они являются динамическими образованиями.

Мышление, как мы уже говорили, – это процесс перехода от незнания к знанию, от знания неполного к знанию более полному, т.е. динамический процесс по определению.

Язык – это не просто система знаков и правил их использования. Это своего рода динамическое образование, которое колеблется в нашем сознании обрывками фраз, которое ожидает своей актуализации и всегда находится в нас в состоянии полной готовности.

Динамическая природа психофизиологических процессов, обслуживающих использование языка и переводящих его в речь, в материально выраженные «слои движущегося воздуха», настолько очевидна, что вряд ли на ней нужно сколько-нибудь подробно останавливаться.

Несомненна динамическая, процессуальная сторона речи, материализующей язык. В некоторых случаях – когда у нас есть доступ к авторским черновикам – мы можем точно воспроизвести её рождение, становление и развитие.

Столь же очевидна динамичность общения, всегда разворачивающегося как процесс, имеющий протяжённость во времени и пространстве.

Признание динамичности, процессуальности всех ступеней сущности языка, однако, отнюдь не обеспечивает их организующую, созидательную направленность. Возьмём хотя бы вдохновение, о котором уже говорилось нами.

Наличие/отсутствие вдохновения в работе никак не характеризует художественной ценности художественного текста. Если совсем точно – одно лишь вдохновение не обеспечивает высокую художественную ценность произведения. Корень проблемы в том – насколько богат жизненный опыт мастера слова, насколько глубокие мысли и чувства питают этот опыт. Об этом очень хорошо выразился Николай Николаевич Асеев: «Но ведь вдохновение не доказуемо! Оно может быть приписано и глупцу. Баратынский об этом замечательно сказал, что разница в его весеннем благотворенье та, что глупца "капустою раздует, а лавром он не расцветёт". Таковы приметы вдохновения как для талантливого поэта, так и для писаки. Но оставим последних без рассмотрения. Они несут наказание в безрезультатности своих усилий» (*Н.Н.Асеев* 1964 т. 5: 404).

К сожалению, слова известного советского поэта, справедливые более 55 лет назад (о том, что писаки несут наказание в безрезультатности своих усилий), для сегодняшнего времени, когда сместились понятия, что́ есть хорошо и что́ есть плохо, во многом утратили свою ценность: в центре внимания сегодня очень часто оказываются те, кто не стыдится своего убожества. Строго говоря, потому и требуются объективные параметры, которые позволили бы квалифицированно оценивать содержательную основу текста. Но здесь уже обозначается функциональный аспект эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения.

2.4. Понятие о функциональном аспекте эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения

Ценность функционального аспекта при рассмотрении любого явления осознаётся очень редко, хотя это один из важнейших аспектов анализа любого явления, в том числе и эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения.

Сейчас мало осознаётся то, что ценность художественного произведения, его воздействующая сила во многом определяются характером личного опыта автора. Вряд ли стоит останавливаться на том общеизвестном факте, что великие писатели – всегда высоко образованные и эрудированные люди. Здесь ограничимся воспоминаниями о русских писателях доктора филологических наук, известного литературоведа Виктора Андрониковича Мануйлова (главного редактора «Лермонтовской энциклопедии») – в «Литературной газете» был помещён его рассказ о своих мемуарах: «Люди, о которых я пишу, были не только одарёнными от природы, но необычайно образованными, эрудированными, любившими и знавшими жизнь не вообще, а во всех подробностях.

Например, Н.А.Клюев, которого считают этаким крестьянским поэтом, цитировал "Фауста" по-немецки. Анна Андреевна Ахматова читала своих зарубежных коллег в оригинале.

Однажды при мне М.А.Цявловский спросил у А.Н.Толстого, знает ли он, как готовится "пирог-курник", который везёт в город Коробочка в "Мёртвых душах"? И тут же рассказал, сколько слоёв в нём должно быть и каких. А Алексей Толстой, когда писал роман "Пётр Первый", изучал подробности русского быта и этикета, знакомился с поварскими книгами, рецептами старинных национальных кушаний.

Как-то раз к А.Толстому приехал начинающий автор с рукописью, которую он просил прочесть и помочь опубликовать. Мы как раз компанией отправились за берёзовыми почками. Во время этой прогулки Толстой устроил молодому человеку своеобразный экзамен: он спрашивал, какая кричит птица. Тот не знал, что иволга. Писатель сорвал стебелёк тимофеевки и попросил сказать, что это за трава. Начинающий автор и тут спасовал. Алексей Николаевич завёл разговор о лекарственных травах, но и этот разговор собеседник поддержать не мог. Толстой отказался читать рукопись, сказав, что из молодого человека писатель не получится, так как он не любит и не знает природу…» (*В.А.Мануйлов* 1985: 7).

Кому выгоден тот или иной текст? Для чего на самом деле он создан? К чему сводится его смысл? Если бы мы чаще задавались этим вопросом, жизнь стала бы намного яснее и прозрачней.

Сегодня немодно ссылаться на В.И.Ленина – и мы не относим себя к его апологетам, – но и сегодня актуальны его слова: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не

научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать и н т е р е с ы …» (В.И.Ленин; цит. по: *Философский энциклопедический словарь* 1983: 214). Правда, В.И.Ленин предлагал везде разыскивать интересы классов. Полагаем, это всё-таки упрощение проблемы, но её обсуждение не входит в задачи настоящего пособия (более детальное и современное рассмотрение проблемы см.: *В.А.Истархов* 2001; *О.А.Платонов* 2006; *В.В.Кожинов* 2005; *Ю.И.Мухин* 2005, 2008; *А.Н.Севастьянов* 2006; *В.М.Коровин* 2009 и др.). Сама же постановка вопроса о том, что поведение людей диктуется не их взглядами на жизнь, а их потребностями, их интересами, представляется безусловно правильной, безусловно истинной.

2.5. Понятие об идиостилевых аспектах эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения

В рамках обозначенного в данном параграфе аспекта ведущим оказывается аспект языковой личности (личности мыслящей, владеющей языком, характеризующейся индивидуальными психофизиологическими, речевыми и коммуникативными особенностями): «Здесь, как и во всех прочих отделах языковедения, реальной величиной является не «язык» в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления. Мы должны не классифицировать языки, а только давать сравнительную характеристику людей по свойственному им языковому мышлению» (*И.А.Бодуэн де Куртене* 1963 т. 2: 182).

Можно сказать также, что языковая личность – это человек, способный создавать и воспринимать речевые произведения (тексты), различающиеся «а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью» (*Ю.Н.Караулов* 1987; *Ю.Н.Караулов* 1989: 3). Иногда под языковой личностью понимается совокупность качеств, позволяющих создавать и воспринимать речевые тексты (далее см. только что приведённую цитату), но в рамках принятого нами подхода под языковой личностью удобней понимать именно человека, но не совокупность абстрактных способностей и качеств, конкретного человека с его именем и фамилией.

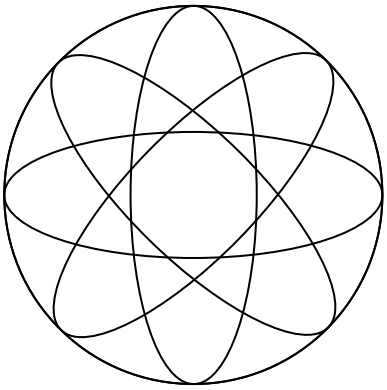
Предельная конкретность рассмотрения предмета в данном аспекте позволяет получать предельно богатое знание. Дело в том, что абстрактное в диалектической традиции понимается в широком смысле как «бедность», односторонность знания, а конкретность – как его полнота, содержательность. Избранный нами принцип восхождения от абстрактного к конкретному характеризует направленность научно-познавательного процесса как движение от менее содержательного к более содержательному знанию, от знания бед-

ного к знанию богатому (более подробно об этом принципе см.: *В.С.Швырёв* 1983: 93-94).

Для разграничения понятий «идиолект»/«идиостиль» чрезвычайно плодотворной выглядит идея Юрия Максимовича Скре́бнева, впервые им высказанная в 1975-м году, о разграничении неспецифических, относительно и абсолютно специфических характеристик языковой единицы (см.: *Ю.М.Скребнев* 1975: 33-39). Рассуждения лингвиста настолько интересны, что приведём соответствующий фрагмент по более поздней его монографии полностью:

«…Для обозначения набора языковых единиц, обслуживающего ограниченную речевую сферу (более узкую, чем вся речевая деятельность данного общества), воспользуемся фигурирующим в современной лингвистике термином «субъязык».

Как показывает схема, все субъязыки совмещены (пересекаются) в центральной части круга. Область пересечения, общая для всех субъязыков, – это нейтральная область языка, совокупность общеупотребительных языковых единиц. Области пересечения двух или нескольких субъязыков содержат единицы, характеризующие соответствующую группу субъязыков. Наконец, непересекающиеся участки эллипсов, наиболее удалённые от центра, индивидуальны.

Таким образом, любой субъязык состоит из трёх классов языковых единиц:

1) абсолютно специфические единицы, т. е. единицы, свойственные лишь данному субъязыку, индивидуально характеризующие его, отличающие его от других субъязыков;

2) относительно специфические единицы, принадлежащие более чем одному субъязыку, характеризующие группу смежных субъязыков;

3) неспецифические (нейтральные) единицы, общие для всех потенциально выделимых субъязыков, составляющие основу каждого субъязыка.

Можно показать, что эти частные системы пронизывают собой все уровни языковой иерархии; на каждом ярусе вычленяются единицы, относящиеся к одной из трёх разновидностей» (*Ю.М.Скребнев* 1985: 21-22).

В принятой Ю.М.Скребневым логике понятий термин «идиолект» – это субъязык конкретного индивида. В идиолекте могут быть обнаружены неспецифические, относительно и абсолютно специфических языковые единицы.

Понятие «идиостиль» в большей степени соотносится с абсолютно специфическими особенностями идиолекта. Идиостиль – это то, что устойчиво отличает один идиолект от другого.

В соответствии с указанным пониманием идиостиля следует говорить об идиостилевых характеристиках мышления, языка, психофизиологии, речи и общения.

Поскольку специальное рассмотрение вопроса об идиостилевых характеристиках мышления, языка, психофизиологии, речи и общения здесь не предполагается, ограничимся общими рассуждениями о стилях мышления, языка, психофизиологии, речи и общения.

Напомним, что стиль вообще – это характерный вид, разновидность чего-н., выражающаяся в каких-н. особенных, отличительных признаках и свойствах (ср.: *С.И.Ожегов* 1984: 666-667).

Стиль – это совокупность характерных отличий чего-то одного от другого. Но это не просто сумма отличий. – Это устойчивая совокупность характерных отличий чего-либо от другого в одном и том же логическом ряду.

Стили мышления

Стиль мышления – это устойчивая совокупность отличий одного способа мышления от других.

Какие могут быть выделены стили мышления?

Прежде всего – «мужской» и «женский». Мужской: «Ты меня никогда не любила – вот и сейчас я ухожу на работу голодный» (суждение строится по логике движения от общего к частному). Женский: «Смотри, как ты носки разбросал по комнате, – ты разве любил меня когда-нибудь?» (суждение строится по логике движения от частного к общему).

Стиль мышления может быть рассудочным или интуитивным.

Логично предположить, что при высокой скорости письма, при протекании творческого процесса главным образом в голове (а не на бумаге), при создании художественных произведений в состоянии вдохновения писатель (поэт) в большей степени подвластен интуиции. В то же время при небольшой скорости письма, при работе главным образом на бумаге, при методичной и каждодневной работе художники подчиняют творческий процесс преимущественно рассудочной обработке того материала, который художника занимает. Заметим, однако, что высокая степень преднамеренности и рассудочности никогда не считалась приметой настоящего искусства.

Стиль языкового мышления может быть высокоскоростным или замедленным.

Многие писатели отличаются друг от друга скоростью письма. Сошлёмся на воспоминания В.А.Каверина: «Тынянов в течение полутора месяцев написал "Кюхлю", Стендаль за два месяца продиктовал «Пармский мона-

стырь». Фантастика!"; "К.Федин пропускал по три-четыре строки – с тем, чтобы над каждой из них осталось свободное место для исправлений. Это была, без сомнения, медленная, тщательная работа. Непохоже, стало быть, что он работал быстро. Однажды я пожаловался Фадееву, что за год написал только четыре листа, и он сказал: – Это много» (В.А.Каверин 1982: 186). Вот слова Сергея Викулова о В.Распутине: «...Я невольно припомнил одно из немногих признаний В.Распутина о том, что пишет он, к сожалению, очень медленно. Что стоит за этим "медленно", он не раскрыл» (*С.Викулов* 1987: 4). Тараторки и молчуны, несомненно, отличаются друг от друга и типами мышления.

По особенностям протекания мыслительного процесса можно различать стиль головной и на бумаге: «У одних отсев и переплавка словесной руды происходит в горниле души, на бумагу ложится конечный результат, у других весь этот творческий процесс совершается на бумаге. К первому типу поэтов можно отнести Лермонтова, ко второму – Пушкина. В черновиках первого мы обнаружим лишь отдельные поправки, черновики второго – точная картограмма зарождения и рождения стиха» (*В.Д.Фёдоров* 1973: 83).

Возможно различение творческого и рутинного стилей мышления. Так, литературно-художественное мышление предполагает чрезвычайную интенсивность мыслительной деятельности (напр., вдохновение), оно характеризуется неожиданностью, новизной результатов, продукта деятельности, – и на уровне мышления литературно-художественное творчество предстает как своего рода сплошное (или очень частое) отклонение от нормы, которая здесь предстает в виде качественно-количественной характеристики нервных затрат. Если обычная, "нормальная" мыслительная деятельность склонна к словесно-логическому типу мышления и приводит к довольно-таки ожидаемым результатам, то творческая мыслительная деятельность тяготеет к образному типу мышления, подпитываемому эмоциями, и приводит к новым, иногда неожиданным результатам. Интенсивность мышления, энергия мыслящей личности «обладает магнетическими свойствами» (*Д.Карнеги* 1989: 386) и обеспечивает заразительность искусства вообще и художественной речи в частности.

Вероятно, можно говорить даже о русском стиле мышления – в плане отличия этого типа мышления от мышления других народов. Решение этой проблемы невозможно без сопоставления ассоциативных норм русского сознания в плане отличия от подобных норм в сознании носителей другого языка. Обратим внимание на реакции к слову «деньги» – *тратить, платить, считать, получать-получить, иметь, отобрать, рубль, стоить, штраф, давать, копейка, долг, грести, отдать, делать, нуждаться, карман, платили*... И нет слова *зарабатывать*.

Возможно выделение стилей мышления бухгалтеров, учителей, врачей, детей, студентов, первоклашек и даже живущего по соседству Ивана Ивановича.

Несомненно, что количество стилей мышления принципиально неконечно.

Стили языка

Стиль в языке – это характерные особенности функционирования языка, это регистры языка. Этих регистров в языке никак не меньше, чем на уровне мышления. Количество выделяемых стилей в языке тоже не имеет конечности – оно принципиально неконечно.

Процитируем Ю.М.Скребнева: «Лингвистику не удовлетворяет ни система "трёх штилей", ни система из пяти и более стилей: ей нужны и "стиль технической литературы", и "стиль канцелярский", и "стиль телеграфный", и "стиль архаический", и разговорный стиль, и стиль одного литературного произведения, и стиль повествовательный, или, скажем, стиль авторских отступлений в таком-то романе такого-то автора. Все подобные стили представляют собой понятия несоизмеримые (т.е. не образующие единого классификационного ряда) и социально неравноценные (поскольку "стиль высказываний соседа Ивана Ивановича, возвращающегося домой в день получки", интересует меньший круг лиц, чем стиль Пушкина). Однако все они имеют теоретически равные права на описание – могут быть выделены в качестве объектов описания.

<…> В основе социально авторитетных, социально ценных стилей, которые обычно признаются в лингвистическом обиходе, лежат чисто прагматические соображения» (*Ю.М.Скребнев* 1975: 56).

Именно прагматические соображения заставляют нас выделять научный, официально-деловой, публицистический, художественный и разговорный стили языка. Искать объективные границы стилей, дискутировать об адекватности или неадекватности той или иной стилевой классификации равносильно поискам объективных границ климатических поясов или возрастных групп.

Стиль языка – это особенности того регистра в использовании языка, о наличии которого в языке мы догадываемся и предполагаем.

Стили психофизиологии

Стиль психофизиологических процессов – это устойчивая совокупность отличий одного способа протекания психофизиологических процессов от других. Можно говорить о стиле психофизиологии «потокового сознания», о стиле психофизиологии стресса, о стиле психофизиологии восприятия и т.д. Ср. цитату из пособия по риторике: «Мы воспринимаем говорящего не только органами слуха, но и мышцами голосо-речевого аппарата, который микродвижениями дублирует его речь. Значит, восприятие речи – это слухомышечный процесс. И если оратор говорит с напряжением, мы ощущаем дискомфорт, нам хочется подвигаться, откашляться или просто на время отключиться от слушания, давая отдых своему голосо-речевому аппарату» (*З.В.Савкова* 1991: 6).

Стили речи

Стили речи – это реализация стилей языка. Они соотносятся со стилями языка как особенное с общим. Здесь можно говорить о смешении стилей, поскольку в реальном тексте может быть обнаружено влияние разных языковых стилей (вопрос о преднамеренности-непроизвольности здесь опускается).

Стили общения

Наконец, мы можем выделить и стили общения, стили коммуникации. Их не меньше, чем стилей речи. Более того: один и тот же реальный текст может выступить в качестве текстов самой различной коммуникативной и стилевой направленности (многое зависит от интонации, от мимики и жестов говорящего).

Одна из возможных классификаций стилей общения (*А.Б.Добрович* 1987) разграничивает стили:

– примитивный (собеседник является не партнёром общения, а предметом, нужным или мешающим);

– манипулятивный (собеседник является не партнёром общения, а соперником в игре, которую непременно надо выиграть, а выигрыш может быть материальным, житейским, психологическим);

– стандартизованный (контакт «масок» – маски «нуля», вежливости, любезности, «тигра», «зайца» и т.д.);

– конвенциональный (коммуницирующие субъекты выступают как равноправные партнёры);

– игровой (собеседник подыгрывает ролевому вееру партнёра);

– деловой (партнёр воспринимается как участник очень важной коллективной деятельности);

– духовный (партнёр воспринимается как носитель высокого духовного начала и вызывает благоговение).

В русской культуре умение использовать различные регистры языка всегда было показателем ума и такта собеседника. Умение пользоваться различными регистрами языка – один из важнейших факторов устойчивости общества.

Автор настоящего пособия, будучи школьником, посмеивался над зарисовкой Н.В.Гоголя: «Надобно сказать, что у нас на Руси если не угнались ещё кой в чём другом за иностранцами, то далеко перегнали их в умении обращаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец век не смекнёт и не поймёт всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торгашом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым. У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста, а у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, а с тем, у которого их пятьсот, опять не так, как с тем, у которого их восемьсот, – словом, хоть восходи до миллиона,

все найдут оттенки». Сейчас нам понятно, что Н.В.Гоголь хоть и в ироническ ой форме, но обозначил как факт то, что наши предки более мастерски, чем мы, пользовались различными регистрами, различными стилями языка.

Несомненно, что есть все основания говорить об идиостилевых аспектах эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения, говорить о доминировании созидательных или разрушительных начал в эстетике мышления, языка, психофизиологии, речи и общения того или иного индивида, той или иной языковой личности.

Для нас важно подчеркнуть, что психофизиология языковой личности вторична и производна от характера мышления этой личности (экспериментально установлено, что скорость воплощения мысли в соответствующий психофизиологический процесс чрезвычайно высока – см.: *М.Веллер* 1999: 56-57). При доминировании созидательных начал в эстетике мышления, языка, психофизиологии, речи и общения у той или иной языковой личности проблем со здоровьем быть не может, тогда как исполнители разрушительных по своему характеру песен не могут быть здоровыми. Заболевания и ранняя смерть исполнителей, если исключить случаи насильственного прекращения жизни, вероятней всего, – одна из примет разрушительного характера их песен.

Глава III. Специальные аспекты рассмотрения проблем эстетики языка: Оценка содержательной основы массовых песен

Чрезвычайная важность жанра массовых песен

Более 35-ти лет назад, в так называемые «застойные времена», В.Д.Фёдоров опубликовал статью «Путь русской советской поэзии», где, в частности, рассмотрел проблемы массовой песни. Соображения выдающегося поэта показались нам настолько интересными, что приведём их практически полностью. Приведём их полностью и потому, что в них хорошо передана атмосфера той эпохи, о которой говорят иногда: «Вот жили мы тогда и не знали, что жили при коммунизме».

«О значении песни говорить не надо. Она сама сказала о себе: «Нам песня строить и жить помогает». До сих пор мы поём песни Революции, предвоенной и военной поры. Только одно имя Михаила Исаковского – это целый этап жизни нашего народа. Мы помним и поём песни В.Лебедева-Кумача, А.Суркова, А.Софронова, А.Чуркина. На особом месте стоят песенные откровения А.Фатьянова, которые, на мой взгляд, оценённые сердцами, ещё не получили достойной оценки в нашей критике. И не только А.Фатьянова. Не могу не разделить чувства поэта Н.Агеева, написавшего однажды:

Не слышно песен Исаковского, –
Без них душа, как сирота!
Когда-то пели – дух захлёстывало,
Бралась любая высота.

Успех этих поэтов был и есть в том, что они не разрывали связей с праматерью всех лучших песен – с народной песней. К сожалению, сегодня наше песенное хозяйство находится в состоянии, вызывающем тревогу. Несколько лет назад наш секретариат провел совместное совещание с секретариатом композиторов Российской Федерации, посвящённое современной песне. Для разговора был привлечён широкий актив. Композиторы и музыковеды были обеспокоены не меньше нас, поэтов. Народная песня – это фундамент музыкальной культуры народа. Она лежит в основе всех других жанров. Достаточно вспомнить, как в одной из симфоний Чайковского начинает звучать мотив; «Во поле берёзонька стояла...» Справедливо мнение, что современная песня, за редким исключением, перестает быть питательной средой для других музыкальных жанров, а значит, эти жанры становятся худосочней и беспочвенней. Вина за такое состояние в равной степени лежит и на поэтах и на композиторах. Потеряв национальную и социальную окраску, то есть потеряв признаки советской песни, она перестает быть интересной. Та-

ких «растерявшихся» песен сегодня слишком много, они, как расхристанные битники, слишком похожи друг на друга.

Бесцветность унизительна. Надо помнить о «Катюше», которая победоносно обошла мир. Не надо забывать, что гимн, объединивший демократическую молодежь мира, родился и впервые прозвучал на русском языке. А ведь его написал поэт Лев Ошанин, работающий не в плане поэтических абстракций, а верный мелодике русского песенного стиха. Эта верность приносила и приносит успех многим песням не только Льва Ошанина. Международный успех «Подмосковных вечеров» М.Матусовского тоже обязан этой верности.

У нас очень мало новых массовых песен, особенно военно-боевых. А многие из тех, что есть, бесстрастны. Они какие-то дежурные, не приживаются. Сегодня в большом ходу мотивы лирические. Здесь у нас определённый успех и в мелодическом и в тематическом разнообразии: песни Н.Доризо не спутаешь с песнями В.Бокова или, скажем, Е.Долматовского, а песни С.Острового с другими. Особый сибирский колорит в песнях В.Пухначева. Из более молодых успешно работают В.Харитонов и Ю.Полухин. Одним словом, песни лирические у нас есть. Слушая их, жить бы да радоваться. Но вот беда: песни лирические всё чаще подменяются ипохондрическими. Песенки кабаре получили у нас всесоюзную эстраду: радио и телевидение. Когда я слышу их, мне часто вспоминается ресторанная сценка. За столиком сидят молодой человек, явно из жуликов, и не очень требовательная девушка. Он несколько раз заказывал ей яблоки, несколько раз бегал к оркестру с рублями в кулаке, заказывал сногсшибательную музыку и душещипательные песенки. Тогда, разнеженная, она сказала: «Гриша, не приучай меня к роскошной жизни!» По многим теле- и радиопередачам так и чувствуешь, как тебя приучают к роскошной жизни. Получилась парадоксальная ситуация: в поэзии шло углубление, в песнях – оглупление. Например, в передачах «Московская суббота» прошла песенка с припевом;

Как Робинзон,
Как Робинзон,
Хочу в леса, в поля.
Как Робинзон,
Как Робинзон,
Хочу начать с нуля.

Хочется спросить: а куда вы, товарищ Робинзон, двинетесь после нуля? Конечно, эту песенку можно выдать за одну из множества туристических, но и в качестве таковой она не так безобидна. После таких Робинзонов, побывавших в лесах и полях, старый колхозник сказал с обидой и гневом: «Где скот, там и потрава!» А вот и другой образчик пошлости:

Все обещания твои
Я собираю, как букеты.
Ты сладких слов не говори,
Они похожи на конфеты!

Во всяком оглуплении есть свой отрицательный смысл. Если бы бессмысленные слова предлагались поэтом один на один со слушателем, то можно было бы не беспокоиться: понравилось, пусть себе поёт. Но ведь у нашей пропаганды миллионный размах. В ожидании лучшего приходится выслушивать песенку, состоящую из одних повторов имени Колумба, или такое:

Просто всё, что мы доверяем мечтам,
Означает тару-рам!

Тут уже звучит призыв пойти ниже нуля: не просто тара-рам, а тару-рам. Между прочим, имена создателей подобных новаций редко запоминаются, но автора этих строк, И. Шаферана, я запомнил по радиопередаче, посвящённой ему. В ней он был представлен по меньшей мере на уровне классика советской песни.

Думаю, что сдвиг в сторону пошлости произошел не без постороннего влияния. А всякая подражательность не минует пошлости.

За последнее время в песенной пропаганде кое-что изменилось. Стали изредка передавать народные песни, одинокой гармонью прозвучит песня Исаковского, но сиповатый речитативчик с припляской и прищёлкиванием пальчиков по-прежнему ещё в большом почёте» (В.Д.Фёдоров 1973: 221-223).

Как следует из слов В.Д.Фёдорова, массовые песни он рассматривает как один из видов пропаганды, и его позиция – позиция, безусловно, умного и далеко видящего человека: в научной литературе песни как вид бесструктурного управления обществом стали рассматриваться относительно недавно (см.: *В.А.Истархов* 2001: 127). Позиция В.Д.Фёдорова была выражена им и в поэтической форме – в стихотворении «Сердца» (*В.Д.Фёдоров* 1970: 140):

Всё испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт наш враг,
Займёт сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет,
Нас разя…
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

В демократические времена массовая песня не перестала средством пропаганды, по-прежнему осталась одним средств бесструктурного влияния. Власть поменялась, но функции песен как средства властного влияния не могут поменяться в принципе. Сказанное в полной мере относится и к лириче-

ским песням: если бы они не были востребованы теми, кто их *раскручивает*, то эти песни бы и не прозвучали.

Сказанное объясняет, почему необходим объективный инструментарий оценки содержательной основы массовых песен.

Постановка проблемы

Мы уже говорили, что художественный текст вообще и текст песни, в частности, обладает высокой степенью смысловой защиты. Это обстоятельство – момент, осложняющий возможность квалифицированной эстетической оценки песни. Завораживающая мелодия, необыкновенная искренность исполнителя очень часто маскируют содержание песни, и её истинный смысл остаётся недоступным большинству слушателей.

Высокая степень смысловой защиты текста массовой песни во многом объясняется тем обстоятельством, что чрезвычайно выросла актёрская составляющая в исполнении песни. Торжество рыночной экономики привело к тому, что человек во многом превратился в товар, а умение продать сегодня оценивается как искусство.

Процитируем автора многих книг по имиджелогии и специфике коммуникации в современных условиях Г.Г.Почепцова:

«Исследователи с удивлением обнаружили новую закономерность: если вчера можно было быть, например, великим учёным и пользоваться уважением практически независимо от характера коммуникации, то сегодня великий ученый тот, кто сумел себя продать, преподнести в нужном ракурсе. Если этого нет, то никто тебя не знает и не замечает. Актёрская модель поведения перенесена и на политику, хороший политик сегодня тот, кто умеет себя подать с экрана: рассмешить, подыграть, уверенно выглядеть. Западный политик может проиграть выборы, если в напряжённой дискуссии аудитория увидит испарину на его лысине, что выдаст его неуверенность. Кстати, западных политиков даже специально обучают, как взглядом охватывать аудиторию, как не выдавать своего замешательства. То есть это не обучение "искусству лжи", как когда-то представляли это у нас, а обучение приёмам, которые позволяют скрыть свое волнение.

Такого рода *телевизионным политиком* стал Владимир Жириновский. Вспомним, как он обещал всё и всем, но потеря логики никого не смущала. Его выступления смотрелись как актёрские. Ведущая "Вестей" российского телевидения Светлана Сорокина говорит: "Мы очень много даем реплик Лукашенко по той простой причине, что они яркие и телевизионные. Мы на этом и Жириновского сделали, поскольку очень хотелось выдать что-то очень необычное, что возбуждает, вызывает смех или возмущение, какие-то яркие эмоции" (День. 1997. 15 авг.).

Многим было приятно смотреть на него свысока, мол, какую ерунду он вчера говорил. Но эта ерунда именно из-за своей абсурдности и передавалась из уст в уста. Он стал первым телевизионным политиком на просторах СНГ, потому что неукоснительно соблюдал ещё одно важное правило паблик рилейшнз (что иногда переводят как коммуникации с общественностью): *насе-*

ление не так интересуют конкретные пути достижения цели, как сама цель. Поэтому Жириновский мог обещать всё что угодно, не утруждая себя конкретикой, этим он нисколько не нарушал законы общения с массовой аудиторией» (*Г.Г.Почепцов* 2000: 68-69).

Как справедливо пишет там же Г.Г.Почепцов, «произошла *смена основного канала воздействия*: на первое место вышло телевидение. А кто лучше актёра соответствует его специфике?» (*Г.Г.Почепцов* 2000: 68)

Чрезвычайная выразительность, эмоциональность исполнения той или иной песни является чрезвычайно сильным способом смысловой защиты текста. В таких условиях вопрос о её смысле уходит на второй, если не на третий план. В тень уходит вопрос об эстетических качествах песни, о её созидательной/разрушительной функции, в тень уходит вопрос о том, на кого работает конкретный автор: на госпожу Жизнь или госпожу Смерть? В тень уходит вопрос о том, насколько честен автор и исполнитель… Не ставится вопрос о характере искренности: чья она – человека Истины или лжеца? Ведь лгать можно и неосознанно (одна из характеристик манипулятора). Тем более что для многих сегодня главное – понравиться и продать…

Именно поэтому так важно вооружить будущих специалистов в области социальной психологии, в области массовой информации и коммуникации, в области психологии журналистики объективным инструментарием измерения содержательной основы художественного текста.

§ 1. Анализ социально-психологических установок массовых песен как основополагающий способ определения содержательной основы массовых песен. Три возможных типа содержательной основы художественного текста

Основополагающим способом определения содержательной основы художественного текста вообще и массовых песен в частности может и должно стать выявление социально-психологических установок конкретного текста.

Понятие о динамиках выживания

Полагаем, что фундаментом классификации социально-психологических установок должен стать принцип движения от простого к сложному, от физического уровня к планетарному. В каком-то смысле данный принцип связан с динамиками выживания человека (о динамиках выживания см.: *Л.Д.Столяренко* 2001: 375-376). Как указывает Л.Д.Столяренко, под «динамикой выживания» понимается подчинение человека – во всех своих проявлениях и целях – одной команде «Выживать!»

Напомним, что внутри динамически проявляющегося принципа выживания современными психологами выделяются четыре динамики:

Первая динамика – это стремление к максимальному выживанию человека ради себя самого. Такая цель объединяет человека, культуру, в развитии которой он участвует для пользы себе и бессмертия своего имени.

Вторая динамика – это стремление человека к максимальному выживанию посредством половой деятельности, рождения и воспитания детей. Эта динамика включает в себя самих детей, продолжение культуры для детей и их будущего благополучия.

Третья динамика – это стремление человека к максимальному выживанию группы.

Четвертая динамика – это стремление человека к максимальному выживанию всего человечества (*Л.Д.Столяренко* 2001: 376).

Как пишет Л.Д.Столяренко, ни одна из динамик не сильнее других. Они все сильные, подобны четырём дорогам, по которым человек идёт к выживанию и которые на самом деле являются одной. Можно считать, что все цели человека находятся внутри этого спектра, и это объясняет его поведение. Случается, что четыре динамики соревнуются между собой в воздействии на человека или общество. Но *оптимальным решением любой проблемы является то, которое приносит максимальную пользу наибольшему числу динамик.* Самым лучшим решением любой проблемы является то, которое приносит наибольшее благо наибольшему количеству людей, включая самого человека, его потомство, друзей, семью, политические и национальные группы и в конце концов человечество. Наибольшее количество добра может быть связано с какими-то разрушениями, но ценность решения при этом снижается пропорционально количеству причинённых разрушений. Человек должен приносить пользу самому себе, если он хочет приносить оптимальный результат. Другими словами, посвятить всю свою жизнь служению человечеству и своей группе, блокируя динамики личности и секса, – вовсе не оптимальное решение. *Образец поведения для выживания* построен на основании этого уравнения оптимального решения. Самопожертвование и эгоизм одинаково понижают ценность уравнения оптимального действия.

Используемые понятия

В рамках настоящего пособия развёрнутый анализ теории установок не предполагается. Ограничимся следующими рабочими определениями:

Установка – состояние готовности, основанное на прошлом опыте, которое направляет, искажает или иным образом воздействует на поведение людей (*А.Л.Журавлёв и др*. 2006: 62; *В.Г.Крысько* 2004: 584 и др.).

Потребность – такое состояние организма, при котором он нуждается в определённых условиях, недостающих ему для нормального существования и развития (*Е.И.Рогов* 1999: 64; *Психология* 1999: 188 и др.).

Мотив – это причина деятельности побуждающего характера (*Словарь* 1998: 309; *Общая психология* 1986: 210-211; *Психология* 2001: 191).

Заметим попутно, что *цель* и *мотив* деятельности не совпадают. «Так, например, у человека может появиться цель – сменить место работы, а мотивы могут быть различными: улучшить своё положение; избежать грядущих

неприятностей; приблизить место работы к месту жительства; работать рядом с друзьями и т.д. Часть мотивов может не осознаваться человеком. В приведённом примере человек может руководствоваться и считать главным мотив "работать рядом с друзьями", не осознавая действительного мотива "избежать грядущих неприятностей"» (*Психология* 1999: 191).

Проблема построения пирамиды установок

Многие психологи справедливо полагают, что один и тот же социальный объект (событие, процесс, явление и т.д.) имеет различный личностный смысл для отдельных индивидов, а в результате у каждого индивида существует своя иерархия социальных установок, далеко не всегда совпадающая с социально значимой иерархией (*А.Л.Журавлёв и др*. 2006: 65).

Возникает проблема построения пирамиды установок на объективных основаниях.

Может ли выступить в качестве образца построения такой пирамиды иерархия потребностей Абрахама Маслоу (см. о ней: *Е.И.Рогов* 1999: 66; *Психология* 2001: 189 и др.)? Считая потребностью наивысшего порядка потребность самоактуализации (в понимании и осмыслении собственного пути, в реализации своих возможностей и способностей), А.Маслоу полагает, что вышележащие потребности начинают управлять поведением человека только после того, как будут реализованы потребности более низкого характера. Но при таком подходе совершенно невозможно оценить по достоинству духовный подвиг Сократа, Иисуса Христа, многочисленные подвиги советских солдат во время Великой Отечественной войны…

Эти и другие недостатки пирамиды потребностей А.Маслоу уже были обозначены отечественными психологами более двух десятилетий назад. Ср.: «В отличие от психоаналитиков, которые, пытаясь открыть источник активности, обращаются к прошлому, к "вытесненным в бессознательное" впечатлениям и переживаниям ребенка, "гуманистическая психология", чьё развитие связано с трудами *К.Роджерса, А.Маслоу, Г.Олпорта* и др., главным фактором активности личности считает устремлённость к будущему, к максимальной *самореализации (самоактуализации)*.

Маслоу, Роджерс и другие представители "гуманистической психологии" превращают самоактуализацию в процесс эгоцентрический по самому своему существу. Самоактуализация, по А.Маслоу, – это стремление осуществить себя и только себя, что свидетельствует о глубочайшем индивидуализме "самоактуализирующихся личностей" (число их, по А.Маслоу, невелико – около 1%), которым присуща творческая активность, стремление с наибольшей полнотой выразить "собственное Я". Между тем провозглашаемая А.Маслоу и другими эгоцентричность самоактуализации – фикция, если понимать самоактуализирующуюся личность как субъекта деятельности и общения, осуществляющего персонализацию как обеспечение своими действиями и поступками изменений эмоциональной и интеллектуальной сферы других людей, с которыми он вступает в социально обусловленные связи. Скульптор, созидающий статую, удовлетворяет своё творческое стремление

воплотить в мраморе свой замысел и осознаёт прежде всего само данное стремление. Именно этот момент схватывают и на нём застревают различные теории "самовыражения" и "самоактуализации" личности типа концепции А.Маслоу. Зачем же тогда художник стремится продемонстрировать своё творение максимально большому кругу людей, в особенности тем, кого он считает «ценителями», т.е. своей референтной группе? Казалось бы, выразил себя, реализовал в предмете, в конце концов получил за это деньги – и акт самоактуализации обрёл своё завершение. Очевидно, субъект-объектным актом (художник – картина) творческая деятельность не кончается, и стремление остаётся нереализованным, пока не удастся достроить следующее звено субъект-объект-субъектной связи (художник – картина – зритель), которое позволит осуществить необходимую персонализацию художника в значимых для него "других"» (*Общая психология* 1986: 208-209).

Далее отечественные психологи писали как будто про сегодняшний день: «И для психоаналитических, и для экзистенциалистских концепций личности характерно противопоставление одинокого индивида враждебному ему обществу. В самом деле, если это так (а для капиталистического общества это отвечает его сущности), то выходы из этого вечного конфликта для личности весьма бесперспективны: либо конформизм во всех его модификациях, либо неприятие мира (бегство от него или же нонконформизм), либо углубление в себя с целью выбрать якобы не зависимый ни от чего внешнего жизненный план самореализации.

Таким образом, все усилия оказываются направленными на *самоизменение* личности, но не на изменение *мира*, в котором живет и действует личность. <…> Мир изменяют сами люди, но чтобы делать это сознательно, нужно *изначально быть ориентированным на участие в его изменении, его строительстве, в ходе чего изменяется и сама личность*» (*Общая психология* 1986: 209).

Используемая в работе пирамида установок

Полагаем, что при построении пирамиды социально-психологических установок следует учитывать и известную пирамиду потребностей А.Маслоу, и эпигенетическую теорию развития Э.Эриксона (см. о ней: *Л.Д.Столяренко* 2000: 119-125), и данные возрастной психологии, и пирамиду уровней развития В.Вульфа (см. о последней: *А.В.Пузырёв* 1995: 320; *С.Р.Привальская и Д.Б.Персиц* 1996: 29; *В.И.Аронов* 1996: 53; *К.Ректор* 1997: 24). В то же самое время следует расположить социально-психологические установки в несколько ином порядке, нежели у А.Маслоу, Э.Эриксона и В.Вульфа, по возрастанию их места в иерархии установок и потребностей, по принципу восхождения от простого к сложному, от физического до планетарного, космического уровня:

1) ***физические***, куда входят установки, обеспечивающие потребности в еде, питье, сексе и достижение других чувственных удовольствий;

2) ***личностные***, направленные на творческую самореализацию личности в искусстве, науке, спорте и других общественно полезных сферах (здесь мо-

гут быть выявлены установки как созидательного, так и деградационного плана);

3) ***межличностные***, обеспечивающие развитие или разрушение межличностных отношений с близкими, родными, друзьями и товарищами (сюда же относятся установки на отношения с лицами противоположного пола);

4) ***этнические***, связанные с принадлежностью к определённому этносу, расе (здесь могут быть выделены тоже две противоположные позиции – альтруистическая и эгоистическая; см.: *Л.Н.Гумилёв* 1997: 162-163);

5) ***социальные***, направленные либо на общекомандные, корпоративные отношения, либо на конформизм и подавление инакомыслящих в социальных сообществах;

6) ***принципиальные***, предопределяющие следование личности принятым ею принципам поведения или беспринципность, притворство и прагматизм поведения в социуме;

7) ***планетарные***, космические, связанные с бережным или расточительным отношением к матери Природе, к Матери Земле.

Закономерно возникает вопрос о характере установок, связанных с образованием и существованием семьи. Поскольку семья – первичная ячейка общества, в которой все общественные отношения и воспроизводятся, постольку установки этого плана, установки на создание семьи, мы относим к социальным.

Этнические, расовые установки вслед за Л.Н.Гумилёвым трактуются как более фундаментальные, более «природные», нежели социальные (см.: *Л.Н.Гумилёв* 1997: 68-69), потому и располагаются раньше (и ниже) социальных. Приведём иллюстрацию художественного характера:

Выйдя вместе с Питером из машины, Сазерленд встал около дверцы лицом к нему.

– Вы совершаете ошибку и знаете это, – сказал Питер.

– А вы впадаете в крайности, что, как известно, ни к чему хорошему привести не может. Между нами нет правых и виноватых. Мы оба – жертвы затянувшегося кризиса. Никто из нас в этом не виноват, мы оба оказались втянутыми в нашу борьбу.

– Это точка зрения юриста?

– Нет, господин Ченселор, это точка зрения негра. Прежде чем стать судьёй, я уже был негром (*Р.Ладлэм* 1993: 427).

К социальным установкам с полным на то основанием относятся государственные установки, обеспечивающие целостность (или связанные со стремлением разрушить таковую) у государства, в котором данная личность существует. Патриотизм связан с государственными установками, космополитизм – с антигосударственными.

Используя в своей практике такого рода рабочую классификацию установок, человек приобретает возможность получения объективной экспертной оценки – оценки созидательного или разрушительного характера того или иного текста (в нашем материале – текста массовой песни). Очевидно, что

если в песне доминируют установки верхних уровней, то её следует признать созидательной, а если установки высшего порядка подчиняются установкам нижнего – то песня носит разрушительный характер. Заметим попутно, что было выявлено не менее 30-ти параметров отличий людей Жизни от людей Смерти (биофилов от некрофилов), но в рамках рассматриваемой проблемы достаточно и семи (более подробно о биофилах и некрофилах см.: *А.В.Пузырёв* 2006).

Понятие о трёх типах содержательной основы текста. Человек как текст

Логика рассуждений заставляет придти к предварительному выводу о том, что всего могут быть выделены три возможных типа содержательной основы художественного текста: тексты созидательные, тексты разрушительные, тексты амбивалентные.

К амбивалентным мы относим тексты, социально-психологические установки которых сводятся к личностным или межличностным, при этом они хотя не опускаются на уровень физических, но и не поднимаются на уровень социальных и более высоких установок.

Люди подобны текстам. Те личности, которые демонстрируют сосредоточенность на себе, на своих интересах, принято считать эгоистами. Но «на самом деле противопоставление уважения и любви к себе и другим (так же, как и ненависти к себе и другим) не является альтернативой. <…> В основе эгоистичности человека лежит отсутствие уважения к самому себе» (*А.Л.Журавлёв и др*. 2006: 79). В парадигме Ю.И.Мухина, подразделяющих людей на Людей, Обывателей и Животных, предельный эгоист должен быть отнесён к категории Животное (см.: *Ю.И.Мухин* 2005).

Те личности, которые демонстрируют социально-психологические установки высшего порядка, и являются Людьми в собственном смысле этого слова. Уместно процитировать словарь-справочник по социальной психологии: «Знание социальных установок людей позволяет с известной степенью достоверности прогнозировать их поведение в некоторых ситуациях» (*В.Г.Крысько* 2004: 587). Правильная ориентация в определении социально-психологических установках личности позволит столь же правильно прогнозировать её поведение.

Проиллюстрируем сказанное на конкретном примере – на одном из номеров такой газеты, как «Комсомольская правда» (автор пособия не относит себя к её активным читателям и потому берёт номер, случайно попавший ему под руки – от 2 марта 2010 года, № 28, или 24449 по общему счёту).

На что в первую очередь обратит внимание предполагаемый человек биофилической направленности? Он обратит внимание на страницы 8-9, где обсуждается вопрос – «Почему Россия хочет уничтожить 10000 своих танков». Для него покажется несомненным, что это «подрыв обороны государства» (С. 8), что ликвидация половины боевых машин в условиях, когда соседние страны наращивают свою военную мощь, выглядит как прямое предательство Генштабом государственных интересов России. Этот предполагае-

мый человек согласится с одним из суждений Виктора Баранца: "У многих еще на памяти локальная пятидневная «войнушка» с грузинами, какая случилась в августе 2008 года. Не будь тогда у нашей пехоты танковой поддержки, еще неизвестно, как все повернулось бы. Хотя поддержка эта могла быть куда мощнее, если бы не оказалось, что немало танков небоеготовы. Не только военным профессионалам, но даже далеким от армейских дел людям понятно, что от могучих танковых «кулаков» на поле боя во многом зависит исход сражения" (С. 8). Этого предполагаемого человека обеспокоят слова полковника М.Тимошенко, что в результате мер Генштаба России у стран НАТО окажется пятикратное, а у Китая – десятикратное преимущество (на с. 8).

Предполагаемый же человек некрофилической направленности эти 8-9 страницы, скорее всего, пропустит, а если набредёт, то успокоится заверениями Михаила Барабанова, сотрудника Центра анализа стратегий и технологий в заметке «Не все так страшно»: «Совершенно ясно, что Россия не сможет иметь очень много современных танков по экономическим условиям. Значит, лучше иметь 2 - 3 тысячи, но самых современных, либо радикально модернизированных» (Стр. 9).

Этот предполагаемый человек (некрофил), скорее всего, обратит внимание на 1-ю страницу газеты, на самый крупный её заголовок: «Владислав Галкин умер так же, как Высоцкий, Еременко, Даль», а затем на два заголовка поменьше размером: «С 1 марта сделки с недвижимостью можно зарегистрировать по почте» и «Вчера началось оформление биометрических загранпаспортов». Он обратит сразу внимание на эти заголовки, поскольку они касаются его лично. Сужение интересов до сугубо личных и физических – самое яркое проявление некрофиличности психики.

Параллель «Текст как человек и человек как текст» вполне оправдана хотя бы потому, что известны научные конференции, проводившиеся под таким названием, и автор пособия принимал в одной из них участие (см.: *А.В.Пузырёв* 2000).

Примеры использования предлагаемой методики

Приведём примеры использования предлагаемой методики (в качестве иллюстрации выступят песни, всем известные).

Я люблю тебя, жизнь.

В данной песне присутствуют почти все названные установки.

Физические установки:

Ах, как годы летят!
Мы грустим, седину замечая.

На физический характер установок здесь указывает указание на грусть в связи с определёнными физическими изменениями (*Мы грустим, седину замечая*), фиксация быстротечности человеческой жизни (*Ах, как годы летят!*).

Личностного уровня:

Я люблю тебя, жизнь,

Что само по себе и не ново…

О личностном характере установок лирического героя свидетельствует местоимение *Я*, указание на свою основную направленность (*Я люблю тебя, жизнь, Что само по себе и не ново…*).

Установки межличностного и семейного (социального) уровней:

Как поют соловьи,
Полумрак, поцелуй на рассвете
И вершина любви –
Это чудо великое – дети!

Репрезентация в данном контексте установок семейного плана обозначается существительным «дети». Герой песни развивает эту тему:

Вновь мы с ними пройдём
Детство, юность, вокзалы, причалы –
Будут внуки потом,
Всё опять повторится сначала.

Герой песни счастлив, так как у него есть великая ценность – Любовь:

Есть любовь у меня.
Жизнь, ты знаешь, что это такое…

Он ценит это чувство, размышляет о том, что в нём самое важное, и приходит к выводу, что «Вершина любви – это чудо великое: дети!» (пересекаются установки физического, межличностного и социального планов). Он задумывается о будущем своей семьи, о внуках и о том, как они с женой будут «грустить, седину замечая», задумывается о своих потомках и уверен, что «всё опять повторится сначала».

Установки государственного уровня переплетаются с планетарными:

Жизнь, ты помнишь солдат,
Что погибли, тебя защищая?

О государственных установках свидетельствует существительное *солдат*: ценою жизни солдат было защищена страна и жизнь на планете вообще.

Герой ценит всё, что его окружает, всю планету:

Мне немало дано:
Ширь Земли и равнина морская.

Он напрямую формулирует свои личностные и принципиальные установки:

Я люблю тебя, жизнь,
И хочу, чтобы лучше ты стала!

И в качестве вывода также выступают формулировки установок принципиального и личностного уровней:

Так, ликуй и вершись
В трубных звуках весеннего гимна...
Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно!

Переплетение в песне «Я люблю тебя, жизнь» различных установок при доминировании установок верхнего порядка говорит о том, что эта песня носит яркий жизнеутверждающий характер.

Для сравнения приведём другую массовую песню – из кинофильма «Бриллиантовая рука».

Помоги мне.

В этой песне задаются межличностные установки. В песне говорится о женской любви, которая впервые вспыхнула так сильно, так «пламенно». О том, что влюблённую интересуют долгие и крепкие отношения, в песне не говорится:

Слова любви вы говорили мне
В городе каменном,
А фонари с глазами жёлтыми
Нас вели сквозь туман.
Любить я раньше не умела так
Огненно, пламенно –
В моей душе неосторожно вы
Разбудили вулкан.
Припев:
Помоги мне, помоги мне,
В желтоглазую ночь позови.
Видишь, гибнет, сердце гибнет
В огнедышащей лаве любви.

Налицо установки физического плана:

Помоги мне, помоги мне,
В желтоглазую ночь позови…

Героиня умоляет позвать её именно в ночь: дневные отношения её, скорее всего, не интересуют.

В песне выражены и установки межличностного характера:

Помоги мне, помоги мне…

Выражены в песне установки и личностного уровня:

Любить я раньше не умела так
Огненно, пламенно…

Героиня песни, как следует из текста, любила и любила не раз (это действие, по тексту, ей уже знакомо и для неё регулярно). На регулярность такого рода ночных встреч указывает глагольная форма несовершенного вида *не умела*. В данном случае героиня песни попала в зависимость от объекта влечения, и она умоляет удовлетворить её страсть (по известной классификации, это любовь-страсть, любовь-мания).

Сочетание социально-психологических установок различных уровней при доминировании установок нижнего порядка свидетельствует о разрушительном характере содержащейся в этой песне информации.

Возьмём для анализа песню Дениса Майданова «Вечная любовь», занявшую 1-е место на хит-параде от 9 марта 2009 года на «Русском радио». В силу того, что старшему поколению она может быть неизвестна, приведём текст песни полностью:

Вечная любовь

Если однажды горячее солнце
Станет холодным, как утренний лёд,
Если зима жарким летом вернется
И на песок белый снег упадёт,
Если беда, что ничем не измерить,
Рухнет на землю, косою звеня,
Я буду знать всё равно, что ты веришь,
Я буду знать, что ты любишь меня.
Я буду знать всё равно, что ты веришь,
Я буду знать, что ты любишь меня.

Если друзья мои станут врагами
И в суете продадут за пятак,
Я буду грызть эту землю зубами,
Я буду верить, что это не так.
Если я буду оборван, как дервиш,
И стану жить, всё на свете кляня,
Я буду знать всё равно, что ты веришь,
Я буду знать, что ты любишь меня.
Я буду знать всё равно, что ты веришь,
Я буду знать, что ты любишь меня.

Если погаснут далекие звезды,
Высохнет весь мировой океан,
Если спасать этот мир будет поздно –
Он через час превратится в туман,
Если уже в раскалённой пустыне,
В той, что когда-то мы звали Земля,
Знаю, что сердце твоё не остынет,
Я буду знать, что ты любишь меня,
Знаю, что сердце твоё не остынет,
Я буду знать, что ты любишь меня.

И глядя ангелом с неба на землю,
Выберу нам с тобой место в тепле,
Голосу сердца и разума внемля,
Я упаду, но поближе к тебе.

И через день, возвратившись сиренью,
Я обниму тебя, кроной шумя,
Ты будешь знать, что я твой добрый гений,
Я буду знать, что ты любишь меня.
Ты будешь знать, что я твой добрый гений,
Я буду знать, что ты любишь меня.

Данная песня полностью посвящена отношениям межличностного характера. Более того, межличностные отношения с лицом противоположного пола здесь постулируются как более важные, более значимые, нежели все остальные – вплоть до планетарного уровня (по известной классификации, это любовь-эрос).

Герой песни допускает, что друзья могут стать врагами и «в суете продадут за пятак». Как же надо разбираться в людях, если твои «друзья» могут тебя «в суете продать за пятак»? – Герой песни, делаем заключение предварительного характера, в людях настолько не разбирается, что вряд ли способен иметь настоящих и верных друзей.

Он допускает, что любимая останется рядом, даже если он будет «оборван, как дервиш». Зададимся вопросом: может ли человек, оборванный «как дервиш», вызвать вечную женскую любовь? – Думается, это возможно, но только в случае, если у любимой активно развиты мазохистские наклонности. Если же она – человек достойный, то уверенность героя вряд ли основана на чём-то серьёзном. Отсюда следует, что в женщинах герой песни разбирается слабовато или не разбирается вообще.

Герой допускает, что любимая будет любить его, даже если он станет «жить, всё на свете кляня». Но если он будет жить именно так, то в это «всё» со временем обязательно попадёт и та, которой песня обращена. И он, тем не менее, уверен в её вечной любви? Насколько же он, повторимся, разбирается в женской психологии?

Герой не допускает в песню более высоких мотивов – семьи, будущих детей, родного народа, родной страны. Всё начинается с любимой и ею же заканчивается. Предполагается существование отношений, основанных только на чистой и вечной любви, – отношений, никак не подтверждённых в социальном плане и не предполагающих с его стороны никакой социальной ответственности (такого рода отношения, скорее всего, герою представляются слишком пошлыми и обыденными).

С одной стороны, песня не опускается на уровень физических отношений (они лишь обозначаются), и это, с одной стороны, позволяет считать данный текст текстом амбивалентного содержания. С другой стороны, гипертрофированность установок лишь на межличностные отношения и подчёркнутое отсутствие выраженности социально-психологических установок более высоких уровней заставляет признать данную песню текстом, несущим разрушающую информацию. А звучит эта песня чрезвычайно искренно. Слышавшие её подтвердят.

В качестве текста амбивалентного содержания приведём песню румынской музыкальной группы Morandi “Angels”, исполняющей электронную танцевальную музыку (здесь и далее источником текстов песен и их переводов послужил Интернет):

People stop fighting!	Люди, прекратите ссориться!
Angels are crying	Ангелы плачут, глядя на вас,
We can be better	Ведь мы можем быть лучше,
Love is the answer	Любовь – ответ!
Search inside	Загляни в себя,
Are there any more tears to cry	Есть ли ещё слёзы, чтобы плакать?
(Don’t you wonder why?)	(Не удивлена ли ты, почему?)
Why you feel so alone all against the world	Почему ты чувствуешь себя так одиноко?
	Одна против целого мира?
Search back time	Загляни в прошлое,
When you used to sing alone (To the music of your soul)	Когда ты пела в одиночестве (Музыку своей души)
Song of faith you can change	Песню веры в то, что всё ещё можно
It's not too late	изменить,
	Что ещё не поздно.
People stop fighting!	Люди, прекратите ссориться!
Angels are crying	Ангелы плачут, глядя на вас,
We can be better	Ведь мы можем быть лучше,
Love is the answer	Любовь – ответ!
Search inside	Загляни в себя,
Are there any more tears to cry	Есть ли ещё слёзы, чтобы плакать?
(Don’t you wonder why?)	(Не удивлена ли ты, почему?)
Why you feel so alone all against the world	Почему ты чувствуешь себя так одиноко?
	Одна против целого мира?
Search back time	Загляни в прошлое,
When you used to sing alone (To the music of your soul)	Когда ты пела в одиночестве (Музыку своей души)
Song of faith you can change	Песню веры в то, что всё ещё можно
It's not too late	изменить,
	Что ещё не поздно.
People stop fighting!	Люди, прекратите ссориться!
Angels are crying	Ангелы плачут, глядя на вас,
We can be better	Ведь мы можем быть лучше,

Love is the answer!	Любовь – ответ!

На первый взгляд, здесь присутствуют принципиальные установки позитивного плана: герои призывают нас прекратить ссориться – «ангелы плачут» от этого. Призыв, безусловно, положительный. В то же самое время диалектика созидательного/разрушительного начал в конфликте в песне даже не обозначается (а ссоры – разновидность конфликтов). Конфликт, как известно из вузовского курса «Конфликтология», может играть и созидательную роль. Даже войны делятся на справедливые (освободительные) и несправедливые (захватнические). А следование принципу ЛЮБВИ, оторванному от принципов *ЖИЗНИ – КРАСОТЫ – ИСТИНЫ – ЗДОРОВЬЯ*, легко может превратить человека в наркомана, предающегося беспорядочным сексуальным утехам.

С другой стороны, установки нижнего плана (физического уровня) в песне не представлены. Непоследовательное проведение принципиальных установок при отсутствии установок нижнего порядка заставляет нас признать данную песню амбивалентной. В одном случае, в одной ситуации она может быть созидательной, а в другом – разрушительной. Всё зависит от контекста её использования.

§ 2. Образцы анализа содержательной основы массовых песен

В данном параграфе приводится анализ текстов массовой песни, произведённый нашими студентами.

1) Исп. **Britney Spears – *Break the ice*** («Растопить этот лёд»)

It's been a while	Уже прошло некоторое время…
I know I shouldn't have kept you waiting	Знаю, мне не следовало заставлять тебя ждать.
But I'm here now	Но вот я здесь.
I know it's been a while	Я знаю, уже прошло некоторое время,
But I'm glad you came	Но я рада, что ты пришёл.
And I've been thinking 'bout	Я вспоминала о том,
How you say my name	Как ты произносишь моё имя.
Got my body spinning	Ты меня заводишь,
Like a hurricane	С тобой я женщина-вулкан.
And it feels like	Такое ощущение,

You got me going insane	Что я постепенно схожу с ума:
And I can't get enough	Я не могу насытиться этим чувством.
So let me get it up	Так позволь мне очутиться на пике эмоций!
Ooh, looks like we're alone now	Кажется, теперь мы одни.
You ain't gotta be scared	Тебе нечего бояться,
We're grown now	Мы уже большие.
I'm a have to floss on you	Я хочу пофлиртовать с тобой.
Let's get it blazin'	Давай разожжём это пламя,
We can turn the heat up if you wanna	А если хочешь, мы можем добавить жару.
Turn the lights down low if you wanna	Выключи свет, если хочешь.
Just wanna move you	Я просто хочу расшевелить тебя,
But you're frozen	Но ты по-прежнему холоден.
That's what I'm saying	Вот что я хочу сказать тебе.
<u>Chorus:</u>	<u>Припев:</u>
Let me break the ice	Можно я растоплю этот лёд?
Allow me to get you right	Позволь мне сделать всё, как надо,
Once you warm up to me	А когда ты оттаешь ко мне,
Baby I can make you feel	Малыш, я заставлю тебя испытать неизведанное.
Let me break the ice	Можно я растоплю этот лёд?
Allow me to get you right	Позволь мне сделать всё, как надо,
Once you warm up to me	А когда ты оттаешь ко мне,
Baby I can make you feel	Малыш, я заставлю тебя испытать неизведанное.
So you warming up yet?	Так ты ещё не оттаял?
You got me hypnotized	Ты меня загипнотизировал.
I never felt this way	Я никогда ничего подобного не чувствовала.
Got my heart beating	Слышишь, как бьётся моё сердце?
Like an 808	Ты даже можешь слышать его удары.
Can you rise to the occasion of love?	Ты можешь оказаться на вершине любовного наслаждения?
I'm patiently waiting	Я терпеливо жду,
Cause it's getting late	Но уже становится поздно,
And I can't get enough	И я не могу насытиться этим чувством.
So let me get it up	Так позволь мне очутиться на пике эмоций!
Ooh, looks like we're alone now	Кажется, теперь мы одни.

You ain't gotta be scared	Тебе нечего бояться,
We're grown now	Мы уже большие.
I'm a have to floss on you	Я хочу пофлиртовать с тобой.
Let's get it blazin'	Давай разожжём это пламя,
We can turn the heat up if you wanna	А если хочешь, мы можем добавить жару.
Turn the lights down low if you wanna	Выключи свет, если хочешь.
Just wanna move you	Я просто хочу расшевелить тебя,
But you're frozen	Но ты по-прежнему холоден.
That's what I'm saying	Вот что я хочу сказать тебе.
Chorus.	Припев.
I like this part	Мне нравится эта часть –
Feels kinda good	Звучит заманчиво,
Yeah	Да…
Chorus.	Припев.

В данной песне задаются межличностные установки. Героиня поёт о своих взаимоотношениях с молодым человеком. Однако его она не любит (о любовных чувствах с её стороны в песне ничего не говорится), её просто сильно влечёт к нему. Ни о каких долгих и крепких отношениях она и не думает.

Налицо установки физического плана, ими пронизана вся песня: девушка поёт о том, как её заводит одно присутствие этого человека рядом и о том, как бы она хотела «растопить лёд» этого парня к себе, используя, конечно же, не любовь, а физическую близость:

Let me break the ice	Можно я растоплю этот лёд?
Allow me to get you right	Позволь мне сделать всё, как надо,
Once you warm up to me	А когда ты оттаешь ко мне,
Baby I can make you feel	Малыш, я заставлю тебя испытать неизведанное.

Героиня поёт о том, что она хочет скорее испытать удовольствие и вскоре уже не сможет ждать:

Can you rise to the occasion of love?	Ты можешь оказаться на вершине любовного наслаждения?
I'm patiently waiting	Я терпеливо жду,
Cause it's getting late	Но уже становится поздно,
And I can't get enough	И я не могу насытиться этим чувством.
So let me get it up	Так позволь мне очутиться на пике

эмоций!

О нетерпении героини также говорят первые строчки песни, из них мы понимаем, что с её прошлой встречи с этим молодым человеком прошло совсем немного времени, но она уже не выдержала и снова пришла:

It's been a while	Уже прошло некоторое время…
I know I shouldn't have kept you waiting	Знаю, мне не следовало заставлять тебя ждать.
But I'm here now	Но вот я здесь.

В данной песне можно найти и установки личностного характера:

You got me hypnotized	Ты меня загипнотизировал.
I never felt this way	Я никогда ничего подобного не чувствовала.
Got my heart beating	Слышишь, как бьётся моё сердце?

Героиня песни попала в зависимость от объекта влечения и предлагает ему удовлетворить её страсть.

Сочетание социально-психологических установок различных уровней при доминировании установок нижнего порядка свидетельствует о разрушительном характере содержащейся в этой песне информации.

Анализ проводила И.Калашникова (гр. 43 амк+с+р)

Исп. **Э.Пресли.** ***Only you*** («Только ты»)

Only you	Только ты
Can do make all this world seem right,	Можешь заставить этот мир казаться правильным,
Only you	Только ты
Can do make the darkness bright,	Можешь сделать темноту яркой,
Only you, and you alone	Ты и только ты
Can feel me like you do	Можешь меня почувствовать
And do fill my heart with love for only you.	И наполнить моё сердце любовью только для тебя.
Only you	Только ты
Can do make all this change in me,	Можешь всё во мне изменить,
For it’s true	И если это правда,
You are my destiny.	То ты – моя судьба.
When you hold my hand,	Когда ты держишь мою руку,
I understand	Я понимаю,
The magic that you do,	Что ты совершаешь чудо,

You're my dream come true, My one and only you.	Ты – мой сон, ставший явью, Моя единственная, только ты.

Данная песня характеризует межличностные установки героя песни. В ней герой говорит о том, что **только** одна его возлюбленная может сделать мир правильным, **только** она может рассеять темноту, что **только** она может наполнить его сердце любовью, что **только** она может изменить его. Казалось бы, данная песня носит созидательный характер, ведь как красиво говорит герой этой песни о своих чувствах:

You're my dream come true, My one and only you.	Ты – мой сон, ставший явью, Моя единственная, только ты.

Однако нужно обратить внимание, что герой не берёт ответственности за себя и свою жизнь, ведь он говорит: «**только ты можешь заставить** этот мир казаться правильным, **только ты** можешь всё **во мне изменить**», «ты **совершаешь чудо**». Сам же герой никаких усилий к изменению своей жизни прикладывать не собирается, он, видимо, давно уже ждал «чуда», которое изменило бы всю его жизнь и сделало её светлее.

When you hold my hand, I understand The magic that you do.	Когда **ты** держишь мою руку, я понимаю, Что **ты совершаешь чудо**.

Более того, герой песни 8 раз повторяет фразу «only you» (только ты), 5 из которых он использует эти слова в сочетании с модальным глаголом **can** (можешь), например:

Only you **Can** do make all this world seem right, **Only you** **Can** do make the darkness bright,	**Только ты** **Можешь** заставить этот мир казаться правильным, **Только ты** **Можешь** сделать темноту яркой,
Only you **Can** do make all this change in me.	**Только ты** **Можешь** всё во мне изменить.

Таким образом, получается, что возлюбленная героя **может** изменить его жизнь и мировосприятие, а он сам **не может** (или не хочет?). Из вышесказанного можно сделать вывод, герой песни не готов взять на себя ответственность за отношения, за совместную жизнь, а поэтому данная песня носит скорее разрушительный характер.

*Анализ проводила Ю.Котова (гр. 43 амк+с+р)**

* Мы полагаем, что данную песню можно рассматривать и как амбивалентную. Песня, посвящённая межличностным отношениям, к физическому уровню не опускается, к нему не сводится. С другой стороны, уровни более высокого порядка в этой песне не затрагиваются. По данным формальным основаниям песню можно квалифицировать как амбивалентную (зависящую от контекста использования). Она может быть и объяснением в любви со стороны актуализатора, и изощрённой уловкой манипулятора. В то же самое время, однако, можно согласиться и с позицией студентки, поскольку эта позиция вполне обоснована и подтверждена контекстом. Наверно, здесь сказываются и гендерные различия: женщины лучше видят и чувствуют жизнь, чем мы, мужчины. – *А.П.*

Исп. **Abba – *Money, money, money*** («Деньги, деньги, деньги»)

I work all night, I work all day, to pay the bills I have to pay	Все дни и ночи напролет в работе я – она не ждёт
Ain't it sad	Никогда.
And still there never seems to be a single penny left for me	Кручусь как белка в колесе, чтоб оплатить счета мне все.
That's too bad	Вот беда.
In my dreams I have a plan	В моих мечтах у меня есть план,
If I got me a wealthy man	Найти нужно мне богача,
I wouldn't have to work at all, I'd fool around and have a ball...	Работу к черту отложить, болтаться и всю жизнь кутить…
Money, money, money	Деньги, деньги, деньги
Must be funny	Радость дарят,
In the rich man's world	Всем тем, кто богат.
Money, money, money	Деньги, деньги, деньги
Always sunny	К себе манят –
In the rich man's world	С ними ты богат.
Aha-ahaaa	Аха, а-а-а-а-а
All the things I could do	Сбудутся все мечты,
If I had a little money	Если есть в кармане money,
It's a rich man's world	То и нет проблем!
A man like that is hard to find but I can't get him off my mind	Такого нелегко добыть, но не могу о нем забыть
Ain't it sad	Никогда.
And if he happens to be free I bet he wouldn't fancy me	Раз он свободен и богат, то, знать, он крайне редкий гад.
That's too bad	Вот беда.
So I must leave, I'll have to go	Но я тогда схвачу шанс свой.

To Las Vegas or Monaco	Махну в Вегас иль Монако.
And win a fortune in a game, my life will never be the same...	Сорву большой куш в казино и изменю жизнь на все сто…
If I had a little money	Если есть в кармане money,
It's a rich man's world	То и нет проблем!
It's a rich man's world	То и нет проблем!

В данной песне задаются установки физического и межличностного уровней. Героиня поёт о деньгах, о том, какую радость они приносят. У неё нет семьи, и работает она «сутками напролет»:

I work all night, I work all day, to pay the bills I have to pay	Все дни и ночи напролет в работе я – она не ждёт
Ain't it sad	Никогда.
And still there never seems to be a single penny left for me	Кручусь как белка в колесе, чтоб оплатить счета мне все.
That's too bad.	Вот беда.

Вскоре девушке это надоедает. Она мечтает встретить богатого мужчину и решает всю финансовую ответственность за свою жизнь повесить на него, в то время как сама собирается только развлекаться. Вот в чём у неё счастье:

In my dreams I have a plan	В моих мечтах у меня есть план,
If I got me a wealthy man	Найти нужно мне богача,
I wouldn't have to work at all, I'd fool around and have a ball...	Работу к черту отложить, болтаться и всю жизнь кутить…

Героиня считает, что деньги приносят самое большое удовольствие. Если ты богат, то у тебя нет совершенно никаких проблем – считает она. У девушки нет мыслей ни о семье, ни о детях. Она просто готова «продать себя» за любого встречного олигарха, невзирая на то, каким человеком он окажется (будь он убийцей или мошенником, её это ни сколько не волнует). Весь смысл её жизни в деньгах:

Money, money, money	Деньги, деньги, деньги
Must be funny	Радость дарят,
In the rich man's world	Всем тем, кто богат.
Money, money, money	Деньги, деньги, деньги
Always sunny	К себе манят –
In the rich man's world	С ними ты богат.
Aha-ahaaa	Аха, а-а-а-а-а
All the things I could do	Сбудутся все мечты,

If I had a little money It's a rich man's world.	Если есть в кармане money, То и нет проблем!

У этой девушки вроде бы есть на примете один мужчина, причём он, по её мнению, редкий гад. Она не хочет выкидывать эту идею из головы, но для неё это беда. Поэтому у неё появляется решение этой проблемы – уехать на отдых в другие города, где ей повезет как в сказке, и она выиграет в казино. Будут в кармане деньги – и будет ей счастье:

A man like that is hard to find but I can't get him off my mind Ain't it sad And if he happens to be free I bet he wouldn't fancy me That's too bad So I must leave, I'll have to go To Las Vegas or Monaco And win a fortune in a game, my life will never be the same...	Такого нелегко добыть, но не могу о нем забыть Никогда. Раз он свободен и богат, то, знать, он крайне редкий гад. Вот беда. Но я тогда схвачу шанс свой. Махну в Вегас иль Монако. Сорву большой куш в казино и изменю жизнь на все сто…

В этой песне не затронуты никакие моральные и духовные ценности. Весь текст только о деньгах и о богатстве, которые «правят миром», по мнению героини. Но на богатстве, как известно, счастлив не будешь. Она чересчур зациклена на деньгах.

Сочетание различных социально-психологических установок при доминировании установок нижнего порядка говорит о разрушительном характере содержащейся в этой песне информации.

Анализ проводила В.Лисина (гр. 45 амк)

Заключение

В качестве заключения теоретического характера может выступить постановка следующих, нуждающихся в решении вопросов: Каково соотношение песен различной направленности в русской культуре различных исторических периодов? Чем отличается по характеру массовая песня от народной? Имеются ли различия в направленности песен различных лингвокультур? Каковы языковые метки той или иной направленности художественного текста? Вопросы подобного характера могут быть продолжены и свидетельствуют о перспективности продолжения работы в этом плане.

В качестве заключения практического характера безусловным окажется вывод, согласно которому песен созидательной направленности сегодня очень и очень мало. Мы подвергаемся тотальной обработке песнями некрофилов, песнями некрофилического содержания. Смертность в нашей и европейских странах вовсе не случайно превышает рождаемость. Единственным способом защиты от пагубного влияния этих песен может быть следование строгим методическим приёмам оценки. Один из вариантов такого рода методических приёмов и предложен в настоящем учебном пособии.

Песен созидательного, биофилического содержания, действительно, сегодня очень и очень мало. Закончить пособие хочется анализом одной из них.

Исп. группа **Hi-fi** – ***В облака билет***

Живи и не считай,
Не требуй повторений,
И трепет птичьих стай
Считай благословением.
Твой вздох – лёд слов
В моей руке слезой растаял.
Как жаль вдруг узнать,
Что будет всё уже не с нами…
Посмотри, кто ближе,
С кем делить рассвет,
Пусть любовь напишет:
«Смерти больше нет…»
Если плыть – то выше,
Если дать ответ,
Мы с тобой напишем:
Смерти больше нет…

В холодной пустоте
Лови добра движение,
И жилкой на листе

Забьётся вдруг прощение.
Твой вздох – лёд слов
В моей руке слезой растаял.
Как жаль вдруг узнать,
Что будет всё уже не с нами…
Посмотри, кто ближе,
С кем делить рассвет,
Пусть любовь напишет:
Смерти больше нет…
Видишь, как прозрачен
За тобою след.
Кем-то был назначен
В облака билет.

Посмотри, кто ближе,
С кем делить рассвет,
Пусть любовь напишет:
«Смерти больше нет…»
Если плыть – то выше,
Если в даль – то в свет,
Мы с тобой напишем:
Смерти больше нет…

В песне представлены межличностные установки:

Твой вздох – лёд слов
В моей руке слезой растаял.

Как видно из приведённых слов, это установки на взаимопонимание, на взаимоуважение, на тонкое ощущение того, кто рядом.

Межличностные установки представлены и в следующих строках:

Посмотри, кто ближе,
С кем делить рассвет,
Пусть любовь напишет:
«Смерти больше нет…»

Лирический герой говорит о важности именно рассвета, а не ночи. Рассвет – это начало дня, это начало больших и важных человеческих дел. Здесь же проходит тема физических отношений (*Посмотри, кто ближе, С кем делить рассвет…*), но физические установки здесь подчинены установкам более высокого плана.

В словах:

Пусть любовь напишет:
«Смерти больше нет…»

Мы с тобой напишем:
Смерти больше нет… –

обозначены установки социального плана. Ведь что такое означают эти слова? Эти слова: «*Мы с тобой напишем: Смерти больше нет…*» – означают будущих детей, а значит, и прочную будущую семью. Другого способа победить смерть, кроме преобладания деторождения над смертностью (что возможно только в рамках семьи), Жизнь не придумала.

В песне обозначены и установки личностного плана:

Живи и не считай,
Не требуй повторений,
И трепет птичьих стай
Считай благословением.

Кредо лирического героя – «живи в отсеке сегодняшнего дня», «цени жизнь», «развивай себя» (*Если плыть – то выше, Если в даль – то в свет…*). Лирический герой не выходит на уровень проявления национальных и государственных установок (думается, если бы они были обозначены, эта песня вообще не смогла прозвучать на радио). Но в целом это личностные установки биофилического характера. Это и жизненные принципы героя, ценящего жизнь и знающего, что она не вечна:

Как жаль вдруг узнать,
Что будет всё уже не с нами…

Видишь, как прозрачен
За тобою след.
Кем-то был назначен
В облака билет.

Переплетение в песне «В облака билет» различных установок при доминировании установок верхнего порядка говорит о том, что эта песня носит жизнеутверждающий характер.

Насколько часто такие песни звучат на радио?

Цитируемая литература

Автономова Н.С. Метафорика и понимание // Загадка человеческого понимания / Под общ. ред. А.А.Яковлева; Сост. В.П.Филатов. – М.: Политиздат, 1991. С. 95-113. – (Над чем работают, о чём спорят философы).

Александер Ф. Психоматическая медицина. – М.: Эксмо-пресс, 2002. – 352 с.

Аронов В.И. Принять себя, принять другого. Практические советы: Книга 1. Быть человеком. Наша версия Холодинамики. – М.: ТОО «Можайск-Терра», 1996. – 144 с.

Асеев Н.Н. Собрание сочинений: В 5-ти томах. – М.: Худож. лит., 1963-1964.

Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: Учебник для вузов по спец. «Филология». – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 534 с.

Баландин Р.К., Миронов С.С. «Клубок» вокруг Сталина. – М.: Вече, 2006. – 320 с.: ил. – (Тысячелетие русской истории).

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

Белинский В.Г. Статьи о Пушкине: Статья пятая // В.Г.Белинский. Собр. соч.: В 9-ти т. Т. 6. Статьи о Державине; Статьи о Пушкине; Незаконченные работы. М.: Худож. лит., 1981. С. 249-298.

Белый А. Мастерство Гоголя. – М.; Л.: ОГИЗ, 1934. – 324с. с ил.

Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя: Монография. – М.: Генезис, 2006. – 320 с.

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы: Пер. с англ. / Общ.ред. М.С.Мацковского; Послесл. Л.Г.Ионина и М.С.Мацковского. – М.: Прогресс, 1988. – 400 с.: ил.

Благой Д.Д. Мысль и звук в поэзии // Славянские литературы: VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 99-139.

Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. – М.: АН СССР, 1963.

Бондарев Ю.В. Поиск истины: Изд. 2-е, доп. – М.: Современник, 1979. – 303 с. с портр. – (Б-ка «О времени и о себе»).

Борев Ю.Б. Эстетика. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 399 с., ил.

Бразерс Д. Что каждая женщина должна знать о мужчинах. – М.: Автор, 1993. – 272 с.

Брик О.М. Звуковые повторы: (Анализ звуковой структуры стиха) // Сборники по теории поэтического языка. Вып. 2. Пгр., 1917. С. 24-62.

Брудный А.А. Психологическая герменевтика: Учебное пособие. – М.: Лабиринт, 1998. – 335 с.

Будагов Р.А. Филология и культура. – М.: Изд. МГУ, 1980. – 304 с.

Будагов Р.А. Писатели о языке и язык писателей. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 280 с.

Бычков В.В. Эстетика: Учебник. – М.: Гардарики, 2002. – 556 с.

Вандерхилл Э. Мистики XX века: Энциклопедия. – М.: «Локид» – «Миф», 1998. – 522 с.

Васадзе А.Г. Проблема художественного чувства. – Тбилиси: Мецниереба, 1978. – 488 с.

Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи: Учебное пособие для вузов. – 11-е изд. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 544 с. – (Серия «Высшее образование»).

Веллер М. Всё о жизни. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 1999. – 752 с. – (Имена).

Викулов С. Верим и ждём // Учит. газета. 12.03.1987. С. 4.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Худож. лит., 1959. – 654 с.

Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 238 с.

Выготский Л.С. Психология искусства. – Изд-е 2-е, испр. и доп. – М.: Искусство, 1968. – 576 с.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991. – 308 с.; вкл.

Гагаев А.А., Гагаев П.А. Художественный текст как культурно-исторический феномен: Теория и практика прочтения. Учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2002. – 184 с.

Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философская и культурно-типическая антропология. Русский космо-психо-логос. Культурно-типическая модель науки. Система философии: В 2-х т. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М.: Сов. писатель, 1988. – 448 с.

Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – 2 изд. – М.: Учпедгиз, 1955. – 464 с.

Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30-ти т. – Т. 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1956.

Гончаров Б.П. Звуковая организация стиха и проблемы рифмы. – М.: Наука, 1973. – 275 с.

Горелов И.Н. Разговор с компьютером: Психолингвистический аспект проблемы. – М.: Наука, 1987. – 256 с. (Проблемы науки и техн. прогресса).

Горький А.М. О языке // М.Горький о литературе: Литературно-критические статьи. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – С. 408-413.

Гофман В. Язык литературы: Очерки и этюды. – Л.: ГИХЛ, 1936. – 384 с.

Григорьев В.П. Поэтика слова: На материале русской советской поэзии. – М.: Наука, 1979. – 344 с.

Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Сост. и общ. ред. А.И.Куркчи. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. – 640 с.: илл. – (Сер. альманахов «Сочинения Л.Н.Гумилёва», вып. 3).

Данилина Е.Ф. Личные официальные и неофициальные имена в современном русском языке: Специфика, словообразование. Автореферат... канд. дисс. – М., 1970.

Декарт Р. Правила для руководства ума: Перев. с лат. В.И.Пикова. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. – 176 с.

Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. – М.: Просвещение, 1987. – 207 с.

Долинин К.А. Интерпретация текста: (Французский язык). Учеб. пособие для студентов по специальности № 2103 «Иностранные языки». – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: Феномены, механизм и защита. – М.: ЧеРо, 1997. – 344 с.

Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. – М.: Изд-во МГУ, 1957. – 448 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 158 с.

Жирмунский В.М. Теория стиха. – Л.: Л.О. изд-ва «Сов.писатель», 1975. – 664 с.

Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Л.О. изд-ва «Наука», 1977. – 408 с.

Журавлёв А.Л., Соснин В.А., Красников М.А. Социальная психология: Учебное пособие. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2006. – 416 с. – (Высшее образование).

Журавлёв А.П. Символическое значение языкового знака // Речевое воздействие: Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972. С. 81-104.

Журавлёв А.П. Фонетическое значение. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974а. – 160 с.

Журавлёв А.П. Содержательность фонетической формы поэтического текста // Вопросы стилистики. Вып. 8. Саратов, 1974б. С. 41-60.

Журавлёв А.П. Звук и смысл. – М.: Просвещение, 1981. – 160 с.

Журавлёв А.П. Диалог с компьютером. – М.: Мол. гвардия, 1987. – 208 с.

Золотарёва Ю.А. О четырёх ступенях сущности лингвистических преступлений (К постановке вопроса) // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 6-ой Всероссийской научной конференции (Ульяновск, 17-20 мая 2006 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, Институт международных отношений, 2006. – С. 126-129.

Золотарёва Ю.А. Преступление – лингвистическое или языковое? // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 8-ой Международной научной конференции (Ульяновск, 13-17 мая 2008 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН;

Ульяновский государственный университет, Институт международных отношений, 2008. – С. 129-136.

Инбер В.М. Вдохновение и мастерство // Вера Инбер. Избранные произведения: В 3-х т. Т. 3. Очерки. Почти три года. Статьи и заметки о литературе. М., 1958. С. 513-574.

Истархов В.А. Удар Русских Богов: Издание четвёртое. – М.: Редактор, 2001. – 408 с.

Каверин В.А. «Память – это ключ от былого»: (Вёл беседу А.Плутник) // Известия. 15.07.1984. С. 3.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3-8.

Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 720 с.

Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 375 с.

Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учебник. – М.: Высш. школа, 1982. – 262 с.

Кожинов В.В. Правда сталинских репрессий. – М.: Изд-во «Алгоритм»; Изд-во Эксмо, 2005. – 448 с.

Козлов В.В. Психология творчества: Свет, сумерки и тёмная ночь души. – М.: ГАЛА-Издательство, 2009. – 112 с.

Коровин В.М. Главная военная тайна США: Сетевые войны. – М.: Яуза; Эксмо, 2009. – 288 с. – (Войны XXI века).

Краткий словарь по эстетике: Книга для учителя / Под ред. М.Ф.Овсянникова. – М.: Просвещение, 1983. – 223 с.

Крысько В.Г. Социальная психология: словарь-справочник. – Мн.: Харвест, 2004. – 688 с. – (Библиотека практической психологии).

Кузин В.С. Психология: Учебник / Под ред. Б.Ф.Ломова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. школа, 1982. – 256 с., ил.

Кулаков С.А. Основы психосоматики. – СПб.: Речь, 2003. – 288 с., илл.

Купина Н.А. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Просвещение, 1980. – 79 с. – (МГЗПИ)

Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. – Красноярск: Изд-во КрГУ, 1983. – 160 с.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста: Учеб.пособие для студентов пед.ин-тов по специальности № 2103 «Иностранные языки». – Л.: Просвещение, 1978. – 327 с.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста: Учеб.пособие для студентов пед.ин-тов по специальности № 2103 «Иностранные языки». – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

Ладлэм Р. Рукопись Ченселора: Роман / Пер. с англ. А.В.Денисова и Е.М.Соминского. – М.: СП «Вся Москва», 1993. – 431 с.

Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателей. – Л.: Худож. лит., 1974. – 285 с.

Ленобль Г.М. Писатель и его работа: Вопросы психологии творчества и художественного мастерства. – М.: Сов. писатель, 1966. – 396 с.

Леонтьев А.А. Поэтический язык как способ общения искусством // Вопросы литературы. – 1973. – № 6. – С. 93-115.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с., ил.

Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. – Л.: Просвещение, 1972. – 271 с.

Майоров Н.П. Мы были высоки, русоволосы... / Сост. В.Болховитинов, В.Жуков; Рис. Н.Шеберстова; Автор предисл. А.Турков. – Ярославль: Верхнее-Волжское издательство, 1969. – 144 с. – (Библиотечка писателей верхней Волги).

Мануйлов В.А. Записки счастливого человека: (Беседу вела Г.Силина). // Литературная газета. – 11 сентября 1985 г. – С. 7.

Маравина М.В. Параметры актуализации и манипуляции в коммуникации // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы YII-ой Международной научной конференции (Ульяновск, 16-19 мая 2007 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2007. – С. 101-106.

Менегетти А. Психосоматика / Пер. с итальянского Славянской ассоциации Онтопсихологии. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2002. – 328 с.

Меняйлов А.А. Дурилка: (Утончённые способы скрытого управления). – М.: Крафт+, 2003. – 280 с.

Меняйлов А.А. Сталин: тайна Валькирии / Меняйлов А.А. – М.: Крафт+, 2005. – 416 с.

Михайловская Н.Г. Индивидуализация публичной речи как способ повышения ее эффективности. // Материалы 4 Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972.

Мухин Ю.И. Убийцы Сталина. – М.: Яуза, 2005. – 672 с. – (Русская правда).

Мухин Ю.И. Опасная тайна. – М.: Алгоритм, 2008. – 304 с.

Немов Р.С.Психология: Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1990. – 301 с.: ил.

Николаева В.В. Эстетика языка и речи. – Л.: Знание, 1979. – 40 с. – (О-во "Знание" РСФСР; Ленингр. организация).

Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – М.: Рус. яз., 1988. – 302 с. – (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного).

Новиков Л.А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 842 с.: ил.

Общая психология: Учеб. для студентов пед. ин-тов / А.В.Петровский, А.В.Брушлинский, В.П.Зинченко и др.; Под ред. А.В.Петровского. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1986. – 464 с., ил.

Овсянико-Куликовский Д.Н. Собрание сочинений: В 6-ти т. – Изд. 3. – Т. VI. Психология мысли и чувства. Художественное творчество. Лирика – как особый вид творческва. Критика русских идеологий. – С.-Пб., 1914. – 252 с.

Овсянико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1989.

Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – 264 с.

Одоевский В.Ф. О литературе и искусстве / Вступит. статья, составл. и коммент. В.И.Сахарова. – М.: Современник, 1982. – 223 с. – (Б-ка «Любителям российской словесности»).

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. докт. филол. наук Н.Ю.Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1984. – 797 с.

Павлов И.П. О русском уме // Лит. газета. – 31.07.1991. – № 30 (5356). – С. 7.

Панов М.В. Современный русский язык: Фонетика. Учебник для университетов. – М.: Высш школа, 1979. – 256 с.

Парандовский Я. Алхимия слова. Олимпийский диск: Сборник / Пер. с польского. – М.: Прогресс, 1982. – 528 с.

Паустовский К.Г. Избранные произведения: В 2-х т. – Т.2: Золотая роза: Повесть; Рассказы. – М.: Худож. лит., 1977. – 429 с.

Платонов О.А. Тайное мировое правительство: Война против России. – М.: Алгоритм, 2006. – 352 с.

Поливанов Е.Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. – 1963. – № 1. – С. 99-112.

Почепцов Г.Г. Профессия: имиджмейкер. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Алетейя, 2000. – 256 с.

Привальская С.Р., Персиц Д.Б. Как жить в радости, или новейшая модель Вселенной. – М.: Можайский полиграфический комбинат, 1996. – 208 с.

Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. – Саратов: Изд-во Саратовского медицинского университета, 2007. – 280 с.

Психологические методы обретения здоровья: Хрестоматия / Сост. К.В.Сельченок. – Мн.: Харвест, АСТ, 2001. – 720 с. – (Библиотека практической психологии).

Психология здоровья: Учебник для вузов / Под ред. Г.С.Никифорова. – СПб.: Питер, 2003. – 607 с.: ил. – (Серия «Учебник для вузов»).

Психология: Учебник / Под ред. А.А.Крылова. – М.: ПБОЮЛ М.А.Захаров, 2001. – 584 с.

Психосоматика: Взаимосвязь психики и здоровья. Хрестоматия / Сост. К.В.Сельченок. – Мн.: Харвест, 1999. – 640 с. – (Библиотека практической психологии).

Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Р.Корсини, А.Ауэрбаха. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 1096 с.: ил.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Пузырёв А.В. Женщина как многослойный текст // Женщина как текст@ Текст как женщина: Материалы рабочего совещания в секторе психолингвистики и теории коммуникации (Москва, 5 января 2000 г.). М.: Диалог-МГУ, 2000. С. 32-37.

Пузырёв А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. – Пенза: ПГПУ имени В.Г.Белинского, 2002. – 163 с.

Пузырёв А.В. Об одной из важнейших проблем психологии, не вошедших в вузовские учебники // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 6-ой Всероссийской научной конференции (Ульяновск, 17-20 мая 2006 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, Институт международных отношений, 2006. – С. 85-100.

Пузырёв А.В. Язык, культура и коммуникация: методологические аспекты // Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Лингвокраеведение: Материалы межрегиональной научно-практической конференции молодых учёных, аспирантов и студентов (Ульяновск, 15-16 марта 2007 года) / Отв. ред. Н.Ф.Муртазина. Ульяновск: УлГУ, 2007. С. 5-10.

Пустовойт П.Г. От слова к образу. – Изд. второе, перераб. – К.: Радянська школа, 1974. – 190 с.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Ректор К.Дж. Холодинамика: Руководство по отслеживанию. – М., 1997. – 207 с.

Рогов Е.И. Психология человека. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 320 с.: ил. – (Азбука психологии).

Русские писатели о языке (XYIII-XX вв.). – Л.: Сов. писатель, 1954. – 836 с.

Савкова З.В. Энергия живого слова. – СПб.: Знание, 1991. – 32 с. – (О-во «Знание» РСФСР, Ленингр. организация).

Саган К. Драконы Эдема: Рассуждения об эволюции человеческого мозга / Пер. с англ. – М.: Знание, 1986. – 256 с., с ил.

Севастьянов А.Н. «Россия – для русских!» Третья сила: русский национализм на авансцене истории. – М.: Книжный мир, 2006. – 600 с.

Священная книга Тота: Великие арканы Таро. Абсолютные начала синтетической философии Эзотеризма / Опыт комментария Владимира Шмакова. – М., 1916. – 510 с.

Сильман Т.И. Заметки о лирике. – Л.: Сов. писатель, 1977. – 223 с.

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: Учебное пособие для студентов и аспирантов филол. спец-тей. – Горький: ГГПИИЯ, 1975. – 175 с.

Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику / Под ред. докт. филол. н. О.Б.Сиротининой. – Саратов: Изд-во СГУ, 1985. – 210 с.

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1984. – 608 с.

Словарь практического психолога / Сост. С.Ю.Головин. – Мн.: Харвест, 1998. – 800 с.

Слово и образ: Сборник статей / Сост. В.В.Кожевникова. – М.: Просвещение, 1964. – 288 с.

Современный русский язык: Учебник / Белошапкова В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В.; Под ред. В.А.Белошаповой. – М.: Высш.школа, 1981. – 560 с.

Современный русский язык: Сборник упражнений / М.С.Бунина, И.А.Василенко, И.А.Кудрявцева, М.В.Панов. – Изд. 3, доп. – М.: Просвещение, 1982. – 256 с.

Современный философский словарь / Под общ. ред. д.ф.н. В.Е.Кемерова. 1998. – Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: Панпринт, 1998. – 1064 с.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М.: Наука, 1985. – 168 с.

Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. – М.: Наука, 1988. – 382 с.

Стехин Ю.К. Специфика стихотворной речи: Пособие по спецкурсу. – Днепропетровск, 1974. – 52 с.

Стилистика русского языка: Учеб. пособие для студентов нац. отд. пед. ин-тов союзных республик / В.Д.Бондалетов, С.С.Вартапетова, Э.Н.Кушлина, Н.А.Ленова; Под ред. Н.М.Шанского. – Л.: Просвещение, 1982. – Л.: Просвещение, 1982. – 286 с.

Столяренко Л.Д. Педагогическая психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 544 с. – (Серия «Учебники и учебные пособия»).

Столяренко Л.Д. Основы психологии. – 4-е изд., перераб.и доп. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 672 с. – (Серия «Учебники, учебные пособия»).

Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. – Л.: ЛГУ, 1988. – 168 с.

Сухотин А.К. Ритмы и алгоритмы. – М.: Мол. гвардия, 1983. – 224 с., ил. – (Эврика).

Тарасов Л.Ф. Поэтическая речь: Типологический аспект. – Харьков: Вища школа, 1976. – 140 с.

Тимофеев Л.И. Очерки теории и истории русского стиха. – М.: Худ. лит., 1958. – 416 с.

Тимофеев Л.И. Слово в стихе: Монография. – Изд. второе, дополненное. – М.: Сов. писатель, 1987. – 424 с.

Тихомиров О.К. Мышление как психическая деятельность // Современные проблемы теории познания диалектического материализма. М., 1970. Т.II. С. 257-307.

Толстой Л.Н. Дневники 1847-1894 // Л.Н.Толстой. Собрание сочинений: В 22-х т. – Т.21. – М., 1985. – 575 с., ил.

Ульянов Н.П. Мои встречи: Воспоминания. – М.: Акад. Художеств СССР, 1952. – 247 с., ил.

Ушаков Н.Н. Мастерская: О поэзии и поэтах. – М.: Сов. писатель, 1983. – 424 с.

Фёдоров В.Д. Стихотворения и поэмы: В 2-х томах. – Том 1. Стихотворения. – М.: Худож. лит., 1970. – 496 с.

Фёдоров В.Д. Наше время такое: О поэзии и поэтах. – М.: Современник, 1973. – 512 с., 1 л. портр. – (Б-ка «О времени и о себе»).

Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф.Ильичёв, П.Н.Федосеев, С.М.Ковалёв, В.Г.Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г.Ярошевский. – М.: Просвещение, 1989. – 448 с.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э.Телятниковой. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 635, [5] с. – (Philosophy).

Черемисина Н.В. Ритм и интонация русской художественной речи. Докт. дисс. – М., 1970.

Черемисина Н.В. Эстетический анализ художественного текста и подтекст // Анализ художественного текста: Сборник статей. Вып. 2. М.: Педагогика, 1976. С. 32-43.

Черемисина Н.В. Вопросы эстетики русской художественной речи. – Киев: Вища школа, 1981. – 241 с.

Чичерин А.В. Идеи и стили: О природе поэтического слова. – 2-е изд., доп. – М.: Сов. писатель, 1968. – 374 с.

Швырёв В.С. Восхождение от абстрактного к конкретному // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 93-94.

Шенгели Г.А. Техника стиха. – М.: Худож. лит., 1960. –312 с.

Шкловский В.Б. Гамбургский счёт: Статьи – воспоминания – эссе (1914-1933). – М.: Сов. писатель, 1990. – 544 с.

Шмелев Д.Н. Слово и образ. – М.: Наука, 1964.

Шостром Э. Человек-манипулятор. – М.: Апрель-Пресс, 2004. – 192 с.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз РСФСР, 1957. – 188 с.

Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии: Сборник статей. – Л.: Л.О. изд-ва «Художественная литература», 1986. – 456 с.

Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. – 2-е изд., испр. / Гл. ред. М.Д.Аксёнова. – М.: Аванта+, 1999. – 704 с.

Содержание

Об учебном пособии А.В.Пузырёва (*А.А.Гагаев*) 3

Предисловие автора 9

Глава I. Общетеоретические аспекты рассмотрения проблем эстетики языка 10

§ 1. Философские аспекты эстетики языка 10

1.1. Определение эстетики вообще и эстетики языка в частности .. 10

1.2. Красота и красивость языка 12

1.3. О соотношении понятий *Красота – Истина – Жизнь – Женщина – Здоровье* 13

§ 2. Методологические аспекты эстетики языка 19

2.1. Понятие об универсальной схеме научного исследования 21

2.2. Пять ступеней сущности предмета (в том числе языка). Уровни мышления, языка, психофизиологии, речи и общения. Науки, их изучающие 21

Уровень мышления 22

Уровень языка 22

Уровень психофизиологии 22

Уровень речи 23

Уровень общения 23

2.3. Пять аспектов универсальной схемы научного исследования. Пять основных аспектов изучения эстетики языка (генетический, логический, динамический, функциональный, личностный аспекты) 24

Целевая подсистема «всеобщее» 25

Целевая подсистема «общее» 25

Целевая подсистема «конкретно-абстрактное» 25

Целевая подсистема «особенное» 26

Целевая подсистема «единичное» 26

2.4. Общие выводы, вытекающие из универсальной схемы научного исследования 26

Глава II. Конкретно-научные аспекты рассмотрения проблем эстетики языка 29

§ 1. Понятие о пяти ступенях сущности эстетики языка 29

1.1. Понятие об эстетике мышления. Два противоположных типа эстетики мышления 29

Многозначность понятия *мышление* 29

Виды мышления и понимание 31

Понятие об эстетике мышления. Два противоположных типа эстетики мышления ... 35
Понятие о лево- и правополушарной эстетике мышления ... 39
1.2. Понятие об эстетике языка. Два противоположных типа языковой и языковедческой эстетики ... 42
Понятие об эстетике языка ... 42
Понятие о двух противоположных типах языковой и языковедческой эстетики ... 42
Правильность, точность и эстетичность функциональных стилей языка ... 43
Выразительные и эстетические качества русского литературного языка. Понятие о языковых «ярусах» ... 46
Эстетика языковых ярусов ... 48
Эстетика фонетики русского языка ... 48
Эстетика морфемики русского языка ... 49
Эстетика лексики русского языка ... 52
Эстетика синтаксиса русского языка ... 55
1.3. Понятие об эстетике психофизиологических процессов, материализующих язык ... 56
Внезапность вдохновения ... 56
Непроизвольность вдохновения ... 57
Безличный характер вдохновения ... 57
Психофизиологический коррелят вдохновения ... 59
1.4. Понятие об эстетике речи как репрезентации эстетики языка ... 60
Понятие об эстетике речи ... 60
Эстетика языка в аспекте стилистических требований к речи ... 60
Три основания стилистики ... 60
Оппозиция прекрасного и безобра́зного в речи ... 62
Понятие о смысловой защите текста ... 62
1.5. Понятие об эстетике общения как действительности эстетики языка ... 63
Понятие об эстетике общения ... 63
Оппозиция прекрасного и безобра́зного в общении ... 63
Оппозиция актуализации и манипуляции как прекрасного и безобра́зного в общении ... 64
§ 2. Понятие о пяти целевых подсистемах рассмотрения эстетики языка ... 70
2.1. Понятие о генетическом аспекте эстетических качеств мышления, языка, психофизиологии, речи и общения. ... 70
2.2. Понятие о логико-структурном аспекте эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения ... 74
2.3. Понятие о динамическом аспекте эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения ... 75

2.4. Понятие о функциональном аспекте
эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения 77
2.5. Понятие об идиостилевых аспектах
эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения 78
Стили мышления 80
Стили языка 82
Стили психофизиологии 82
Стили речи 83
Стили общения 83

Глава III. Специальные аспекты рассмотрения проблем эстетики языка: Оценка содержательной основы массовых песен 85
Чрезвычайная важность жанра массовых песен 85
Постановка проблемы 88

§ 1. Анализ социально-психологических установок массовых песен как основополагающий способ определения содержательной основы массовых песен. Три возможных типа содержательной основы художественного текста 89
Понятие о динамиках выживания 89
Используемые понятия 90
Проблема построения пирамиды установок 91
Используемая в работе пирамида установок 92
Понятие о трёх типах содержательной основы текста. Человек как текст 94
Примеры использования предлагаемой методики 95

§ 2. Образцы анализа содержательной основы массовых песен 101

Заключение 109

Цитируемая литература 112

Содержание 121

Учебное издание

Пузырёв Александр Владимирович

Пролегомены к эстетике языка и оценка содержательной основы массовых песен

Учебное пособие к курсам
«Социальная психология», «Теория и практика массовой информации»,
«Психология массовой коммуникации», «Психология журналистики»

Электронный набор *А.В.Владимиров*
Компьютерная верстка *А.В.Владимиров*

Художник обложки Н.В.Пенькова

ЛР № 020640 от 22.10.97

Подписано в печать 11.03.2010.
Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 7,21.
Тираж 200 экз. Заказ 20/316

Ульяновский государственный технический университет
432027, г. Ульяновск, ул. Сев. Венец, д. 32

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Мастер-студия »
Адрес: 432071, Россия, г. Ульяновск, ул. Марата, 8.
Тел. (8422) 44-56-08, 44-56-09, 44-55-33. Факс: (8422) 44-55-30.